

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ
СВЯТЫХ ОТЦОВ ЦЕРКВИ
И ЦЕРКОВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

Святитель
ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ
Творения

Том второй

Григорий Богослов
Творения. Том 2: Стихотворения.
Письма. Завещание
Серия «Полное собрание творений святых
отцов Церкви и церковных писателей», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=572965

Святитель Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский: Сибирская Благовонница;
Москва; 2007
ISBN 978-5-91362-025-5

Аннотация

Второй том «Полного собрания творений святых отцов Церкви и церковных писателей» составили стихотворения и письма свт. Григория Богослова. Тематика 408 представленных здесь стихотворений святого отца касается как богословской догматики, христианской нравственности и истории бурных событий церковной жизни IV века, так иногда и непростых личных и церковных взаимоотношений Назианзского богослова со своими современниками. Что особенно ценно, в своих стихах свт. Григорий предстает перед нами и как страдающий человек и раскрывает нам в своих строфах мир собственных переживаний. Ряд стихотворений переводится на русский язык впервые.

Эпистолярное наследие, состоящее из 244 писем, которые Святитель писал разным лицам, повторяет тематическое многообразие его стихотворного наследия. Особенно важны 101 и 102 письма к Кледонию, заложившие фундамент для православной христологии эпохи Вселенских Соборов.

Впервые на русском языке приводится перевод Завещания свт. Григория Богослова.

В Приложении к данному тому представлена блестящая дореволюционная монография А. В. Говорова «Св. Григорий Богослов как христианский поэт». Кроме того, читатель найдет здесь указатель цитат из Священного Писания, комментированный предметный указатель, словарь имен и понятий античной культуры.

Значительным преимуществом этого издания, по сравнению с переиздававшимися дореволюционными переводами творений этого Святителя, является впервые в России исполненная работа по приведению в традиционный порядок нумерации стихов и писем в соответствии с изданием Миня, а также общепринятая нумерация строф в стихах.

Содержание

Предисловие ко 2 тому Творений святителя Григория Богослова	6
Книга I. Стихотворения богословские	8
Раздел I. Стихотворения догматические	8
1. Об Отце[1]	8
2. О Сыне	9
3. О Святом Духе	10
4. О мире	11
5. О Промысле	13
6. О том же[7]	14
7. Об умных сущностях[9]	16
8. О душе	17
9. О заветах и о пришествии Христовом	19
10. О воплощении (против Аполлинария)[15]	21
11. О Христовом воплощении[19]	22
12. О подлинных книгах Богодуховенного Писания	22
13. [Двенадцать] патриархов – сыновей Иакова	23
14. Египетские язвы	23
15. Моисеево десятословие	23
16. Чудеса пророков Илии и Елисея	23
17. Ко храму Илии, называемому Вдовьим	24
18. Родословие Христово	24
19. Двенадцать апостолов	26
20. Чудеса Христовы по Евангелию от Матфея	26
21. Чудеса Христовы по Евангелию от Марка	26
22. Чудеса Христовы по Евангелию от Луки	27
23. Чудеса Христовы по Евангелию от Иоанна	27
24. Притчи Христовы по Евангелию от Матфея	27
25. Притчи Христовы по Евангелию от Марка[32]	28
28. Притчи Христовы по Евангелию от Луки	28
27. Притчи Христовы у четырех евангелистов	28
28. Буря, усмиренная Христом[33]	30
29. Песнь Богу	30
30. Другая песнь Богу	31
31. Песнь другая[35]	31
32. Песнь вечерняя	31
33. Благодарение	32
34. Другое благодарение	32
35. Молитва перед чтением Священного Писания	32
36. Молитва шествующего в путь	33
37. Другая молитва о добром путешествии[36]	33
38. О том же молитва другая	33
Раздел II. Стихотворения нравственные	34
1. Похвала девству	34
2. Советы девственникам	44
3. Увещание к девам[46]	55
4. К деве	56

5. К монахам в общежитии[47]	57
6. На целомудрие	57
7. О чистоте[48]	58
8. Сравнение жизни духовной и жизни мирской	58
9. О человеческой добродетели[49]	62
10. О добродетели[52]	64
11. Разговор с миром	76
12. О бренности естества человеческого	77
13. О том же[68]	77
14. О человеческой природе[69]	77
15. О малоценности внешнего мира[71]	79
16. О путях жизни	82
17. Блаженство и определения духовной жизни[75]	82
18. О человеческой жизни[78]	83
19. О том же	84
20. Пристрастие	84
21. Смерть любезных	84
22. Недобрые друзья	84
23. О том же[79]	84
24. На тех, которые часто клянутся	84
25. На гневливость	90
26. На человека высокого родом и худого по нравственности	97
27. О том же[85]	98
28. На богатолюбцев	98
29. На женщин, которые любят наряды	103
30. Мысли, писанные одностишиями[90]	108
31. Мысли, писанные двустишиями[91]	109
32. Двустышия	110
33. Мысли, писанные четверостишиями	113
34. Определения, слегка начертанные	117
35. На любомудрую нищету	121
36. О том же	122
37. На терпение	122
38. О том же	122
39. Счастье и благоразумие	122
40. О суетности человеческой[97]	122
Книга II. Стихотворения исторические	123
Раздел I. О себе	123
1. Стихи о самом себе	123
2. Клятвы Григория	132
3. О добром пути из Константинополя[105]	132
4. К себе	133
5. К церковному народу храма Анастасии[106]	133
6. К нему же	133
7. Поздравление к недружественным	133
8. На завистников[107]	133
9. На тех же	133

10. К константинопольским иереям и к самому Константинополю	134
11. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою	134
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Святитель Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский Том второй: Стихотворения. Письма. Завещание

Предисловие ко 2 тому Творений святителя Григория Богослова

Предлагаемое вниманию читателей издание 2 тома «Полного собрания творений святых отцов Церкви и церковных писателей» – творений свт. Григория Богослова имеет в своей основе дореволюционный перевод Московской Духовной Академии 1843–1848 гг., за последние годы уже не раз переиздававшийся. Однако новое издание отличается обстоятельная редакторская работа по упорядочению русского перевода творений свт. Григория в соответствии с зарубежными патрологическими изданиями, и прежде всего «Патрологией» Миня (*Patrologiae Cursus Completus Graeca* = PG). В этом французском издании все многочисленные (408) и разнообразные по содержанию стихотворения свт. Григория были разделены по тематическому принципу на два крупных собрания (книги = *liber*), каждое из которых в свою очередь делится на два раздела (= *sectio*). Так, «Стихотворения богословские» заключают в себе «Стихотворения догматические» и «Стихотворения нравственные»,

а «Стихотворения исторические» – «Стихотворения о самом себе» и «Стихотворения обращенные к другим». В «Патрологии» Миня эти произведения свт. Григория содержатся в 37 томе PG. Продолжают порядок стихов свт. Григория два отдельно стоящих раздела: его Эпитафии (Надгробия) и Эпиграммы (Надписания) (PG. Т. 38). Стихотворения, входящие в каждый из разделов, пронумерованы. В свою очередь каждое из стихотворений в издании «Патрологии» Миня расположено привычной для стихотворного текста колонкой по строфам с нумерацией строф через каждые пять. И хотя в нашем издании мы оставляем дореволюционный текст не разделенный колонкой на строфы, тем не менее воспроизведены (впервые на русском языке) обе нумерации, которые зарубежные патрологи и другие исследователи и авторы имеют в виду и упоминают в своих работах в качестве универсальной системы ссылок на данные тексты свт. Григория. Все стихотворения получили те же названия, что и в «Патрологии» Миня, в то время как в дореволюционном переводе МДА многие из них не были поименованы вообще или иногда имели другие названия. Впрочем, если старое название изменено, мы приводим его для удобства читателя в постраничных ссылках. В результате упорядочения сочинений свт. Григория и их нумерации были выявлены непереведенные или неизданные на русском языке стихотворения и письма Богослова (в основном небольшого объема). В данном издании приводится их перевод. Кроме того, во 2 томе помещен перевод большого стихотворения критического содержания «О себе и о епископах», выполненный свящ. Алексием Ястребовым, впервые изданный в журнале «Церковь и время» (2003, № 1 (22)) и любезно предоставленный нам переводчиком.

Письма свт. Григория упорядочены в соответствии с нумерацией издания Миня, непереведенные – переведены. В скобках помещены номера писем в переводе МДА. Пять писем, помещенные в переводе МДА под титулом «Послания», в нынешнем издании не выделены отдельно, но носят те номера, которые они имеют в «Патрологии» Миня.

Издатели позволили себе незначительную литературную обработку перевода ТСО. В частности, упрощены наиболее архаичные обороты речи.

В книге впервые приведен русский перевод знаменитого Завещания святителя Григория.

В Приложении к данному тому представлена блестящая дореволюционная монография А. В. Говорова «Св. Григорий Богослов как христианский поэт». Эта работа вышла в свет в 1886 году и после этого не издавалась. В нашем издании она приводится в новом наборе с переработанными сносками, отсылающими читателя не к прежним изданиям, а к настоящим двум томам свт. Григория Богослова. Мы надеемся, что это исследование сослужит большую пользу читателю для более глубокого ознакомления с такой внешне не совсем «магистральной» (по сравнению со Словами) частью творений свт. Григория, как его стихотворения.

Кроме того, в Приложении приведены указатель цитат из Священного Писания, комментированный алфавитный указатель (предметноименной) и краткий словарь античной мифологии и культуры.

Все это, безусловно, облегчит компетентную работу с текстами святителя Григория Богослова. Данная книга серии будет не только профессионально нужна специалистам и преподавателям богословско-патрологических, церковно-исторических и религиоведческих дисциплин, но и особенно интересна вдумчивому православному читателю, стремящемуся прикоснуться к лежащим «не на поверхности» пластам святоотеческого богословия, мудрости и личного духовного опыта, составляющим, без сомнения, сокровищницу Священного Предания Церкви.

П. К. Доброцветов

Святитель

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ ПИСЬМА ЗАВЕЩАНИЕ

Книга I. Стихотворения богословские Liber I. Poemata theologica

Раздел I. Стихотворения догматические Sectio I. Poemata dogmatica

1. Об Отце¹

Знаю, что на непрочной ладье пускаюсь в дальнее плавание или на малых крыльях уношусь к звездному небу – я, в котором родилась мысль открыть Божество, **5.** или определения великого Бога, и ключ для всего, тогда как и небесным умам недостает сил возблагодарить пред Богом, сколько должно. Впрочем, поскольку Божеству часто бывает приятен дар не столько полной, сколько угодной Ему, хотя и скудной, руки, то смело изреку слово.

Но кто злочестив, беги прочь! Мое слово простирается или к очищенным, или к трудящимся над очищением себя. **10.** Оскверненные же? Как звери, прикасавшиеся к горе, когда с вершины ее воссиял Христос и писал на скрижалях Моисею закон (Исх. 19:13), немедленно были побиваемы отторгавшимися камнями, так будет и с ними. Так слово от нашего лика гонит злых, **15.** которые имеют богоборное сердце.

А я положу на страницы предисловием как бы то же, что древле богомудрые мужи – Моисей и Исаия (говорю это знающим), **20.** когда один давал новописанный закон, а другой напоминал о законе нарушенном, чтобы привести в трепет жестокосердый народ, – представили во свидетельство слова. *Вонми, небо, и да слышит земля глаголы мои* (Втор. 32:1; Ис. 1:2)! Дух Божий! Ты возбуди во мне ум и язык, соделай их громозвучной трубой истины, чтобы усладились все, прилепившиеся сердцем ко всецелому Божеству!

25. Един есть Бог безначальный, безвиновный, неограниченный ничем, или прежде бывшим, или после имеющим быть, и в прошедшем и в будущем объемлющий вечность, беспредельный, благого, великого, Единородного Сына великий Отец, Который в рождении Сына не потерпел ничего свойственного телу, потому что Он – Ум.

Един есть Бог иной, **30.** но не иной по Божеству – сие Слово оного Бога, живая печать Отчая, единый Сын Безначального и Единственный Единственного, во всем равный Отцу (кроме того, что один всецело пребывает Родителем, а другой – Сыном), Мироположник и Правитель, сила и мысль Отца.

35. Един Дух – Бог от благого Бога. Да погибнет всякий, кого не отпечатлел так Дух, чтобы являл Его Божество, у кого или в глубине сердца есть зло, или язык нечист, – эти люди полусветлые, завистливые, эти самоученные мудрецы – этот источник загражденный (Притч. 25:27), светильник, сокрытый в темной пазухе (Лк. 11:33)!

¹ Стихотворения № 1–5 были включены в цикл «Песнопения таинственные» (см.: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского: В 6-ти ч. 1843–1848. Ч. 4. С. 177–193). В дореволюционном переводе первое произведение называлось: «Слово 1, о началах». Далее издание 1843–1848 гг. будет указываться – ТСО (Перевод Московской духовной академии в серии «Творения святых отцов в русском переводе»). – *Ред.*

2. О Сыне

Прежде всего прославим Сына, чья кровь – очищение наших немощей. Ибо по причине восставшего на Бога, зломудренного, самоубийственного языка нужно, чтобы и смертный помог небесным.

5. Ничего не было прежде великого Отца, потому что Он все имеет в Себе. И Его знает неотлучный от Отца – Отцом рожденный, безлетный Сын, великого Бога Слово, Образ Первообраза, Естество, равное Родителю. Ибо слава Отца – великий Сын. **10.** А как явился Он от Отца, знает единый Отец и Явившийся от Отца, потому что никто не был близ Божества.

Впрочем, то несомненно известно и всякому человеку и мне, что Божеству нельзя приписывать моего рождения, то есть течения, бесславного сечения. Если я делаюсь родителем не без страдания, потому что составлен из частей, **15.** то не следует из сего, чтобы подлежал страданию Тот, Кто вовсе несложен и бестелесен. Ибо что удивительного, если у тех, которые далеки между собой но естеству, и рождения инаковы? Хотя время и старше меня, но оно все же не прежде Слова, у Которого Родитель безлетен.

20. Как Отец ничего не оставляет для уопределения выше безначального Божества, так и Сын Отчий имеет началом безлетного Отца, подобно тому как начало света есть великий и прекраснейший круг солнечный. Впрочем, всякое подобие ниже великого Бога, и опасно, чтобы, **25.** поставив нечто между присносущным

Отцом и присносущным Сыном, не отторгнуть нам Царя-Сына от Царя-Отца. Ибо предполагать, что время или хотение прежде Бога, по моему мнению, значит рассекать Божество. Родитель велик как Бог, как Родитель. Но если для Отца выше всего не иметь никакой причины досточтимого Божества, **30.** то и достопоклоняемому Рождению великого Отца не менее высоко иметь такое начало. Не отсекай Бога от Бога, потому что не знаешь такого сына, который бы далеко отстоял от отца.

А слова «не рожденный» и «рождение от Отца» не равнозначительны слову «Божество». **35.** Иначе кто произвел сии два рода Божества? В отношении к Богу оба они не входят в понятие сущности; естество же, по моему разумению, нерассекаемо. Если Слову принадлежит рождение, то Отец, будучи бесплотен, не приемлет ничего свойственного плоти (человеческий ум никогда не дойдет до такого нечестия, чтобы помыслить сие); и ты имеешь Сына-Бога, достойную славу Родителя.

40. Если же ты, суемудрый, желая возвеличить Божество великого Отца и напрасно вселяя в сердце пустой страх, отринул рождение и Христа низводишь в разряд тварей, то оскорбил ты Божество Обоих. Отец лишен у тебя Сына и Христос не Бог, если только Он сотворен. **45.** Ибо все, чего когда-либо не было, принадлежит к тварям; а Рожденное по важным причинам пребывает и всегда будет, равным Богу. Какое же основание тому, что ты, наилучший, чрез Христовы страдания впоследствии, когда преселишься отселе, станешь богом, а Христос – подобным тебе рабом, **50.** вместо Божеской чести припишется Ему только превосходство между рабами?

Если, как ковач, намереваясь сделать колесницу, готовит молот, так и великий Бог в последствии времени создал полезное орудие, чтобы первородной рукой приобрести меня, – то тварь во многих отношениях будет превосходнее небесного Христа, **55.** если только Слово для твари, а не тварь для Христа. Но кто же бы стал утверждать сие? Если же Он принял плоть, чтобы помочь твоим немощам, а ты за сие приводишь в меру преславное Божество, то погрешил Милосердствовавший о тебе. А для меня тем более Он чуден, **60.** что и Божества не умалил, и меня спас, как врач, приникнув на мои зловонные струпы.

Он был смертен, но Бог; род Давидов, но Адамов Создатель; плотоносец, но бестелесен; по Матери-Деве описан, но неизмерим. **65.** Ясли вместили Его, но звезда вела к Нему

волхвов, и принесшие дары пришли и преклонили пред Ним колена. Как человек, был Он в борении, но, как неодолимый, в трехкратной борьбе препобедил искусителя. Вкушал Он пищу, но напитал тысячи и воду претворил в вино. **70.** Крестился; но очистил грехи; но Дух громогласно провозгласил Его Сыном Безначального. Как смертный, погружался Он в сон и, как Бог, укрощал море. Утомлялся Он в пути, но у изнемогих укреплял силы и колена. Молился, но Кто же внял умиленным мольбам погибающих? **75.** Он был Жертва, но и Архидиакон; Жрец, но и Бог; принес в дар Богу кровь, но очистил весь мир; вознесен на крест, но ко кресту пригвоздил грех. К чему же перечислять все подробно? Он к мертвецам приложился, но из мертвых восстал, а прежде Сам воскрешал мертвецов. **80.** Если одно показывало нищету смертного, то другое – богатство Бесплотного. По крайней мере ты, видя в Нем свойственное смертным, не бесчести Божества. Оно соделало славным и перстный образ, который из любви к тебе образовал нетленный Сын.

3. О Святом Духе

Что медлишь, душа моя? Воспой и славу Духа; не отделяй в слове Того, Кто не исключен по естеству. С трепетом чтим великого Духа: Он мой Бог, Им познал я Бога, Он Сам есть Бог и меня в той жизни творит богом. **5.** Он всемогущ; Он раздаятель даров, предмет песнопений чистого лика небесных и земных; Он Жизнеподатель, сидит на превознесенном престоле, исходит от Отца. Он Божия сила, Самовластитель. Он не Сын (потому что един есть благой Сын единого Всеблагого), но Он и не вне невидимого Божества, а равночестен.

10. Кто же хочет Божество небесного Духа найти на страницах богодухновенного закона, тот увидит многие частые и вместе сходящиеся стези, если только пожелает видеть, если сколько-нибудь сердцем привлеч чистого Духа и ум у него острозрителен. **15.** А если кто потребует открытых слов вселюбезного Божества, то пусть знает, что неблагоприятно его требование. Ибо доколе большей части смертных не было явлено Божество Христово, не надлежало возлагать невероятного бремени на сердца до крайности немощные. Не для начинающих благовременно совершеннейшее слово. **20.** Кто станет слабым еще глазам показывать полный блеск огня или насыщать их непомерным светом? Лучше постепенно приучать их к яркому блеску, чтобы не повредить и самых источников сладостного света. Так и слово, открыв прежде всецелое Божество ЦаряОтца, **25.** стало озарять светом великую славу Христову, являемую немногим разумным из людей, а потом, яснее открыв Божество Сына, осияло нам и Божество светозарного Духа. И для тех проливалось оно малый свет, большую же часть предоставило нам, которым потом обильно **30.** и в огненных языках разделен Дух, показавший явные признаки Своего Божества, когда Спаситель вознесся от земли. Знаю же, что Бог есть огонь для злых и свет для добрых.

Так доказал я тебе Божество Духа. Если же ты приходишь в удивление, частью слыша о Сыне и не-Сыне единого Божества, **35.** а частью убежденный противоположными, удобоизвращаемыми местами Писания, то и здесь Сам Бог снизойдет и подаст мне слово.

От одного первозданного ² произошли жена и Сиф, и половина и порождение четы по законам брака, и нерожденная и рожденный, хотя тот и другая в равной мере были людьми. **40.** Помня сие, и ты не унижай Божества, не предпочитай Одного, унижая Другого. Одно есть естество неизмеримое, несозданное, безлетное, благое, свободное и равночестное. Един есть Бог в трех Озарениях, управляющий миром. Ими и я возбуждаюсь к новой жизни, когда, **45.** погребая смерть в купели, возвращаюсь к свету. Ибо Троичное Божество даровало мне силу воссиять светоносным. Нет, не обману тебя, любитель очищения. Если бы я, омытый Божеством, стал рассекать светлое Божество, то лучше бы... но боюсь докончить недоброе

² Т. е. Адама. – Ред.

слово. **50.** Я входил в купель в надежде сподобиться Божия дара. Если всего меня очистил Бог, то весь Он для меня досточтим. Но неравный Божий дар да получит тот злочестивый смертный, который сам рассекает свое Божество!

55. Если в Божием слове и у богоносных мужей слышишь или о Сыне, или о благом Духе, будто бы Они имеют второе место но Боге Отце, то советую тебе здесь, в словах глубокой мудрости, находить тот смысл, что она не Божество рассекает, но восходит к единому безначальному корню, дабы ты видел единство державы, а не разность досточтимости.

60. Из Единицы Троица, и из Троицы опять Единица. Здесь не то же, что ключевая жила, ключ и большая река, и между тем единый поток, в трех видах стремящийся по земле; не то же, что свеча из пылающего костра, опять в него влагаемая; не то же, что слово, исходящее из ума и в нем пребывающее; **65.** не то же, что отблеск колеблющихся и освещенных солнцем вод, мелькающий на стене, ни на одно мгновение не останавливающийся, но прежде приближения удаляющийся и прежде удаления приближающийся; не то же – потому что естество Божие не есть что-либо непостоянное, или текучее, или опять сливающееся; напротив того, Богу свойственна неизменность.

70. А ты, мудрствуя так, приноси в сердце чистую жертву. В трех Светах одно естество неподвижно. Единица не бесчисленна, потому что покоится в трех Добротах. Троица не в разной мере досточтима, потому что естество не рассекаемо. В Божестве Единица, но тричисленны Те, Которым принадлежит Божество. **75.** Каждый есть единый Бог, если именуешь одного. И опять, един Бог безначальный, из Которого богатство Божества, когда слово упоминает о Трех. В первом случае проповедуется смертным досточтимость Трех Светов, во втором мы славим пресветлое единоедержавие **80.** и не восхищаемся многоначальным собором богов. Ибо, по моему рассуждению, многоначалие есть то же, что и совершенное безначалие, находящееся во взаимной борьбе. А борьба предполагает раздор, а раздор быстро ведет к разрушению. Посему многоначалие да будет у меня как можно дальше от Божества!

85. Тремя богами можно было бы назвать тех, которых разделяли бы между собой время, или мысль, или держава, или произволение, – так что каждый никогда бы не был тождествен с прочими, но всегда находился с ними в борьбе. Но у моей Троицы одна сила, одна мысль, одна слава, одна держава; а чрез сие не нарушается и единичность, которой великая слава в единой гармонии Божества.

90. Сие только свету, который во мне, открыло Троичное сияние из-за воскрилий завесы внутрь Божия храма, за которыми сокрыто царственное естество Божие. А если нечто большее открыто ангельским ликам, то еще гораздо более ведомо Самой Троице.

4. О мире

Воспоем и творение великого Бога, опровергнув ложные мнения.

Един Бог; а что представляли эллинские мудрецы о материи и форме, будто они безначальны, то это ни на чем не основанная басня. **5.** Как все сии почтенные формы, сделанные у них богами, не существовали от начала, но получили бытие по воле великого Бога, так видел ли кто когда-нибудь материю без формы? Или кто нашел форму без материи, хотя и очень много трудился в сокровенных изгибах ума? А я не находил ни тела бесцветного, ни бестелесного **10.** цвета. Кто отделял друг от друга то, чего не отделила природа, но свела воедино? Но отделим форму от материи. Рассуди же: если бы они были вовсе несоединимы, то как бы сошлись вместе, или как бы образовался мир, когда они совершенно отдельны? А если соединяемы, то как соединились? Кто, кроме Бога, слил их между собой? **15.** Но если Бог – соединитель, то Его же признай и Творцом всего. И горшечник на своем колесе дает форму глине, и плавильщик золота – золоту, и каменотесец – камням. Уступи же, любитель безначалия, уступи Богу нечто большее нашего смысла; и это большее пусть будет мате-

рия с движущимися формами. **20.** Помыслил многохудожный родитель всяческих – Божий Ум, и произошла материя, облеченная в формы; потому что Он не походит на живописца, в котором видимый перед очами образ возбудил нечто подобное сему образу, чего не мог бы начертать один ум.

И ты, злая тьма манихейская³ **25.** не была от начала равнопрестольной высочайшему Свету! Если был Бог, то не было тьмы; потому что зло не могло спорить о равенстве с Богом. Если была тьма, то ты не даешь места Богу: Ему неприлично быть в согласии с тьмой. Если же представишь их в борьбе, преодолет сильнейшее. А если скажешь, что они равносильны, кто третий приводит их в единство своей мудростью и прекращает борьбу? **30.** И то весьма удивительно, что, возбудив ужасную вражду, тотчас забываешь об этой борьбе и представляешь враждующих согласными [между собой]. Я состою из души и тела. И душа есть струя бесконечного света – Божества, а тело производишь ты от темного начала. И столь далеких между собой ты сводишь воедино. **35.** Если я составляю одну общую природу, то вражда мною прекращена. А если жестокая вражда во мне непримирима, то я не составляю одной природы, сопряженной из души и тела. Ибо не враждебные, но дружественные начала дают общее произведение. Такой мрак obleжит твое сердце!

А по моему учению, един есть Бог безначальный, ни с кем не борющийся, един благой Свет, **40.** сила высокошественных умов, простых и сопряженных, небесных и земных; а тьма произошла впоследствии и есть не какая-либо удобоописуемая самостоятельная природа, но наш, собственно, грех. Грех же есть нарушение заповеди, подобно как ночь есть захождение солнца, **45.** немощная старость – минование юности и ужасная зима – следствие удаления солнца вверх.

Первейший из небесных светов, по гордости своей утратив свет и славу, преследует всегдашней ненавистью человеческий род. От него и первый человек вкусил убийственного греха **50.** и смерти, которая по его ухищрению возгнепа⁴ во мне пламень. Такова природа высоко родившегося зла, которому он отцом! Ржа – пагуба твердому железу; а я, самоубийца, насадил в себе пагубу – грех, по своему умыслению последовав коварным внушениям завистника.

55. Если же и тогда был ты, мир, близок к славе безначальной Троицы, то почему поставили тебя в такой дали христоносные Светы, сведущие в Божественном, и почему весьма небольшое число лет считается после того, как водрузило тебя великое Божие Слово? Но если водружен ты впоследствии, **60.** то спрашиваю: поелику Богу нельзя приписать недеятельности и несовершенства, то чем занята была Божия мысль прежде, нежели Всевышний, царствуя в пустоте веков, создал вселенную и украсил формами? Она созерцала вожделенную светлость Своей доброты, равную и равно совершенную светозарность **65.** трисиянного Божества, как известно сие единому Божеству и кому открыл то Бог. Мирородный Ум рассматривал также в великих Своих умопредставлениях Им же составленные образы мира, который произведен впоследствии, но для Бога и тогда был настоящим. **70.** У Бога все пред очами: и что будет, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздел положен временем, что одно впереди, другое позади, а для Бога все сливается в одно и все держится в мышцах великого Божества. Посему внимлите, что изобрел мой ум.

75. Все породил в себе Ум, а рождение вовне совершилось впоследствии благовременно, когда открыло великое Божие Слово. Он восхотел создать умные природы, небесную и земную – сии проницаемые светом зеркала первого Света, чтобы одна, сияя горе', **80.** пребывала великой светоносной служительницей Царя, другая же имела славу здесь. Он источает им Божество, чтобы царствовать в большем числе небесных умов и для большего числа

³ Манихейство – еретическое учение о равноправной борьбе света и тьмы. – *Ред.*

⁴ Возгнепать (*ц. – сл.*) – зажигать, распалать. – *Ред.*

быть блаженнотворным светом. Ибо таково свойство Царя моего – сообщать блаженство. Но чтобы тварь, приближаясь к Богу, не пожелала равной с Богом славы **85.** и не погналась за светом и славой, тогда как всего лучше соблюдать меру, а чрезмерность всего хуже, – высокое Слово, благопромышляя о будущих тварях, отдалило как от Троицы все окружающее престол Света, так и от ангельских ликов смертную природу. **90.** Впрочем, не очень много отдалило Оно служебную ангельскую природу, а гораздо более нашу природу, потому что мы произошли из персти, соединенной с Божеством, природа же простая⁵ совершеннее.

Из миров один сотворен прежде. Это иное небо, обитель богоносцев, созерцаемая единым умом, **95.** пресветлая; в нее вступит впоследствии человек Божий, когда, очистив ум и плоть, станет богом. А другой, тленный мир создан для смертных, когда надлежало устроиться и лепоте светил, проповедующих о Боге красотой и величием, и царственному чертогу для образа Божия. **100.** Но первый и последний мир созданы Словом великого Бога.

5. О Промысле

Так водружен широко основанный мир великим бесконечным Умом, Который все носит в Себе и Сам превыше всего. Но что за помысл объять необъятное? Бог, как скоро устроил мир, с первого же мгновения, по великим и непреложным законам, движет и водит его, **5.** как кубарь⁶ ходящий от удара кругами. Ибо не самослучайно естество сего обширного и прекрасного мира, которому нельзя и вообразить чего-либо подобного, и в продолжение толикого времени предоставлен он не самослучайным законам. **10.** Видал ли кто дом, или корабль, или быструю колесницу, или щит и шлем, которые бы не были сделаны руками? Мир не простоял бы столько времени, если бы в нем было безначалие. И лик певцов расстроится, если никто им не правит. Вселенной же не свойственно иметь иного правителя, кроме Того, Кто устроил ее.

15. Ты, который представляешь звезды вожжами нашего рождения, нашей жизни и целого мира, скажи: какое еще иное небо прострешь над самыми звездами и над ним поставишь ли еще новое и новое, чтобы было кому водить водящих? Под одной звездой родится один царь и много других людей, из которых иной добр, **20.** а другой худ, один вития, другой купец, третий бродяга, иного же высокий престол делает надменным. Для многих, родившихся под разными звездами, равная участь и на море, и на войне. Кого связывали звезды, тех не связал между собой одинаковый конец. А других, хотя разделили звезды, одинаковая соединила кончина. **25.** Если для каждого есть своя какая-то первая необходимость, то сие чистая басня. А если и над ней господствует еще общая сильнейшая и есть звезды, противные звездам, то кто же смешал их? Ибо кто сочетал, тот, если захочет, и расторгнет союз. А если совершил сие Бог, то как же стало первым то, что заменило у тебя моего Бога, **30.** если и Самого Бога не подчинишь своим звездам? Если же нет господствующего, то как будет стоять мир? Я не вижу этой возможности, хотя бы кто и желал такими рассуждениями изгнать Бога. Ибо необходимо надобно кому-нибудь управлять – или Богу, или звездам.

А я знаю следующее: Бог управляет вселенной. **35.** Божие Слово и здесь и там распределяет все, чему положено в Его совете быть на небесах и на земле; и одним тварям даны навсегда непреложно постоянная стройность и течение, а другим уделена жизнь, изменяющаяся и принимающая многие виды. О них иное явил нам Бог, а иное блюдет в тайниках **40.** Своей премудрости, чем хочет обличить пустое тщеславие смертного; одно поставил Он здесь, а другое явится в последние дни. И земледelec пожинает все зрелое; так и Христос, наилучший судия моей жизни.

⁵ Т. е. простая духовная природа Божества или природа Ангелов. – *Ред.*

⁶ Кубарь – юла, волчок. – *Ред.*

Таково мое слово; оно не зависимо от звезд и идет своим путем. **45.** Говори ты мне о своих гороскопах, о мелких частях зодиакального круга и о мерах пути; разорй у меня законы жизни – страх злочестивых и надежду добрых, борющуюся до конца! Если все дает звездный круг, то и я влекусь его же вращением. **50.** И самое хотение производится во мне тем же кругом; нет у меня никакой силы воли или ума, которые бы вели меня к добру; но и к этому влечет меня небо.

Не упоминай мне о великой славе Христовой, звезде благовестнице, которая с востока путеводила волхвов в тот город, **55.** где воссиял Христос – безлетный Сын смертного рода! Она не из числа тех, истолкователями которых [являются] астрологи, но не обыкновенная и не являвшаяся прежде сего, а замеченная в еврейских книгах. Из них предузнав о звезде, посвятившие жизнь звездословию халдеи, **60.** когда с удивлением отличили ее от множества наблюдаемых ими звезд и приметили, что с новым сиянием несется она с востока по воздуху в еврейскую землю, заключили о рождении Царя. И именно в то время, как, вместе с небожителями, поклонились Царю астрологи, отпало у них попечение о своем искусстве.

65. Но пусть текут своим путем, какой указал им Царь-Христос, сии огнистые, вечно движущиеся, несовратимые со своих путей звезды, как неподвижные, так и блуждающие, описывающие, как говорят, одни и те же круги; **70.** и мы оставим без исследования, возможна ли природа огня, поддерживаемая без питания, или есть некоторое, так называемое, пятое тело. Что же касается до нас, пойдем своим путем. Ибо мы, хотя узники земные, однако же поспешаем к разумному и небесному естеству.

6. О том же⁷

Прочь от меня те, которые отрицают Божество, которые этого невыразимого благоустройства во вселенной не приписывают никакой всезидущей и вседержавшей Сущности! **5.** Прочь от меня и те, которые признают целый рой богов или владычество добрых и злых духов! Прочь от меня и те, которые отрицают Промысл, как будто боясь получить спасение от Бога, а, напротив того, все в мире или приписывают непостоянному стремлению или подчиняют движению звезд. **10.** Но как и кем приводятся в движение звезды? Если Бог их движет, то почему первоначально то, что вращает Бог? Кто связал что-нибудь, тот может и развязать. А если не Бог движет, как им установиться при безначалии **15.** или при борьбе с Совершеннейшим? И как же не быть здесь борьбе? Ибо отрицание Промысла есть мятеж против Бога. Разве скажешь, что и Бог подчинен судьбе и невольно несет на Себе насильственные узы! Так эти умствователи запутываются в собственных своих учениях.

20. Но у нас единый Бог правит этой вселенной, как Ему угодно; Сам по собственным Своим манованиям и законам премудро приводит все в движение и взаимное сопряжение, хотя по видимому и не все идет благопоспешно. Ибо и в древности и ныне многим из самых мудрых **25.** затруднительными казались примечаемые в здешней жизни несообразности. И нужно ли перечислять всех? Смотри, что испытывает в себе Давид (Пс. 72:2-14)! Видя, что злые действуют, по их мнению, благоуспешно, приходит он в сильное колебание и боится, чтобы иной самого естества вещей не предоставил слепому стремлению и не подумал, что нет над нами начальствующего. **30.** Впрочем, Давиду известно и решение затруднения. Он говорит: посмотри на конец всякого человека, как он ответствен жизни. Ты посеял; увидишь и колос своего посева. А если ты не знаешь законов, это не значит, чтобы не знало их и Слово. **35.** Ибо, если ты не знаешь живописи, не следует, чтобы не знал ее и живописец. Или, если тебе неизвестны свойства линий, не следует, чтобы они были так же неизвестны геометру, как и тебе. Иное сам ты постиг, а с иным согласишься благоразумно. И то уже признак

⁷ В переводе ТСО: «О Промысле». – Ред.

разума, чтобы покоряться разуму. Ежели все ясно, то скажи: где место вере? **40.** Ибо вера есть непытливое согласие.

А я (и, может быть, разумно) рассуждаю так: тебе при вступлении твоём обещал я не это, не богатство, не беззаботность, не телесное здоровье или благочадие, но блаженную жизнь и ожидаемые блага, **45.** чтобы ты взамен настоящего ожидал себе большего. Справедливо ли же будет, например, при покупке чего-нибудь требовать купленную вещь и удерживать у себя ее цену? Разве тебе одному нужно такое предпочтение перед всеми? Но это означало бы чрезмерную ненасытность и необыкновенную притязательность. **50.** Или отдай назад купленное, любезнейший, или заплати цену, если должно тебе устоять в своем слове и ты не отступаешься от прекрасных условий.

Скажешь: почему же у древних были эти блага? Тогда не укоренилась еще вера, **55.** настоящее служило удостоверением в умопредставляемом: так и младенцев, пока не возрастут, питают молоком. А доказательством сему служит то, что тогда весьма важные преступления были некоторым образом извиняемы и не очень высокие доблести ⁸ уважались, **60.** так что достоинство с обеих сторон уравнивалось, наказания же, налагаемые мудрыми, превосходили меру. В этом убедят тебя Давид, Моисей и Елисей, которого имя произношу с трепетом. Один легко был наказан за свои грехопадения; другой за небольшие заслуги удостоен Божия лицезрения, принял от Бога закон и спас великое воинство; **65.** третий же за малое оскорбление, и притом детям, сверх ожидания воздал тяжким наказанием. Так прикровен был тогда закон! **70.** Так очищение совершалось кровью жертв и очищение оскверненной плоти – не важным кроплеием! Так почиталось совершенством избегать худого, хотя бы не присовокуплялось ничего больше! И все это потому, что благочестие для живших тогда заключено было в тесные пределы.

75. А сказать ли тебе нечто поважнее доселе сказанного? И это скажу. У них не было такого дара, какой имеем мы в страданиях Бога, в Агнце, закланном за мои грехи. **80.** Поэтому труд их был больше; а если больше, то согласишься, что им следовало и большее воздаяние за труды; а нам следует меньшее, потому что имеем больше средств.

Но вместо всего и прежде всего надобно еще сказать: не очень хвали благополучие здешней жизни, как наученный помышлять о том, что важнее видимого. **85.** Смотри: не ведет ли меня трудный путь на высоту, а тебя удобство пути – к стремнине? По мне лучше изможденная плоть, нежели твоя утучненная. Видал ли ты иногда в загоне волов? Один великоросл, свиреп, лоснится от жира, **90.** высоко держит голову; другой поник головой к земле, морщиноват, некрасив, носит на себе знаки земледелия: и первый сберегается на заколение, а второй кормит и себя и господина. Который же из них, по твоему мнению, имеет лучший жребий: **95.** не изможденный ли, не сокрушенный ли? Это само собой явно. Но ты любишь уширенное, хотя бы это и само по себе было худо и вело к худому. Неужели же станешь хвалить толщину страждущего водяной болезнью? Неужели помешанный в уме покажется тебе человеком крепким? **100.** Неужели сладкое непременно должно быть спасительным врачевством? Многих нередко спасало горькое, а от сладкого всего чаще бывает хуже. Для умного сына не достоин ли уважения родительский жезл? А снисходительность для него не зло ли? **105.** Кто не сын, тот не знает и ударов жезла. А что, если ты, как Иов, подвизаешься ради венцов? Повторяй это чаще сам себе, и тебе не трудно будет найти для себя утешение в трудах, а благодарностью своей приобрести надежду. **110.** Худому только рабу свойственно оказывать уважение господину, когда он улыбается, и почитать его злым, когда наносит удары. Надобно без ропота принимать, куда ни будет повернуто кормило, которым Бог изводит меня

⁸ У Библия читается: *τά δ' οὐ μέγιστα τὸν κακὸν τιμῆα*. Но по переводу Леунклавия видно, что он вместо *κακὸν* (пороков) читал *καλὸν* (доблестей).

из борьбы и жизни, пока не взойду в тихую пристань, **115.** если только не напрасно построил Он этот корабль, но для доброго и благоуспешного конца.

7. Об умных сущностях⁹

Как солнечный луч из безоблачного неба, встретившись с видимыми еще отражающими его облаками, из которых идет дождь, распространяет многоцветную радугу и весь окружающий эфир блещет **5.** непрерывными и постепенно слабеющими кругами, так и природа светов поддерживается в бытии тем, что высочайший Свет лучами Своими непрестанно осиявает умы низшие. И источник светов – Свет неименуем, непостижим, убегает от быстроты приближающегося к Нему ума, **10.** всегда упреждает всякую мысль, чтобы мы в желаниях своих простирались непрестанно к новой высоте. А светы вторичные после Троицы, имеющей царственную славу, суть светозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходят окрест великого престола, потому что суть умы быстродвижные, **15.** пламень и божественные духи, скоро переносимые по воздуху. Они усердно служат высоким велениям. Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плотей ведут начало (потому что всякая плоть едва огустеет, как уже и разрушается) и не входят в плоти, но пребывают, какими созданы. **20.** Желал бы я сказать, что они вовсе неодолимы злом, но удержу слишком борзо несущегося коня, стянув браздами ума. Из них одни предстоят великому Богу, другие своим содействием поддерживают целый мир; и каждому дано особое начальство от Царя **25.** иметь нод надзором людей, города и целые народы и даже распорядить словесными жертвами земнородных.

Но на что решишься, дух мой? В трепет приходит ум, приступая к небесным красотам; стало передо мной темное облако, и недоумеваю, простирать ли вперед или остановить мне слово. **30.** Вот путник пришел к крутоберегой реке и хочет ее перейти; но вдруг поколебалась мысль; он медлит своей переправой, долго борется в сердце, стоя на берегу; то необходимостью вложена в него смелость, то страх связал решимость; не раз заносил он ногу свою в воду и не раз отступал назад; **35.** однако же после всей борьбы нужда победила страх. Так и я, приближаясь к невидимому Божеству, с одной стороны, о тех, которые предстоят чистому Всецарю и преисполнены светом, боюсь сказать, что и они доступны греху, дабы чрез сие и многим не проложить пути к пороку; **40.** а с другой стороны, опасаясь изобразить в песни моей неизменяемую доброту, так как вижу и совратившегося князя злобы. Ибо Благому несвойственно было насаждать в нас злое свойство и в тех, кого любит, возбуждать мятеж и ненависть. Нельзя также предположить, чтобы зло равномошно было добру и имело особенную природу, **45.** или впоследствии происшедшую, или безначальную, как Сам Царь. Но когда недоумевал я о сем, вложил мне Бог следующую мысль.

Первое чистое естество Божества всегда неизменно и никогда не бывает вместо единого многим. Ибо есть ли что-нибудь совершеннее Божества, во что могло бы Оно уклониться? А множественность есть уклонение существа от себя самого. **50.** Второе место занимают великие служители высочайшего Света, столько же близкие к первообразной Доброте, сколько эфир к солнцу. А в-третьих, следуем мы – воздух. И одно Божие естество совершенно неизменно; ангельское же естество неудобопреклонно ко греху; а мы, третий род, удобопреклонны **55.** и чем дальше от Бога, тем ближе ко греху.

Посему-то самый первый светоносец, превознесшись высоко, когда, отличенный преимущественной славой, возмечтал о царственной чести великого Бога, – погубил свою светозарность, с бесчестием ниспал сюда и, захотев быть богом, весь стал тьмой. **60.** Хотя и легок он по природе, однако же низринулся до низкой земли. С тех пор преследует он нена-

⁹ Стихотворения № 7–9 в переводе ТСО были включены в цикл «Песнопения таинственные» (см.: Ч. 4. С. 193–206). – Ред.

вистью тех, которые водятся благоразумием, и, раздраженный своей утратой, преграждает всем небесный путь, не хочет, чтобы Божия тварь приближалась к Божеству, от Которого он отпал, но пожелал, чтобы и люди участвовали с ним в грехе **65.** и омрачении. И сей завистник изринул из рая вожделевших иметь равную Божией славу.

Так он за превозношение низринут со своего небесного круга; но ниспал не один. И поелику погубила его дерзость, то увлек в падение многих, именно всех, кого научил греху, **70.** как злоумышленник, склонивший к измене царское воинство, увлек – из зависти к богомудрому сонму Царствующего в горних и из желания царствовать над многими злыми. С тех пор явились во множестве надземные [духи] злобы, демоны, последователи злого царя — **75.** человекоубийцы, немощные, темные, зловещие призраки ночи, лжецы, дерзкие, наставники в грехах, бродяги, винопийцы, смехолюбцы, смехотворцы, прорицатели, двуречивые, любители ссор, кровопийцы, преисподние, скрывающиеся, бесстыдные, учителя волшебства. **80.** Они, приходя, манят к себе и ненавидят тех, кто им отдается. Они вместе и ночь и свет, чтобы уловлять то явно, то обманом. Таково это воинство, таков и вождь!

Но Христос не истребил его единым движением воли, которым создал целый мир и которым мог бы погубить и его, **85.** если бы захотел, потому что трудно укрыться от разгневанного Бога. Однако же не оставил Он свободным врага моего, но попустил ему быть в одно время среди добрых и злых и воздвиг между ними жестокою взаимною брань, чтобы как враг подвергался и здесь ужасному позору, **90.** сражаясь с теми, которые немощнее его, так подвигающиеся в добродетели всегда имели славу свою, очищаясь в жизни, как золото в горниле. Впоследствии же, может быть и скоро, когда вещество сгорит и наступит огненное воздаяние, понесет наказание сей неукротимый, много наперед смиренный в мучимых служителях своих. **95.** Ибо такова казнь породившему зло!

Сему научил меня Дух о светозарности ангельской, как первой, так и последней. Но и здесь она нашла меру. И эта мера – Бог. Поскольку приближается кто к Царю, постольку делается он светом, а с просветлением приобретает и славу.

8. О душе

Душа есть Божие дыхание, и, будучи небесной, она терпит смешение с перстным. Это свет, заключенный в пещере, однако же божественный и неугасимый. Ибо образу великого Бога неприлично разрушиться бесславно, **5.** как разрушаются пресмыкающиеся и неразумные животные, хотя грех и усиливался соделать его смертным.

Душа не естество истребительного огня, потому что пожирающему не свойственно одушевлять пожираемое. Она не естество воздуха, то выдыхаемого, то вдыхаемого и никогда не остающегося в покое. **10.** Она не кровавый ток, пробегающий в теле, даже не гармония составных частей тела, приводимых в единство, потому что не одно и то же естество плоти и бессмертной формы. Да и какое преимущество имели бы добродетельные перед самыми порочными, если растворение стихий сделало их или добрыми, или худыми? **15.** Почему и у бессловесных нет разумной природы (так как и у бессловесных есть гармония формы и смертной плоти)? По сему учению тот и лучший, в ком есть благоустройство стихий. Но так рассуждали в том предположении, что одушевляющим должно признать то, **20.** с удалением чего и душа оставляет тело. Почему же не назовешь одушевляющим и пищу, без которой вовсе невозможно жить смертному, так как одно питание укрепляет?

Знаю и другое учение, которого никак не приму, потому что у меня не какая-нибудь общая, всем разделенная и но воздуху блуждающая душа. В противном случае **25.** все бы и вдыхали, и выдыхали одинаковую душу; и все те, которые живут на свете, испустив дух, пребывали бы в других живущих, потому что и естество воздуха в разные времена бывает разлито в разных вещах. А если душа есть нечто пребывающее, что она имела сама в себе

и что составляло мой зародыш – также живое существо в утробе рождающей, если меня ¹⁰ привлекла она извне? **30.** И если предположишь, что рождающая есть мать многих детей, то должен вменить ей в честь то, что она издержала большее число душ.

И то не умных людей учение, а пустая книжная забава, будто бы душа постоянно меняет разные тела, каждое сообразно прежней жизни, доброй или худой, **35.** в награждение за добродетели или в некоторое наказание за грехи. Они то облачают, то разоблачают неприлично душу, как человека в одежды; напрасно утруждая себя, вертя колесо злочестивого Иксиона ¹¹, заставляют ее быть то зверем, то растением, то человеком, то птицей, то змеей, то псом, то рыбой, **40.** а иногда тем и другим по два раза, если так оборотится колесо. Где ж этому конец? А я никогда не видывал мудрого зверя, имеющего дар слова, или говорящего терна. Ворона всегда болтлива, безгласная рыба всегда плавает в соленой воде. **45.** Если же, как говорят и сами изобретатели сего пустого учения, будет душе еще последнее воздаяние, то она потерпит наказание или без плоти (и сие весьма удивительно), или с плотью (тогда которую из многих предашь огню?). Всего же непонятнее, каким образом после того, как ты соединял меня со многими телами и эта связь сделала меня знающим многое, одно только избегло от моего ума, **50.** а именно: какую кожу носил я сначала, какую потом и во скольких умирал, потому что мой налагатель уз не столько богат был душами, сколько мешками. Или и это было следствием долговременного скитания, что я впал в забвение прежней жизни?

Теперь выслушай наше превосходнейшее учение о душе. А мы постараемся усладить несколько песнь, начав ее так:

55. Было время, когда высокое Слово Ума, следуя великому Уму Отца, водрузило несуществовавший дотолле мир. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это – земля, небо и море – составило мир, нужен стал зритель **60.** Премудрости – матери всего, и благоговейный царь земной. Тогда Слово рекло: «Пространное небо населяют уже чистые и присноживущие служители, непорочные умы, добрые Ангелы, песнословцы, неумолчно воспевающие Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. **65.** Потому угодно Мне создать такой род тварей, в котором бы заключалось то и другое, род тварей средних между смертными и бессмертными, разумного человека, который бы увеселялся Моими делами, был мудрым таинником небесного, великим владыкой земли, новым Ангелом из персти, песнопевцем

Моего могущества и Моего ума». **70.** Так рекло Слово и, взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образ и уделило ему Своей жизни, потому что послало в него дух, который есть струя невидимого Божества. Так из персти и дыхания создан человек — **75.** образ Бессмертного, потому что в обоих царствует естество ума. Посему, как земля, привязан я к здешней жизни и, как частица Божественного, ношу в груди любовь к жизни будущей.

Так составлен был первородный человек; а впоследствии тело берется от плоти, душа же примешивается неведомым образом, **80.** привходя извне в перстный состав, как знает сие Соединивший, Который и в начале вдохнул ее и сопряг образ Свой с землей. А иной, пришедши на помощь моей песни, смело и следуя многим, присовокупит и следующее рассуждение. Как тело, первоначально растворенное в нас из персти, **85.** соделалось впоследствии потоком человеческих тел и от первозданного корня не прекращается, в одном человеке заключая других, так и душа, вдохнутая Богом, с сего времени сопривходит в образуемый состав человека, рождаясь вновь, из первоначального семени уделяемая многим **90.** и в смертных членах всегда сохраняя постоянный образ. Посему-то душа получает в удел умное господство. Но как в тонких трубах и сильное дыхание даже весьма искусного чело-

¹⁰ Душу.

¹¹ Мифический царь Иксион за нечестие был привязан в Тартаре к вечно вращающемуся огненному колесу. – *Ред.*

века производит звуки слабые и нестройные, и когда даны ему в руки трубы широкого размера, тогда изливают они совершеннейший звук, **95.** так и душа, оказывающаяся бессильной в немощном составе, проявляется в составе укрепившемся и обнаруживает тогда весь ум.

Но поелику нетленный Сын создал Своего человека с тем, чтобы он приобрел новую славу и, изменив в себе земное в последние дни, как бог, шествовал отсюда к Богу, **100.** то и не предоставил его собственной свободе и не связал его совершенно, но, вложив закон в его природу и напечатлев в сердце добрые склонности, поставил среди вечноцветущего рая, хотя в таком равновесии между добром и злом, что он мог по собственному выбору склониться к тому или другому, однако же чистым от греха и чуждым всякой двуличности. **105.** А рай, по моему рассуждению, есть небесная жизнь. В нем-то поставил Бог человека, чтобы он был неослабным делателем Божиих словес. Запретил же ему употребление одного растения, которое было совершеннее других, заключая в себе силу к полному различению добра и зла. Ибо совершенное хорошо для преуспевших, **110.** а не для начинающих. Последним оно столько же обременительно, сколько совершенная пища младенцу. Но когда, по ухищрению завистливого человекоубийцы, вняв убедительности женского слова, человек вкусил преждевременно сладкого плода, **115.** и облекся в кожаные ризы – тяжелую плоть, и стал трупоносцем, потому что смертью Христос положил пределы греху, тогда исшел он из рая на землю, из которой был взят, и получил в удел многотрудную жизнь; а к драгоценному растению приставил Бог хранителем Свою пламенеющую ревность, **120.** чтобы какой Адам, подобно прежнему, не взошел внутрь преждевременно и прежде, нежели бежал от пожирающей снеди сладкого древа, находясь еще во зле, не приблизился к дереву жизни. **125.** Как увлеченный бурными волнами мореходец отнесен назад и потом или отдав парус на волю легчайшему веянию, или с трудом на веслах пускается снова в плавание, так и мы, далеко отплывшие от великого Бога, опять не без труда совершаем возжеленное плавание. И этот новонасажденный грех к злосчастливым людям перешел от прародителя; отсюда прозяб колос.

9. О заветах и о пришествии Христовом

Теперь вникни в значение двоякого закона, обнародованного под именем Ветхого и под именем Нового и данного сперва евреям, потому что они первые познали царствующего в горних Бога, а потом и всем концам земли. **5.** Ибо Бог Всеведец управляет человеком, изрекая ему повеления не противоречащие, как делает какой-нибудь несведущий ум, и не изменяющиеся, что ставится в вину даже смертным. Таково мое понятие о помощи возлюбившего нас Бога.

Злобный враг после того, как изверг из рая первого Адама, **10.** обольстив его вредоносным плодом человекоубийственного древа, подобно тому как поражают оружием воинство, в котором убит предводитель, старался и в детях Адамовых насадить зло и смерть. Он с злохитренным замыслом, отвлекши человека от небесного Бога, обратил его взоры на звездное небо, **15.** сияющее светозарными красотами, и на изображения людей умерших, какие соорудила любовь, и ввела в славу басня, сперва принятая с верой незложелательными друзьями, потом никем не уличенная во лжи, с течением же лет непрестанно приобретающая новую силу. И священный еврейский род погубил ум, не покорялся пророкам, **20.** которые жаловались, умоляли и непрестанно угрожали гневом Царя, а в прежние времена даже убивал их. Самые цари не имели страха Божия, но большей частью оказались злонравными; и при них не совсем были оставлены рощи, высоты гор и кровавые жертвы демонам. **25.** За сие евреи навлекли на себя ревнивый гнев великого Бога и погибли; а вместо них вступил на путь я, чтобы, возбудив в них соревнование, заставить и их возвратиться к благочестивой вере во Христа, после позднего раскаяния, когда насытятся скорбью **30.** о предпочтении им нововведенного народа, заступившего их место.

Но сие будет впоследствии. Поелику же евреи презрели закон, то род человеческий удостоен, наконец, следующей чести, но мановению бессмертного Отца и действием Сына. Христос, когда увидел, что **35.** душепагубный грех истребил в человеческом теле все, что было вложено небесного и хитрый змий царствует над людьми, тогда для возвращения Себе Своего достояния не других помощников послал против болезни (потому что в великих страданиях слабое врачевство недостаточно), но Сам, истощив славу, **40.** какую имел, как безматерний Сын бессмертного Бога Отца, явился без отца необычайным для меня сыном, даже не необычайным, потому что произошел от меня, и Бессмертный, став смертным, пришел чрез Матерь-Деву, чтобы Целому снасти целого человека. **45.** И поелику чрез преступное вкушение пал целый Адам, то, по человеческим и вместе не человеческим законам, воплотившись в честной утробе жены, не познавшей брака (о, чудо невероятное для немощнейших!), пришел Бог и вместе смертный, сочетавший воедино два естества – одно сокровенное и другое видимое для людей, из которых **50.** одно было Бог, а другое родилось для нас в последние дни. В двух естествах единый есть Бог – мой Царь и Христос, потому что соединен с Божеством и из Божества стал человек, чтобы, явившись среди земнородных другим, новым Адамом, уврачевать прежнего Адама. Но Он явился, закрывшись отовсюду завесой, **55.** потому что иначе невозможно было бы приблизиться к моим немощам, и притом нужно было, чтобы змий, почитающий себя мудрым, приступив к Адаму, сверх чаяния встретил Бога и о крепость Его сокрушил свою злобу, как шумное море сокрушается о твердый утес. **60.** Когда же явился Христос, при Его рождении поколебались земля и небо. Небесный лик возгласил песнопения, а звезда с востока указывала путь волхвам – служителям новорожденного Царя, приносящим Ему дары.

Таково мое слово о новом рождении Христовом! **65.** Здесь нет ничего позорного, потому что позорен один грех. А во Христе не имеет места позорное, потому что его ¹² создало Слово, а не от человеческого семени стал Он человеком. Но из плоти пречистой невестной Матери, которую предварительно очистил Дух, исшел самосозданный человек, принял же очищение ради меня. **70.** Ибо и все законное исполнил, как думаю, для того, чтобы воздать закону награду, как воспитателю, и погребальную честь, как отменяемому.

Но когда явился Предреченный пресветлым светильником великого Света, Предтечей в рождении, Предтечей и в слове, вопиющим среди пустыни (Мк. 1:3), **75.** что Христос мой есть Бог, тогда стал Он посредником двух народов, одного дальнего, другого ближнего (потому что был общим для них краеугольным камнем), и даровал смертным двоякое очищение: одно – вечного Духа, и им очистил во мне прежнее повреждение, рождаемое от плоти; другое – нашей крови **80.** (ибо своей называю ту кровь, которую истощил Христос Бог мой), искупление первородных немощей и избавление мира.

Если бы я был не человек изменяемый, а непреодолимый, то была бы нужна мне только заповедь великого Бога, и она бы меня украшала, спасала и вела к высокой славе. **85.** Но теперь не богом создал меня Бог, а поставил в равновесии удобопреклонным туда и сюда; потому и поддерживает меня многими опорами, из которых одной служит для людей благодать омовения ¹³. Как некогда еврейские дети спасались от погубления помазанием кровью и очищали праги ¹⁴ дверей, **90.** между тем как в одну ночь погибли все первородные Египта, – так и это для меня есть печать избавляющего нас от зол Бога, и для младенцев только печать, а для возрастных – врачевство и совершеннейшая божественная печать Христа Светодавца, чтобы, спасшись из глубины скорбей и облегчив несколько выю от бремени, **95.** обратил я стопы свои к жизни. Ибо и путник, отдохнув от утомления, воздвигает укрепленные в силах

¹² Т. е. человечество Иисуса Христа.

¹³ Крещения. – Ред.

¹⁴ Здесь: косяки и перекладыны (Исх.12:7). – Ред.

колена. Как общее всех достояние воздух, земля, широкое небо и все, что влечет за собой круг годовых времен, – так общим достоянием человеков соделалась и спасительная купель.

10. О воплощении (против Аполлинария)¹⁵

Знаем, что высочайший Ум все человеческое естество сложил из трех составных частей: из души, ума и дебелого тела. И сперва создал Он целого Адама, кроме греха. **5.** А когда человек не стал богом, сам Бог, в честь мою, соделался совершенным человеком, чтобы, посредством воспринятого воссоздав дарованное, уничтожить осуждение всецелого греха и чрез Умершего умертвить умертвившего. **10.** Бог от начала прост, потом сопряжен с человечеством, а потом пригвожден богоубийственными руками, – таково тебе учение о Боге, вступившем в единение с нами! Божие Слово, равно как и Отец, от начала было Бог, Творец всяческих, **15.** превысший времени, и страданий, и тела. Когда же человек оказался поражен древом познания, и зависть напала на все наше естество, как удобоуловимое и подвергшееся осуждению, тогда, чтобы низложить превозношение зависти и **20.** воссоздать поврежденный образ, Божие Слово рождается для нас, ибо зачинается в чистой Деве и происходит на свет Бог, всецелый Бог и человек, спасающий всецелого меня, Сын, и умосозерцаемый и видимый.

25. По твоему мнению, я человекопоклонник, потому что чту всецелое, таинственно соединившееся со мною Слово, единого Богочеловека Спасителя. А ты (кстати, обращаю против тебя твое же острословие), ты – поклонник плоти, потому что вводишь человека, не имеющего ума. **30.** Или согласишься в этом, любезный, или снизойди ко мне, если только желаешь быть справедливым судьей в слове!

Если худшее в человеке (потому что плоть гораздо хуже созданного по образу Божию¹⁶) для тебя есть от Бога бог, то я признаю этим же лучшее, потому что ум ближе к Богу. **35.** Сверх того, у тебя подвергается опасности одна половина человека, потому что не воспринятое Словом и не спасается. Что ты говоришь, премудрый защитник Слова, вооружающийся на рассекающих Божество? И ты сам не рассекаешь ли сложенное Богом? **40.** Одну из составных частей моих даешь Ему, а другую нет; сводишь в единение с Ним плоть, а отсекаешь ум, как будто боишься того, чтобы не составился целый человек. Рассуждаешь: как одному вместить в себе двух совершенных? Неужели же есть опасность, что прорвется мех (Мф. 9:17)? **45.** Какое неразумие! Одна душа вмещает в себе и ум и слово.

Опять спрашиваешь: почему так необходим и важен для тебя ум там, где Сам Бог? – Но если в Нем плоть без ума, то я обманут. Кожа моя, но чья же душа? Что значит рождение Бога от Девы? **50.** Как сошлись воедино естества между собою далекие? – Это тайна; но как представляется мне, малым умом измеряющему превысшее ума, очистительный Дух снишел на Деву, а Слово Само Себе создало в Ней человека, **55.** всецелая замена целого умершего¹⁷ человека. Поскольку же Бог несоединим с плотью, а душа и ум суть нечто посредствующее, потому что сожительствоуют с плотью и потому что – образ Божий; то Божие естество, соединяясь со сродным Себе, **60.** чрез это сродное вступило в общение и с дебелостью¹⁸ плоти. Таким образом, и Обожившее и Обоженное – единый Бог. Посему что же претерпело то и другое? Как я рассуждаю, Одно вступило в общение с дебелым, а другое, как дебелое, приобщилось моих немощей, кроме немощи греха.

¹⁵ В переводе ТСО: «О вочеловечении» под № 2. – *Ред.*

¹⁶ Т. е. разумной души в человеке. – *Ред.*

¹⁷ В грехопадении. – *Ред.*

¹⁸ Т. е. грубостью, плотностью, плотянностью. – *Ред.*

65. Спрашиваю: кому пролита кровь Божия? Если лукавому, то увы! Христова кровь отдана виновнику зол. А если Богу, то для чего сие было нужно, когда овладел нами другой, выкуп же всегда дается владеющему? Конечно, несомненно то, что Христос Сам Себя приносит Богу, **70.** чтобы Ему Самому похитить нас у обладавшего нами и чтобы взамен падшего принят был Помазанный, потому что Помазующий неуловим. Так рассуждаем о сем. Но уважаем и образы. Я сказал свою мысль. – Покланяйся Троице!

11. О Христовом воплощении¹⁹

Неразумен тот, кто Царю – присносущему Божию Слову не воздает равно Божеской чести с пренебесным Отцом; неразумен и тот, кто Царю-Слову, на земле явившемуся в образе человеческом, не воздает равно Божеской чести с небесным Словом, **5.** но отделяет или Слово от великого Отца, или от Слова человеческий образ и нашу дебелость. Отчее Слово было Бог, но стало нашим человеком, чтобы, соединившись с земными, соединить с нами Бога. Оно обоюду единый Бог; постольку человек, **10.** поскольку меня делает из человека богом. Будь милостив ко мне, язвленный за меня Всевышний!

Только об этом могу сказать тебе. Спросишь еще у меня об уме, о неизреченном единении? Но, рассуждая о Боге, смертные, любите меру в слове! Если убедил я тебя – хорошо! А если продолжаешь чернить бумагу многими тысячами стихов, **15.** то вот в немногих стихах начертаю сии письмена, на твоих скрижалях, моим писалом, на котором нет ничего черного.

12. О подлинных книгах Богодуховенного Писания

И язык и ум непрестанно упражняй в Божиих словесах! А Бог в награду за труды дает или видеть сколько-нибудь сокровенный в них смысл, или, что еще лучше, приходит в сокрушение при чтении великих заповедей чистого Бога, **5.** или, в-третьих, таковыми занятиями отводит Он мысль твою от земного.

Но чтобы ум твой не был обольщен чуждыми книгами (потому что много книг подложных, причисленных к Писанию несправедливо), прими от меня, любезный, следующее верное перечисление!

Всех исторических книг **10.** древнейшей еврейской мудрости – двенадцать: самая первая книга – Бытия, потом Исход и Левит, потом Числа, потом Второзаконие, потом Иисус [Навин] и Судии.

Восьмая книга – Руфь, а девятая и десятая книги – Деяния Царей, **15.** Паралипоменон, а последняя книга будет у тебя Ездра.

Книг, писанных стихами, пять; из них первая Иов, потом Давид, потом три Соломоновы книги: Екклесиаст, Песнь и Притчи.

20. Подобным образом пять книг и пророческого Духа. В одном составе заключается двенадцать пророков: Осия, Амос и третий Михей, потом Иоиль, потом Иона, Авдий, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, потом Захария и Малахия, – **25.** и это одна книга; а вторая – Исаия, потом с младенчества призванный Иеремия, потом Иезекииль и благодать Даниилова.

Предложил я тебе двадцать две ветхозаветные книги, они равночисленны еврейским буквам. **30.** А теперь перечислю книги и нового таинства.

Матфей описывал чудеса Христовы для евреев, Марк – для Италии, Лука – для Ахаии, а великий и небожественный проповедник Иоанн – для всех. Потом следуют Деяния мудрых апостолов, **35.** четырнадцать посланий Павловых и семь Соборных, в числе которых одно Иаковлево, два Петровы, три опять Иоанновы, а седьмое Иудино.

¹⁹ В переводе ТСО: «О вочеловечении» под № 1. — Ред.

Теперь все имеешь книги; а какие есть кроме них, те не в числе подлинных.

13. [Двенадцать] патриархов – сыновей Иакова

От великого отца Иакова произошло двенадцать патриархов: Рувим, Симеон, Левий и с ними Иуда; потом рожденные от наложниц: Дан, Неффалим, Гад и Асир; а потом опять благородно рожденные от супруг: Иссахар, Завулон, Иосиф и последний Вениамин.

14. Египетские язвы

Всегда перечисляй в уме казни зломудренного Египта и трепещи великой Божией силы. Воды этой земли сперва побагровели в *кровь* (Исх. 7:19), а потом воскипели губительными *жабами* (Исх. 8:5–6). **5.** В-третьих, воздух и земля покрылись *скнипами* (Исх. 8:17). В-четвертых, явились внезапно *песии мухи* (Исх. 8:24). В-пятых, истребительная смерть постигла четвероногих животных (Исх. 9:6). Шестая скорбь — *гнойные струны* на телах человеческих (Исх. 9:10). В-седьмых, шел град вместе с огнем — этот дождь из несоединимых стихий (Исх. 9:23–24). **10.** В-восьмых, саранчой истреблено все растущее из земли (Исх. 10:14–15). В-девятых, ночь покрыла египетскую землю (Исх. 10:22). Десятая казнь — смерть первородных (Исх. 12:29).

15. Моисеево десятословие

Сии десять законов Бог некогда начертал на каменных скрижалях (Исх. 20:11–17; 31:18), а ты напиши у себя на сердце.

Не знай иного Бога, потому что чествование возможно только одно — единого Бога.

Не ставь ничтожного кумира и бездушного подобия.

5. Никогда не упоминай напрасно имени великого Бога.

Храни всякую субботу, и явную и прикровенную.

Блажен, если родителям приносишь благодарность, если, где нужно, бегаешь осквернения рук человекоубийством, чужого брачного ложа, злонамеренного воровства, **10.** ложного свидетельства и желания чужой собственности — этой искры, воспламеняющей смерть.

16. Чудеса пророков Или и Елисея

Многочисленны чудеса Или Фесвитянина (см.: 3 Цар. 17–21, 4 Цар. 1). Сперва его питали вороны, потом сам он не многими остатками елея и муки богато напичкал сарептскую вдовицу, **5.** у которой и сына воскресил из мертвых своим дыханием. Он удержал и потом ниспослал дождь от Бога, попавив жертву необычайным огнем при необычайных священнодействиях. Потом без пищи провел многие дни, **10.** обратил в пепел двоих пятидесятников, перешел Иордан, рассекши его милотью, на огненной колеснице взошел на небо, а Елисею ниспослал вместе и дар и благодать.

Рассмотри и Елисеевы чудеса (см.: 3 Цар. 19; 4 Цар. 2–9, 13). **15.** Он перешел Иордан, рассекши его милотью, посредством всыпанной соли соделал источники дающими плодородие, а детей-ругателей истребил зверями, жаждущему воинству извел токи вод из Едома; **20.** потоками елея освободил от долгов вдовицу; а соманитянке сперва даровал, а потом воскресил сына; у диких зелий отнял смертоносную силу и скудной пищей спас многих от голода; очистил от проказы Неемана сириянина, **25.** а Гиезию послал ту же болезнь; потом сделал, что секира всплыла из глубин Иордана на его поверхность; омрачив взоры сирийцев, предал

их врагам; предсказал обилие пищи войску; **30.** и мертвый воскресил мертвого близ лежащими своими костями.

17. Ко храму Илии, называемому Вдовьим

Вот, странник, Сидонская Сарепта; вот башня той вдовицы, которая страннолюбиво приняла к себе пророка Божия, Илию Фесвитянина, когда голод опустошал города, **5.** и у нее было немного елея в сосуде, и только горсть муки скрывалась в водоносе! Но все это без бережливости отдав пришельцу, открыла она в даре своем какой-то источник, из которого напитался ее дом. Илия не только напитал ее сына, пока он был жив, **10.** но и умершего воздвиг от мрака смерти. И мать, которая оплакивала свое бесчадие, снова стала матерью без новых болезней рождения (см.: 3 Цар. 17).

18. Родословие Христово

Писал о Христе великий Матфей, писал и превосходнейший Лука, и один внес в книги одно, а другой – другое родословие. Оба сии родословия низводят Христа до крови первозданного. Но почему же один евангелист ограничился большим, а другой меньшим числом праотцев? **5.** Река родов до царя Давида у обоих евангелистов нераздельна, а потом течет двумя потоками, которые напоследок сливаются, идя, как к безбрежному морю, ко Христу. А чтобы увидеть тебе это, выслушай мое слово.

Давидовы сыновья были Соломон и Нафан. **10.** Один из них, как ток великой реки, струил царственную кровь, а другой – кровь святых и светоносных иереев. Христос же стал тем и другим, и великим Царем и Архиереем. Посему Матфей написал Духом Божиим потомков Соломоновых, а Лука обратился к Нафану. **15.** Но из двух этих родов в одном поток вышел длиннее, а в другом короче, что и не удивительно, ибо не в собственном смысле один другого короче, а только число родов в них неравно. А таким образом разделившееся вначале потом слилось в одно.

Но реши мне этот вопрос: каким образом Иосиф произошел от двух отцов? **20.** Узаконено было Моисеем: ежели еврей умирал, не оставив после себя семени, то, чтобы память его не истребилась между людьми, один из братьев или ближних родственников умершего обязан был, взяв любезную его супругу и имение, восстановить семя и дом умершему. **25.** А потому и о Богочеловеке открыл я следующую сокровенность. Матфан, который вел род от Соломона, был женат на Есфане, но по смерти его Есфану имел женой Нафанов потомок по имени Мелхий. И она родила сынов – одному Иакова, а другому Илию. По смерти же Илии, поелику у него не осталось рода, **30.** и дом и супругу его немедленно взял себе рожденный не по одному с ним отцу Иаков и родил брату доблестного сына Иосифа. Так Иосиф был сын Иакова, а закон приписывал его Илии. И один из евангелистов, Матфей, указал на естественное происхождение, а другой, Лука, – на законное. **35.** Посему и ты перестань возмущать прекрасное согласие евангелистов.

«Каким же образом Бог, явившийся на земле, ведет род Свой от Давида царя? Как от смертной матери произошел бессмертный Бог?»

Но как же от Иосифа? Он был сын Девы и по Марии потомок Левиин, потому что Мариам была от Аароновой крови, **40.** о чем свидетельствует нам Ангел. Возвещая богоподобной Марии о рождении Предтечи великого Света, обеих матерей возвел он к великому Аарону. Колена же царское и священническое между собой не смешивались».

Неправда! Колена были разделены, **45.** но и смешивались многократно. Еще в древности дочь великого Аарона ввел в знаменитый свой дом Наассон, а он был шестой от Иуды. После же, когда ассирийским оружием истреблен был город и все потрясено владычеством

вавилонян, нестрога уже соблюдалась несмешиваемость колен. **50.** Так Христос возводится к царям и по матери, и, как просил я заметить, по мнимому отцу. При Августе кесаре, когда облагали всех податями и каждый в отечественном своем городе записывался в перепись, в Давидово отечество — **55.** Вифлеем, который принял в недра свои великого Христа, вскоре приходят записаться и обрученная жена, и целомудренный Иосиф, потому что оба одного были племени. И здесь при яслях Матерь Дева родила Царя всего мира. Таким образом, и по отцу возводится Он к царям.

60. Великий Лука вел родословие в обратном порядке – от Христа к Адаму, Адам же ко мне пришел для Христа. Божией рукой приведен в бытие первый человек Адам; от Адама же произошел Сиф, от Сифа Енос, от него четвертый Каинан, от Каинана Малелеил, от Малелеила Иаред, **65.** родивший сына Еноха, который живым взят был на небо. От Еноха же был Мафусал, который родил сына Ламеха, и это отец Ноев. Сим был сыном сего Ноя; от Сима произошли Арфаксад, Каинан, Сала; а сына Салы именуют Евером, а сын Евера – Фалек; **70.** от Фалека произошел Рагав, а этот родил Серуха, которой родил Нахора. За сими следовал Авраам, сын Фарры, сына Нахорова. Авраамов же сын Исаак родил Иакова, а Иаков Иуду. А Иуда от Фамари родил Фареса, Фарес Есрома, Есром Арама ²⁰, и этот Аминадава, и Аминадав Наассона, **75.** Наассон же Салмона, Салмон Вооза; от Вооза произошел Овид, Овид родил Иессея, а от сего произошел великий Давид. Сыном Давидовым был Нафан, который родил сына Матфана²¹, и сей Маинана, Маинан Мелеая, а сей Елиакима, Елиаким Иоаннана ²², Иоаннан Иосифа, **80.** Иосиф Иуду, от него родился Симеон, от Симеона Левий, от Левия Матфан ²³, от Матфана Иорим, от Иорима Елиезер, от Елиезера Иосаф ²⁴, от Иосафа Ир, от Ира Елмод ²⁵, а у сего был сын Косам, у Косама Аддий, у Аддия Мелхий; от Мелхия произошел Нирий, от Нирия Салафиил, Зоровавель, Рисай, Ионан, **85.** Иуда, Осок ²⁶, Семей, Матфий ²⁷, Мааф, Наггей и Елим ²⁸. От Елима произошел Наум, Амос, Маттафий, Иосиф, Ианнай, Мелхий, Левий, Матфан ²⁹, Илий, Иосиф.

Так Лука, а как же великий Матфей? **90.** От Авраама до Давида согласно со сказанным выше. А там, где Лука перешел к священническому поколению, Матфей ставит род царей. Теперь скажем, сколько их было и как именовались сыны Давидовы: Соломон, Ровоам, Авия, Аса; от Асы **95.** произошел Иосафат, а седьмой был Иорам; потом Озия, Иофам, Ахаз, Езекия, Манассия, Амон, Иосия; а после сего Иехония, которого отвели пленником в Вавилон, Салафиил, Зоровавель, Авиуд, Елиаким, **100.** Азор; от Азора Садок, от Садока Ахин ³⁰, от Ахина Елиуд, от Елиуда Елиезер ³¹, от Елиезера Матфан, от Матфана Иаков, самый же последний, мнимый отец Христов, Иосиф.

²⁰ Есром Иорама, Иорам Арама.

²¹ Маттафая

²² Ионана.

²³ Матфат.

²⁴ Иосий.

²⁵ Елмодам.

²⁶ Иосиф.

²⁷ Маттафий.

²⁸ Еслим.

²⁹ Матфат.

³⁰ Ахим.

³¹ Елезар.

19. Двенадцать апостолов

У Христа великого Бога двенадцать учеников: Петр, Андрей, Иоанн, Иаков, пятый Филипп, шестой Варфоломей, потом Матфей, Фома и Иаков Алфеев, **5.** Иуда, Симон и другой Иуда, о котором лучше бы не упоминать.

20. Чудеса Христовы по Евангелию от Матфея

По Матфеевой книге таковы чудеса, которые совершил Царь Христос, вступивший в единение с человеческой плотью.

Во-первых, избавил от лютой болезни – проказы (8:1–4). Вовторых, укрепил члены сотникова раба (8:5–13). **5.** В-третьих, рукой Своей угасил жар в теще Петровой (8:14–15). В-четвертых, утишил великое волнение и ветры (8:23–27). В-пятых, послал бесов в свиней в Гергесинах (8:28–32). В-шестых, [сделал так, что] расслабленный членами взял одр свой (9:2–7). В-седьмых, Христос остановил источник кровей в прикоснувшейся к Нему кровоточивой (9:20–22). В-восьмых, **10.** дочь князя возвратилась на свет (9:23–25). В-девятых, Он даровал свет слепцам (9:27–29). В-десятых, немой по изгнании беса стал говорить (9:32–33). В-одиннадцатых, Христос разрешил от уз сухую руку в субботу (12:10–13). В-двенадцатых, освободил от беса глаза и слух (12:22). **15.** В-тринадцатых, наполнил двенадцать коробов, насытив пятью укрухами пять тысяч мужей (14:16–21). В-четырнадцатых, взошел по водам на корабль, и волнующееся великое море покорилось Его стопам (14:24–33). В-пятнадцатых, изгнал он духа из хананейки, **20.** склонясь на усиленные мольбы ее матери (15:22–28). В-шестнадцатых, исполнил семь коробов от семи хлебов, между тем как число насыщенных было четыре тысячи (15:32–36). В-семнадцатых, преобразился в Божественный образ и просиял пред учениками паче солнца (17:1–8). **25.** В-восемнадцатых, по просьбе отца освободил от болезни его любезного сына, который страдал в новолунии (17:14–18). В-девятнадцатых, на пути даровал свет очам иерихонских слепцов, сидевших при дороге (20:29–34). В-двадцатых, возвратил зрение очам **30.** и утвердил расслабевшие колена (21:14), изринув из храма всякую скверну (21:12–13); на пути же из Вифании совершил величайшее чудо – немедленно иссушил смоковницу, которую нашел бесплодной (21:18–19). Потом излилась глубокая тьма со креста, когда отходил Свет (27:45), раздралась широкая завеса храма (27:51), **35.** поколебалась земля, расселись в земле камни и пробужденные мертвецы оставили гробы (27:52–53). Наконец, и Сам, в третий день отверзши гроб (28:1–7), явился вскоре возлюбленным Своим (28:16–17) в Галилее.

21. Чудеса Христовы по Евангелию от Марка

Марк, поверив слову великого служителя – Петра, написал для авзонян следующие чудеса Божии. Бес (1:23–26), горячка (1:30–31), проказа (1:40–45) и расслабление членов (2:3–12) уступили слову Христову; **5.** потом сухая рука распростерлась (3:1–5). Еще Христос укротил силу ветров или моря (4:36–41); Ему покорился легион (5:1–20); Он остановил кровавый ток (5:25–34); напитал многих пятью хлебами (6:35–44). Потом усмирил море и ходил по водам (6:47–51), изгнал беса **10.** из финикиянки (7:25–30) – в знамение тирянам и сидонянам; исцелил глухонемого (7:31–37); еще напитал тысячи семью хлебами (8:1–9); и слепой увидел свет (8:22–26). Потом просияло лицо Его (9:2–8); изгнав беса, освободил язык от уз [немоты] (9:17–27); и Вартимей, **15.** слепец из Иерихона, увидел свет (10:46–52). А когда Христос, взалкав, нашел смоковницу бесплодной, одним только словом предал ее смерти (11:12–21); еще исцелил слепых и хромых возле храма.

22. Чудеса Христовы по Евангелию от Луки

Лука, поверив слову великого служителя Христова Павла, описал следующие четырнадцать Божиих чудес: бес (4:33–35), горячка (4:38–39), проказа (5:12–14) и расслабление членов (5:17–25) уступили Слову, и сухая рука распростерлась (6:6–10). **5.** Потом соделал здоровым сотникова раба (7:2–10); вдове в Наине дал сына, воскрешенного из мертвых (7:11–15); словом Своим очистил от грехов женщину, которая помазала миром чистые ноги Его (7:37–50); усмирил ветры (8:22–25) и великий легион (8:27–39); остановил течение крови (8:43–48); **10.** возвратил к жизни дочь Иаириу (8:49–56); пятью хлебами и двумя рыбами напитал в пустыне пять тысяч мужей (9:12–17); явил блистание Своего лица (9:28–36); изгнал злого беса из юного отрока (9:38–42) и другого беса, связывавшего язык (11:14); а также **15.** исцелил еврейскую женщину, скорченную лютым недугом (13:11–13); освободил от водного бремени (14:2–4); очистил десять прокаженных, из которых один был самарянин (17:12–19); даровал свет сидящему при дороге слепцу из Иерихона (18:35–43). А также Лука описал и те знамения, какие видели во время смерти Христовой **20.** и когда Христос из мертвых явился Своим возлюбленным.

23. Чудеса Христовы по Евангелию от Иоанна

В священной Иоанновой книге найдешь немногие чудеса, но многие речи Христа Царя. Был брак, и виночерпцы растворяли вино из воды (2:1–10). Христос сказал, и страждущий сын царедворца исцелел (4:46–53). **5.** Сказал, и взял одр свой не получивший избавления в купели (5:1–9). Потом совершил чудо пяти хлебов (6:1–13); потом ходил по кипящему морю и спас учеников (6:17–27). Исцелил слепого от рождения, помазав ему брением очи (9:1–41). Четвертый был уже день, и Лазарь возбужден из гроба (11:1–44). **10.** Напоследок и Сам Христос Царь, Который умер за мертвецов и восстал, чтобы оживить их, открыто беседовал со Своими друзьями (20:21).

24. Притчи Христовы по Евангелию от Матфея

Вникни и в загадочный смысл прикровенных Христовых слов, что значат: дом, построенный на сыпучем песке (7:26–27); одинаковое семя, но не одинаково падшее на землю (13:3–8); и доброе семя, к которому примешались семена вражеские (13:24–30); **5.** дерево из малого горчичного семени (13:31–32); а также закваска, сокрытая в муке (13:33); поле, покупаемое ради сокровищ (13:44); драгоценная жемчужина, которую купец приобрел за все, что имел (13:45–46); невод, извлечший из моря всякого рода рыб (13:47–48); **10.** поднятая на рамена заблудшая овца (18:12–13); царь немилосердый к служителю, который был немилосерд к своим должникам (18:23–34); последние, получившие плату, равную с первыми (20:1–15); два сына, посланные в виноградник, ни в чем между собой не сходные (21:28–30); виноградари, предавшие смерти наследника (21:33–40); **15.** гости, собранные с распутый на пир в брачном чертоге (22:1–13); неусыпные девы со светильниками (25:1–12); господин, разделивший рабам по неравному числу талантов (25:14–30); козлица, поставленные напротив овец (25:32–33).

25. Притчи Христовы по Евангелию от Марка³²

Столько совершил Великий Христос: истинно в притчах изрек Он слова; про то, что на земле семя одно не подобно и не сродно семенам терний (4:7), и про горчичное семя (4:31), про наследника умертвленного руками беззаконных (12:7). **5.** Марк, чье это все, – Петра воспитанник. В просторной Элладе же [воспитанник] Павла Лука так написал: про демона (Лк. 4:33–35), горячку (4:38–39), рыбную ловлю (5:4–9), проказу (5:12–13) и паралич (5:18–26).

28. Притчи Христовы по Евангелию от Луки

Лука упомянул о следующих притчах: о положившем надежное основание на камне (6:47–49); о том, кто больше получает благодеяний и больше любит (7:41–43); о семени, которое пало на четыре **5.** рода земли (8:5–15); о путнике, который попался в руки разбойников (10:30–37). Потом некто, безвременно пришедши к дверям, просит и получает не худое (11:5–8); нечистый дух вселяется с другими семью духами (11:24–26); **10.** богатый, обрадовавшись множеству плодов, предается напрасным надеждам, не зная, где будет (12:16–21). После сего и то, что, ожидая возвращающегося с брака Христа, должно бодрствовать и как можно лучше совершать служение Ему (12:36–40); и то, что бесплодная смоковница облагается навозом (13:6–9); закваска (13:20–21); нищие на браке (14:16–24); **15.** радость о найденной драхме (15:8–10) и о найденной овце (15:3–7); отец, сжалившийся над падшим сыном (15:11–32); домостроитель, который, благоразумно окрадывая господина, каждому из должников его прощает некоторую часть долга (16:1–9); Лазарь и богач (16:19–31); докучливая просьба вдовицы (18:2–5); **20.** мытарь и кичливость фарисея (18:10–14); равный раздел десяти мин (19:12–27); злонравные земледельцы, убийцы своего господина (20:9–17).

27. Притчи Христовы у четырех евангелистов

Боюсь, чтобы, основание жизни положив на песке (Мф. 7:26), не разрушиться мне от рек и ветров.

Боюсь, чтобы, подобно семени, которое пало на сухую и бесплодную землю, и мне, прозябнув скоро, еще скорее не засохнуть, **5.** когда ударят в меня солнечные лучи и легкие напасти, или не быть съедену птицами и подавлену терниями (Мк. 4:3–8).

Боюсь, чтобы сеятель негодных плевел и завистливый враг во время моего сна не подмешал худого семени и чтобы мне, когда на прозябшие вместе **10.** и добрые и худые растения наложу руку прежде, нежели они выколосятся, не погубить с плевелами и доброго растения, потому что немногие имеют опытную руку и умеют истреблять одни плевелы там, где добродетель и порок, обитая попеременно, стали между собой близкими и где худое вырастает вместе с добрым (Мф. 13:24–30).

15. Хвалю малое горчичное семя, которое при всей своей малости весьма скоро разрастается в дерево и достигает такой высоты, что делается приютом для птиц небесных (Мф. 13:31–32).

О, если бы и мне, возлюбив красоту Твою, драгоценная и знаменитая Жемчужина (Мф. 13:45–46), стать великим купцом и, **20.** продав все, что у меня есть, до последнего хитона,

³² Кайлей приходит к выводу, что это краткий фрагмент большего стихотворения, и у него следует предполагать начало и конец, и здесь говорится не только о притчах, но и о чудесах, и не только о Марке, но и о Луке. Здесь и далее: новый перевод с греческого сделан для настоящего издания П.К. Доброцветовым. Стихотворение № 25 переведено по *Patrologiae cursus completus Graeca* (далее – PG). Т. 37. Col. 495–496. — *Ред.*

получить взамен дорогое стяжание и сделаться богаче всех, когда приобрету единственную из всех драгоценность или сокровище, сокрытое на поле в земных глубинах!

Знаю и то, что целый мир вовлечен в мрежу, когда ловцы человеков, **25.** исполняя веления Христа Царя, обложили его своей сетью, чтобы плавающих в горьких волнах сей жизни исторгнуть из глубин моря и представить Христу. Но когда будешь произносить суд о сей ловле и пойманное делить на части, **30.** меня не отбрасывай вдаль, как одну из негодных рыб, но вложи в сосуды на сбережение для Царя (Мф. 13:47–50).

О, если бы мне в великий, прекрасный и цветущий Божий виноградник взойти с раннего утра и понести большой перед другими труд (Мф. 20:1-16), а награду и славу получить наравне хотя бы с последними! **35.** Чему завидовать, если Бог наравне с трудами вменяет и одно желание трудиться?

Отец посылал в виноградник сыновей, чтобы позаботились о нем, и сначала послал старшего. Он охотно принял приказание, но не исполнил отцова желания, как обещал, а младший сын отказался исполнить приказание, однако же исполнил (Мф. 21:28–32). По моему мнению, [впрочем] **40.** лучше, да и родителю был бы приятнее обоих такой сын, который бы и принял приказание, и исполнил надежду.

Но те, которые уготованы огню, убьют наследника вне виноградника (Мф. 21:33–41).

Вот и брачный пир, который учреждает добрый отец (Мф. 22), веселясь о наилучшем сыне. О, если бы на сей вечери было место и мне, и всякому, кто со мной единомыслен! **45.** Но вне пира останется тот, кто брачному веселью предпочитает или село, или пару новопкупленных волов, или жену. Боюсь и того, чтобы из среди пирующих, которые одеты по брачному, одного меня, у которого осквернены одежды, не связали по рукам и по ногам **50.** и не изринули из брачного чертога далеко и от друзей, и от брачного пира.

Когда же десять чистых дев (Мф. 25:1-13), бодрствуя, с возженными светильниками и с недремленными очами ожидают вожделенного Жениха – Царя Бога, чтобы им светлыми выйти во сретение Приходящему с веселием, **55.** тогда не поставь меня в числе бедных умом и юродивых дев, чтобы мне, уже в самое пришествие Христова отягченными от сна очами заметив едва мерцающий блеск светильников, слишком поздно не пожелать для себя капель елея светлой жизни, и запертые двери не преградили мне входа на брак, **60.** где Слово, великими узами любви сопрягаясь с чистыми душами, дарует им дерзновение и славу.

Когда же, Царь мой, возвращаясь с брака, придешь внезапно и к ожидающим, и к не ожидающим, о, если бы мне тогда оказаться в числе ожидающих и заслужить похвалу, **65.** как доброму служителю (Мф. 25:21, 23), имевшему страх, снисходительному к подначальным и правдивому раздаятелю жит – твердого слова!

И на грозный день, при разлучении овец и козлиц (Мф. 25:32-33) – людей благочестивых и неправоверных, не поставь меня на стране козлиц, **70.** но вели стать мне с овцами по правую руку, по левую же руку да останутся одни худшие!

Ежели есть во мне какой светоносный светильник (Мф. 5:15), да светит он вне, поверх свещника! Но хорошо и то, чтобы иное видел во мне один Бог, Который оком Своим всех назирает.

О, если бы мне всегда и больше всего любить Бога, посылает ли Он что-нибудь горькое **75.** или доброе, потому что все для меня прекрасно!

Но если на меня го выходе из великого Христова града нападут разбойники, то не попусти мне погибнуть от убийственных рук.

И если извлечешь из меня дух жизни, то враг да не нападет на меня со своим множеством, как на человека ни к чему не годного!

80. Не губи, о Царь, бесполезной смоковницы, но подожди еще плода (Мф. 21:19; Лк. 13:7); не посекай меня, но приложи попечение обновить мои силы!

Обретя драхму, овцу и совершенно погибшего сына (Лк. 15:8–9; Мф. 18:12–14; Лк. 15:11–32), одну на земле, другую в горах, а третьего у ног, в жалком состоянии возвратившегося в отеческий дом, **85.** причти меня опять, о Царь, к числу Твоих сынов, овец и драхм!

Поелику Царь добр к моим немощам, то да не буду и я немилосердным истязателем (Мф. 18:23–35) подобных мне рабов! И хорошо, если бы у меня достало благоразумия тайно убавить нечто из их долгов, чтобы впоследствии иметь себе помощь при нужде!

90. Желал бы я быть Лазарем и здесь, и в будущей жизни; потому что другой был высокомерен здесь, а там стал бесчестен и за пресыщение мучится в пламени (Лк. 16:19–31).

Не буду высокомерным; ибо я – негодный мытарь и слезами привлеку к себе милосердие (Лк. 18:10–14); а фарисеи пусть будут унижены!

Если же изнуренную вдовицу отошлю когда-нибудь от дверей своих (Лк. 18:1–8) ни с чем или из собственных рук **95.** вместо желанного хлеба или вкусной рыбы подам кому-нибудь камень или страшную змею (Мф. 7:9–10), прикрывая приветливостью вражду, то и сам да получу такое же воздаяние от Бога!

Если у меня к одним кладовым приложена уже печать, а другие наполняет бысролетная надежда (Лк. 12:16–21), **100.** то ночь да истребит меня и мои пустые грезы!

Нет, нет, не желаю того, чтобы талант, какой вверил мне Бог (Мф. 25:15–30), уделивший другим большую благодать, и поровну всем разделенная мина, то есть дар естественного слова, остались в руках моих не употребленными в дело; напротив того, **105.** пушу их в обращение, и лучше получить мне за сие славу, чем подвергаться строгому наказанию и позору.

28. Буря, усмиренная Христом³³

Некогда Христос на корабле покоился естественным сном, а море колебалось от бурных ветров, и пловцы в ужасе вопияли: «Пробудись, Спаситель, и помоги гибнущим!» Царь, восстав, повелел **5.** утихнуть ветрам и волнам (Лк. 8:24). Тогда бывшие на корабле уразумели в сем чуде чудодействующего Бога.

29. Песнь Богу

О Ты, Который превыше всего! Ибо что иное позволено мне изречь о Тебе? Как воспеснословит Тебя слово? Ибо Ты неизрекаем никаким словом. Как воззрит на Тебя ум? Ибо Ты непостижим никаким умом. Ты один неизглаголан, потому что произвел все изрекаемое словом! **5.** Ты один недоведом, потому что произвел все объемлемое мыслью. Тебя воспевают громко все словесное и безсловесное ³⁴. Тебе воздаст честь все и одаренное, и не одаренное разумом! К Тебе устремлены общие всех желания; о Тебе болезнуют все сердца; Тебе все воссылает моления; **10.** Тебе все, уразумевающее Твои манования, изрекает безмолвное песнословие. Тобой единым все пребывает. К Тебе все в совокупности стремится. Ты конец всего; Ты един и все; Ты ни один, ни единое, ни все. О Всеименуемый! Как наименую Тебя, единого неименуемого? **15.** Да и какой небесный ум проникнет сквозь заоблачные покровы? Будь милосерд, о Ты, Который превыше всего! Ибо что иное позволено мне изречь о Тебе?

³³ В переводе ТСО: «Христос на корабле». – *Ред.*

³⁴ Данная фраза отсутствует в переводе ТСО. – *Ред.*

30. Другая песнь Богу

Дай воспеснословить, дай прославить Тебя, нетленного Единодержца, Царя, Владыку! Тобою песнь и хвала, **5.** и ангельские лики, и нескончаемые веки; Тобою сияет солнце, Тобою путь луны и вся красота звезд; **10.** Тобою человек, отличенный честью, как животное разумное, получил в удел мысль о Божестве. Ты создал все, каждой вещи указываешь ее чин и все **15.** объемлешь Своим Промыслом.

Ты изрек слово, и совершилось дело. Ибо слово Твое есть Бог Сын, единосущный и равночестный Родившему. **20.** Он привел все в устройство, чтобы над всем царствовать. А всеобъемлющий Святой Дух Бог хранит все Своим промышленiem.

25. Воспеваю Тебя, живая Троица, единая и единственно единоначальная, Естество неизменяемое, безначальное, Естество неизглаголанной сущности, Ум непостижимый в мудрости, **30.** небесная Держава, непогрешимая, неподначальная, беспредельная, Сияние неудообразимое, но все обозревающее, **35.** от земли и до бездны ни в чем не знающее для Себя глубины!

Будь милостив ко мне, Отец! Даруй мне, чтобы всегда служил я сей святыне; а грехи мои отринь, **40.** очистив совесть от всякого худого помышления, чтобы я прославил Бога, воздевая преподобные руки, благословил Христа и **45.** коленопреклонно испросил у Него принять меня, раба Своего, когда придет Он во царствии!

Будь милостив ко мне, Отец! Да обрету у Тебя милость и благодать, потому что **50.** Тебе слава и благодарение в безмерные веки!

31. Песнь другая³⁵

Слава Богу Отцу и Сыну – Всецарю, слава Всехвальному и Всесвятому Духу. Троица – Бог единый, Который все сотворил и создал: небеса для небесных и землю для земных; **5.** море, реки и источники создал для живущих в воде, все животворя Своим Духом. Чтобы премудрого Творца всякая тварь воспевала – свою единственную Причину жизни и пребывания. Особенно же природа разумная всегда воспевает Его — **10.** Великого Царя и Благого Отца: дыханием, душой, языком и помышлением. Дай же и мне славословить Тебя чисто, Отче!

32. Песнь вечерняя

Благословим Тебя ныне, Христе мой – Слове Божий, Свет от Света безначального, и Дух безначальный, **5.** Тройственный Свет во единую славу соединяемый, Который упразднив тьму, утвердил свет, чтобы во свете все сотворить и, **10.** непостоянное вещество оформив в мир и нынешнее благоустройство, ум человеческий просветив Словом же и Премудростью — **15.** светлостью свыше, и на земле утвердить [Свой] образ, чтобы светом Свет созерцался и становился всецелым Светом. Ты просветил небеса **20.** многообразным блистанием. Ты сделал так, что ночь и день уступают кротко друг другу, закон почитая братства и дружбы. И одной – полагая предел **25.** усталости многотрудной плоти, другим же – восставляя на дело и деянья Тебе любезные, чтоб избегая мрака, **30.** мы поспешали бы к дню, днем, а не ночью мрак истребляя. Ты посылаешь легкий сон моим векам, **35.** чтобы язык песнословающий недолгим сном упокоить. Но и попеременными хорами Ангелов творение Твое [Тебя

³⁵ Стихотворения № 31–35 включительно переведены на русский язык для настоящего издания по PG. Т. 37. Col. 509–513. — *Ред.*

воспевает] не умолкая. Вместе с Тобой и ложе пусть испытует **40.** благочестивыми мыслями, чтобы ничто из нечистого, совершенного за день, ночью не обличило, и чтобы забавы ночные во сне не тревожили. **45.** Но ум даже и без тела Тебе возглашает Боже – Отцу и Сыну и Святому Духу честь, славу и силу во веки. Аминь.

33. Благодарение

Благодарю Тебя Царь и Творец всего, небо исполнено славы Твоей, а земля вся – Твоею премудростию. Бог Слово – Сын Твой создал всё. Твой Дух Святой жизнью всех одаряет. **5.** Милостива к миру Божественная Троица; будь милостив и к нам, Сыне Божий, по духу, и человек по плоти, Который крестную смерть претерпел как человек; на третий день врата ада сокрушил как Бог; узы смерти растерзав, воскрес, **10.** и роду смертных восстановив природу, оживотворил все свойственное нам, чтобы мы всегда воспевали Тебя – Бессмертного.

34. Другое благодарение

Благодарю Тебя, Царь и Творец всяческих, благодарю Тебя, создавшего умные [существа] – словом, [существа] зримые – повелением и их, прежде не бывших, утвердившего, и из неявленного [в явление] проявившего. Чистые песнопевцы [Твои] Твой престол окружают, **5.** с одной стороны – мириады, с другой стороны – опять тысячи. Ангельских воинств огненный хор – изначала нетленные племена первородных, хор сияющих звезд, духи Божиих мужей, души праведных – вместе все собрались и Твой престол обступив, **10.** с радостью и страхом поют непрерывно, чистую и немолчную песнь воспевая. Благодарю Тебя, Царь и Творец всяческих, и эта чистая песнь моя пусть [звучит средь] небесных хоров. Да, и я молю Тебя, Отче Бессмертный, **15.** и преклоняю колена своего сердца, и ум мой падает ниц пред Тобою – Отцом моим Бессмертным, и голова моя в мольбе к земле склоняется, и на ней лежу я, молюсь Тебе и проливаю слезы. Ибо я не достоин на небо взирать. Но Ты, милостивый Отче, сжался надо мной, будь милостив ко мне, **20.** Ты – исцеляющий страждущего, рукою Твоей изми меня из когтей смерти, очищая все мысли мои. Не обнажи меня от Духа Твоего, но преисполни мою грудь силой и дерзновением, чтобы и сердцем и устами я воспевал Твою красоту. **25.** Предстань мне, слуге Твоему, Родителем моим. Дай и мне чистую жизнь, чистую кончину, надежду благую, милость и благодать. Все, чем согрешил я от юности, истреби как добрый Царь, потому что Тебе во всякий день [подобает] благодарение, Тебе – благодарение во всякий день и во веки веков.

35. Молитва перед чтением Священного Писания

Отче Христа Всевидящий, услышь наши моления. Даруй божественное пение гласу слуги Твоего. Ведь этот священный след ведет к тропе познания Божественной, Бога как Саморожденного – единственного среди живых, **5.** и Христа – Царя, спасающего смертных от зла, Который некогда смилостивился над человеческим родом, тяжело страдавшим, и образ Свой по совету Отца пожелал добровольно изменить. И стал смертным бессмертный Бог, и всех томящихся в тартаре освободил от уз Кровью Своей. **10.** Итак, приходи же теперь, и из священной и чистой сей Книги напитай свою душу вдохновенными Богом речами, ибо тогда ты усмотришь служителей Истины, возвещающих жизнь гласом небесным.

36. Молитва шествующего в путь

Царь мой, Христос! Ты, в Котором все блага для Твоих человеков; Ты, Который во всем для них путь прямой; Ты огнем и облаком вел воинство; Ты возлюбленным Своим открыл путь в рассеченном море, а фараона в нем потопил; **5.** Ты посылаи им с неба необычайный хлеб, из твердого камня источил реку; Ты (о, великое чудо!) остановил в пустыне стремительность людей неприязненных, когда Моисей распростирал руки, предзнаменуя крест – мою помощь; Ты остановил течение луны и солнца, соделал, что река отступила перед поспешающими, **10.** и открылся удобный путь в землю, которую Сам Ты обещал и указал; Ты показал напоследок людям стезю в самое небо и к древнему пути присоединил новый, когда пришел **15.** на нашу землю Ты – вместе Бог и человек, и опять вознесся отсюда на небо, чтобы прийти к ожидающим светонеснее прежнего. Ты Сам ходил по морям, Своими стопами попираи волны, обуреваемые сильными ветрами. Приди же ныне, Блаженный, сопутствовать и мне, зовущему! **20.** Дай мне доброе шествие и благого Ангела, путеводителя, защитника, помощника, чтобы он, и ночью и днем, как можно дальше, отводя меня от всякого зла и после трудов доставив мне желанный конец пути, как из дома извел невредимым, так и возвратил меня опять домой – к родным **25.** и к друзьям, возлюбившим подобный путь жизни, и я, свободный и ничем не возмущаемый, мог день и ночь возносить к Тебе молитвы, ведя жизнь, не оскверняемую грехами, и окрыленный ум непрестанно восторгая к Тебе, Свет моей жизни, пока не совершу последнего и общего всем пути **30.** и пока не достигну единого с благочестивыми конца трудов! Для Тебя живу я, Царь мой Христос, для Тебя и говорю, для Тебя сижу на одном месте, для Тебя заносу стопу моей ноги, потому что Ты покрываешь меня Своей рукой. Но и теперь приведи меня к доброму пределу моего путешествия!

37. Другая молитва о добром путешествии³⁶

Без Тебя, Христе Царю, невозможно поднять и стопу ноги; в Тебе все блага для Твоих человеков; Ты во всем для них путь прямой; на Тебя уповаю, иду и по этой стезе. **5.** Препроводи же меня невредимым и даруй мне, чего надеется сердце! Приведи и обратно меня, Царь, в скудный мой дом, где бы я мог на свободе умилоствовать Тебя и день и ночь!

38. О том же молитва другая

Ты, Который огнем и облаком вел воинство; Ты, Который открыл путь в море гонимым и волны сделал для них твердыми, хлеб же необычайный посылаи с неба нечающим, из утесистого камня источил поток! **5.** Приди и ныне сопутствовать зовущему Тебя служителю, Христе, Свет человеков, Податель всякого успеха!

³⁶ В дореволюционном переводе названия стихотворений № 37 и 38 не были указаны. – *Ред.*

Раздел II. Стихотворения нравственные Sectio II. Poemata moralia

1. Похвала девству

Увенчаем девство нашими венцами, от чистого сердца воспев его в чистых песнях! Это прекрасный дар нашей жизни, дар блистательнейший золота, илектра³⁷ и слоновой кости, – дар тем, **5.** в ком огонь любви к девству поверг долу перстную жизнь, подъемля отселе крылья их ума к превыспреннему Богу.

Хранители чистоты да внимают с радостью песни моей, потому что она есть общая награда всем целомудренным; а завистливые да заградят двери слуха! **10.** Если же кто хочет отворить их, то очисти сердце учением!

Приветствую тебя, великое, богодарованное девство – подательница благ, мать безбедной жизни, Христов жребий, сожительница небесных красот, которым неизвестны супружеские узы! А не знают сих уз, во-первых, Бог, потом – лик присносущного Бога; Бог, **15.** сей источник светов, Свет неименуемый, непостижимый, который убегает от быстроты приближающегося к Нему ума, всегда предупреждает всякую мысль, чтобы мы в желаниях своих простирались непрестанно к новой высоте, и Божий лик, сии светы вторичные после Троицы, имеющей царственную славу.

20. Первая Дева есть чистая Троица. От безначального Отца, не возбужденного кем-либо (потому что Сам Он для всех есть путь, корень и начало) и рождающего не что-либо подобное смертным чадам, как от света свет, исходит Сын Царь. **25.** От Сына же нет другого возлюбленного сына, восхищающего подобную славу, так что Отец всецело пребывает Родителем, а Сын только Сыном и единственным Сыном единственного Отца, имеющим то общее с великим Духом, что Оба одинаково суть от Отца. Един Бог, открывающийся в трех Светах, – **30.** таково чистое естество Троицы!

После же Троицы – светозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходят окрест великого престола, потому что суть умы быстродвижные, пламень и божественные духи, скоро переносящиеся по воздуху. Они усердно служат высоким велениям. **35.** У них нет супружеств, ни скорбей, ни забот, ни страшного и преступного мятежа страстей. Их не разделяют друг от друга ни члены, ни обители. Все они единомысленны друг с другом, и каждый тождествен сам с собой. Одно естество, одна мысль, одна любовь окрест великого Царя-Бога. **40.** Они не ищут увеселения ни в детях, ни в супругах, ни в том, чтобы для них нести сладостные труды; не вожделенно им богатство, не вожделенны и те помышления на злое, какие смертным приносит земля. Они не сеют, не плавают по морям в угождение необузданному чреву – этому исходищу греха. У всех у них одна совершеннейшая пища — **45.** насыщать ум величием Божиим и в светлой Троице почерпать безмерный свет. Одинокую жизнь проводят сии чистые служители чистого Бога. Они просты, духовны, проникнуты светом, **50.** не от плоти ведут начало (потому что всякая плоть, едва огустеет, как уже и разрушается) и не входят в плоти, но пребывают, какими созданы. Для них в девстве готов путь богоподобия, ведущий к Богу, согласный с намерениями Бессмертного, Который премудро правит кормилом великого мира, а также и крепкодушным смертным, небесным и земным, – **55.** сим священным родом бедствующих человек, сею славою Царя.

³⁷ Илектр – особого рода амальгама из золота и серебра, употреблявшаяся у древних и ценившаяся весьма дорого. – *Ред.*

Но теперь возвещу досточтимые тайны Божии, как девство просияло в последние времена.

Было некогда, что все покрывала черная ночь, не сиял еще любезный свет зари, **60.** солнце не пролагало с востока огненной стези, не являлась рогоносная луна – это украшение ночи; но все, одно с другим смешанное и связанное мрачными узами первобытного хаоса, блуждало без цели. Ты, блаженный Христе, покоряясь мудрой мысли великого Отца, **65.** прекрасно распределил каждой вещи свое место в мире и прежде всего указал быть свету, чтобы все дела Твои, исполненные света, были восхитительны; а потом округлил величайшее из чудес – звездное небо, проникнутое светом солнца и луны, которым Ты рек, **70.** чтобы одно с утренней зари потоками безмерного света озаряло людей и своим течением определяло часы, а другая освещала тьму и производила второй день. В подножие же небу положил мою землю; потом горстями земли связал море, а морем – землю, **75.** омываемую водами океана, так что все это, и земля, и небо, и море (небо, украшающееся небесными светилами, море – рыбами, пространная земля – земными животными), составило мир.

Тогда обозрев и потом нашедши все стройным, **80.** Отец увеселялся делами Сына Царя, согласными с Его советами. Нужен был еще зритель Премудрости – матери всего, и благоговейный царь земной. И Он рек: «Пространное небо населяют уже чистые и присноживущие служители, непорочные умы, добрые Ангелы, **85.** песнословцы, немолчно воспевающие Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мне создать такой род тварей, в котором бы смешивалось то и другое, род тварей средних между смертными и бессмертными, разумного человека, который бы увеселялся Моими делами, **90.** был мудрым таинником небесного, великим владыкой земли, новым Ангелом из персти, песнословцем Моего могущества и Моего ума». Так рек и, взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составил мой образ и уделил ему от Своей жизни, потому что послал в него **95.** дух, который есть струя невидимого Божества. Так из персти и дыхания сотворен человек – образ Бессмертного, потому что в обоих царствует естество ума. Посему, как земля, привязан я к здешней жизни и, как частица Божественного, ношу в груди любовь к жизни будущей.

100. Но когда божественная тварь явилась на земле и на земных долинах вечноцветущего рая, у человека однако же не было еще помощника в жизни, подобного ему, тогда премудрое Слово совершило подлинно величайшее чудо: созданного быть зрителем мира, **105.** то есть мой корень и семя многообразной жизни, разделив на две части, могущественной и животворящей рукой изъяло из бока одно ребро, чтобы создать жену, и, в недра обоих влив любовь, побудило их стремиться друг к другу. **110.** Но чтобы не всякая жена стремилась ко всякому мужу, положило предел вожделениям, который называется супружеством, – эту узду для не знающего меры вещества, чтобы при его стремительности и необузданных порывах, когда бы люди кучами привлекались друг к другу, от незаконных соитий не пресекался священный человеческий род **115.** и побеждаемая неудержимым безрассудством похоть не возбуждала во всех войн и огорчений.

Пока мать земля не узрела на себе человека, дотоле она не имела высшего своего украшения, какое должна была получить. Но и самый первый из людей, **120.** по собственному неразумию и по зависти злобного змия изринутый из рая за преступное вкушение с человекоубийственного древа, стал тяготеть кожаными ризами к земле. Впрочем, тогда была лучшая чета у людей, и супружество, дав начало человеческому роду, послужило спасением от гибели, **125.** так что, когда одни умирают, а вместо них вступают другие, изменяющееся поколение людей течет, как река, которая и не стоит на одном месте по причине господствующей смерти, и всегда полна вследствие новых рождений.

Но как скоро и недра и широкие концы земли, восток и запад, и южная и северная страна **130.** наполнились сими однодневными существами, и грязная юдоль воскипела про-

дерзостями; тварь смиряема была многими уроками: разделением языков, наводнениями, огненными дождями, постановлениями писаного закона, пророками. Поскольку же она не хотела свергнуть с себя уз первородного греха, **135.** напротив того, непрестанно опутывалась крепчайшими пленицами³⁸ плоти, предаваясь сладострастию, пьянству и идолослужению, то напоследок по мановению бессмертного Отца и действием Сына возлюбленный род получил в удел следующую честь.

140. Христос, видя, как душепагубный грех поедает в смертном теле все, что Он вложил в него из небесной доли, и как хитрый змий господствует над людьми, – к восстановлению Своего достояния не другим помощникам предоставил врачевать болезнь, потому что слабое врачевство недостаточно в великих страданиях, но истощил ту славу, **145.** какую имел Сам Он – небесный и неизменный Образ Небесного. Вместе по человеческим и не человеческим законам воплотившись в пречистой утробе неискусомужной Жены (о чудо невероятное для наиболее немощных!), **150.** пришел Он к нам, будучи вместе Бог и смертный, сочетав воедино два естества (из которых одно сокровенно, а другое видимо для людей, одно – Бог, а другое родилось для нас напоследок времен, когда в человеческой утробе соединился с ним Бог) и в обоих естествах пребывая единым Богом; потому что человек, соединившийся с Божеством, и из Божества человек есть Царь и Христос. **155.** Произошло новое соединение, потому что вознерадел я о первом. В первом же я был сподоблен Божия дыхания, а в последнем Христос восприял на Себя мою душу и все мои члены, восприял того Адама, первоначально свободного, который не облекся еще грехом, пока не узнал змия, и не вкушал плода **160.** и смерти, питал же душу простыми, небесными помыслами, был светлым таинником Бога и божественного. Для сего-то воссоздания пришел в естество человеческое Бог, чтобы, одолев в борьбе и победив убийцу смертию, за вкушение [запретного плода] приняв желчь, за невоздержность рук – гвозди, **165.** за древо [райское] – крест, за землю – возношение на крест, обратно возвести Адама к жизни и славе. И распростерши святое тело [свое] соответственно концам мира, от всех концов собрал Он человеческий род, совокупил в единого человека и заключил в лоне великого Божества, **170.** кровью Агнца очистив все нечистоты и отъяв скверну, которая смертным преграждала путь от земли к небу.

Но кто откроет ум и глубины его в Тебе, Царь? Ты знаешь число дождевых капель и морского песка, Тебе известны стези ветра. **175.** Кто познает также следы Твоего совета, Блаженный? Ты, царствуя в горних, все видишь и всем управляешь, что ни скрывает в себе беспредельный век. Человеческий же ум, простираясь к Тебе, видит только малое сияние и как бы быстролетную молнию, пробегающую по воздуху. **180.** Но, впрочем, то несомненно, что Ты Своими страданиями восхитил человека отсюда и поставил в новую жизнь: вместо греховной – свободную. Прежде многоскорбна была жизнь на земле и многоболезнен мир; земного царя окружал многочисленный народ, коварно похищенный у великого Царя. **185.** Но теперь Христос, освободив из-под власти ужасного греха, опять возводит нас к великому Царю и в лучший мир. И первое было для людей плодом супружества, а другое – богоподобного девства. Супружество послужило украшением земли, а девство – Божия неба.

190. Как живописец, изображая на картине бездушные подобия вещей, сперва легкими и неясными чертами оттеняет образ, а потом выводит полное изображение разными красками, так и девство, достояние присносушного Христа, являлось прежде в малом числе людей **195.** и, пока царствовал закон, оттеняемое слабыми красками, в немногих чертах просиявало сокровенным светом. Но когда Христос пришел чрез чистую, девственную, не познавшую супружества, богобоязненную, нескверную Матерь без брака и без отца и, поскольку Ему надлежало родиться, **200.** очистил женское естество, отринув горькую Еву и отверг плотские законы, по великим же уставам буква уступила духу, и явно обнаружи-

³⁸ Пленицы (*ц.* – *сл.*) – узы, оковы. – *Ред.*

лась благодать, – тогда воссияло для людей светлое девство, отрешенное от мира и отрешающее от себя немощный мир, **205**. столько предпочитаемое супружеству и житейским узам, сколько душа предпочтительнее плоти и широкое небо – земли, сколько неизменяемая жизнь блаженных лучше жизни скоротечной, сколько Бог совершеннее человека. И окрест светозарного Царя предстоит непорочный, **210**. небесный сонм, – это те, которые спешают с земли, чтобы стать богами, это христоносцы, служители креста, презрители мира, умершие земному, пекущиеся о небесном, светила мира, ясные зеркала света. Они видят Бога, Бог – их, и они Божию.

215. Приступите же теперь вы, которые пребываете в единомыслии со своим ребром, посвятили себя в тайны супружества, высоко поднимаете голову и смело вращаете взоры, украшаетесь в золото, перемешанное с драгоценными камнями, и нежные члены облачаете в пышные одежды, приступите и покажите нам, **220**. какие выгоды доставляются смертным брачными узам и супружеством! Потом призовем мы и тех, которые не знают брачных уз.

И первые не замедлят сказать величаво: «Любезные чада супружества, сего царя земли! Послушайте нас, для которых святы супружество и жизненные узы! Какой закон для человеческого рода и для нашей крови постановил **225**. Сын бессмертного Отца в то самое время, когда сопрягал первого Адама с ребром его, чтобы плодом человека был человек и чтобы тот, кто сам по себе смертен, продолжал род свой, как колосья, произрастая детей, – тот же самый закон и то же любезное иго супружества чтя, **230**. и мы живем совокупно и, как происшедшие из персти, следуем древнейшему закону персти или Самого Бога. Правда, что не знают супружества, выше страстей и тяжких забот те природы, которым в удел дано широкое небо; **235**. но нам, однодневным тварям, полезны супружество и узы; это корень милых ветвей и любезных плодов, это добрая опора сладостной жизни. Во-первых, Бог – родитель всего; и прости мне, Христос! первоначально или прежде всего место Твоим чистым законам, а потом – узы любви; потому что и земля, и эфир, **240**. и море цветут чадородием – дарами супружества. Если же правда, что и для высокорастущих пальм есть закон любви, мужская и женская ветвь, соединенные руками садовника в весеннее время, приносят обильные плоды; если, как говорят испытывавшие природу камней, из четырёх двух камней, сошедшихся вместе, **245**. рождается новый камень, то и у неодушевленных тварей есть супружество и узы любви.

Но что мне до любви других, до неизвестных мне рассказов и привязанностей! Смотри, что доставило людям благоразумное супружество. Кто научил возделенной мудрости? **250**. Кто открыл глубины, какие замыкали в себе и земля, и море, и небо? Кто дал законы городам и еще прежде сего кто воздвиг города и изобрел искусства? Кто наполнил торжища, дома и ристалища? Кто на войнах строит воинство и на пирах столы? **255**. Кто в благоухающем храме собрал песнословящий лик? Кто истребил зверонравную жизнь, научил возделывать землю и насаждать деревья? Кто пустил по морям гонимый ветрами черный корабль? Кто одной стезей связал и сушу, и влажное моря? **260**. Кто, как не супружество? Кто, кроме него, сочетал воедино между собой самое отдаленное?

Таковы дары супружества в этом отношении; но они еще превосходнее, если возьмем выше. Связанные узам супружества, заменяем мы друг другу и руки, и слух, и ноги. **265**. Супружество и малосильного делает вдвое сильным, доставляет великую радость благожелателям и печаль недоброжелателям. Общие заботы супругов облегчают для них скорби; и общие радости для обоих восхитительнее. Для единомышленных супругов и богатство делается приятнее, а в скудости само единомыслие приятнее богатства. Для них супружеские узы служат ключом целомудрия и пожеланий, **270**. печатью необходимой привязанности. Одно *жеребя любви* (Притч. 5:19) согревает дух скаканиями; у них одно питание из домашнего источника, которого не вкушают посторонние, которое не вытекает никуда и ниоткуда не притекает.

Составляя одну плоть, они имеют и одну душу и взаимной любовью одинаково возбуждают **275.** друг в друге усердие к благочестию. Ибо супружество не удаляет от Бога, а, напротив, более привязывает, потому что больше имеет побуждений. Как малый корабль и при слабом ветре движется вперед, быстро носимый по водам распростертыми парусами, **280.** даже и руки без труда принуждают его к бегу ударами весел; большого же корабля не сдвинет легкое дыхание, напротив того, когда он с грузом выходит на море, только крепкий и попутный ветер может придать ему хода; так и не вступившие в супружество, как не обремененные житейскими заботами, имеют нужду в меньшей помощи великого Бога; **285.** а кто обязан быть попечителем милой супруги, имения и чад, кто рассекает обширнейшее море жизни, тому нужна большая помощь Божия, тот взаимно и сам более любит Бога.

Вот плоды супружества! А жизнь без любви неполна, сурова, невидна, бездомовна и любит скитаться по горам; **290.** она не спасает от страданий, не врачует дряхлой старости, не делает, чтобы родители оживали в своих детях, она не скрепляет жизни приятными связями. Не обязавшиеся супружеством не находят себе утешения ни в народных собраниях, ни на пиршествах, но угрюмы, чужды для мира; родившись для жизни, **295.** не любят самого корня жизни и в сердце у них нет единодушия с людьми.

Если же кто из усердия к добродетели презирает супружескую любовь, то пусть знает, что добродетель не чуждается сей любви. В древности не только всем благочестивым любезно было супружество, но даже плодом нежной супружеской любви были **300.** тайнозрители Христовых страданий или пророки, патриархи, иереи, победоносные цари, украшенные всякими добродетелями, потому что добрых не земля из себя породила, как это говорят о чудовищном племени исполинов, но все они – и порождение, и слава супружества.

305. Кто Вседержителя Бога указал людям, которые удалились от Него? Кто наполнил ум божественной любовью и возвел нас отсюда в жизнь иную? Кто очистил душу во всех светоносных мужах? Вера перевела [на небо] Еноха (Быт. 5:24). Великий Ной в малом числе душ и в плавающих семенах **310.** спас от потопления целый мир (Быт. 6:8–9:1). Авраам был отцом городов и народов и в жертву Христу вознес на алтарь связанного сына (Мф. 22:1-13). Моисей с великими чудесами извел народ из тяжкого Египта (Исх. 3-14), **315.** принял свыше закон на каменных скрижалях и видел Бога лицом к лицу (Исх. 31:18; Втор. 34:10). Аарон был верный священник у древних. Мужественный Иисус [Навин] продлил течение луны и солнца, чтобы поразить и погребсти врагов (Нав. 10:12–13). И ты, блаженный, непорочный Самуил, *возносящий рог помазанных* (1 Цар. 2:10)! **320.** Давид, препрославленный из всех царей! Соломон – первая слава мудрости! Не забуду и пророков. Илию восхитила колесница на небо (4 Цар. 2:11). Кто же не дивился среде закона и Духа, велегласному Предтече Вышнего Света – Иоанну! **325.** Кто не дивился потом двенадцати славным ученикам! Кто не дивился ревности высокого духом небожителя Павла! Говорить ли о других превосходных мужах, какие были и каких имеем ныне, – об этой опоре слова, славе мира, о сем утверждении людей? Все они дарованы людям Христом и супружеством. **330.** Да и жены, которые прославились благочестием и которых великое число видим в Богодухновенных книгах, не вне супружества и плотских уз достигли своей славы. Представлю сильнейшее свое доказательство в пользу супружеской любви. И Христос воплотился хотя в чистой, однако же в человеческой утробе **335.** и родился от Жены обрученной, половину человеческого супружества приняв в единение с Божеством. Но главнейшее мое преимущество пред всеми в том, что если и девственники берут верх, то и они так же, как и все, мой род, потому что не от непосягающих посягающие ³⁹, но от супругов происходят **340.** девственники. И я советую детям прекратить спор. Если вы не отцы, то от отцов получили жизнь».

³⁹ Посягающие (*ц. – сл.*) – вступающие в брак, непосягающие – безбрачные. – *Ред.*

Так сказало супружество; потом предстает **345.** девство с печальным видом, в худой власянице, с изможденными членами, без обуви, иссохшее, с потупленными в землю глазами; едва отверзает уста со стыдливостью, между тем как ланиты багровеют от прилива честной крови; сдвигая с головы покрывало, оно закутывается им молча. И я обращаюсь к нему с такими просительными словами: «Дщерь неба, исполненная внутренней славы, **350.** предстоящая уже в великом лике песнословящих горнего Царя, хотя плоть и земля удерживают тебя здесь, – прииди и изреки слово! Я сам буду твоим защитником. Ибо ты, богоданная царица, приходила уже ко мне, приходила; и, о, если бы посещала меня чаще и была ко мне благосклонной!»

355. «Кто возводит меня против воли на сие седалище? Кто вовлекает в пустое состязание и словопрение, когда сгораю желанием служить в безмолвии Богу моему делами своими, посвящая Ему дневные труды, ночные песнопения, источники слез и святые очищения? **360.** Не в кругу людей мое могущество; я не оборотлива на словах, не хожу в народные собрания, не восхищаюсь приговорами благосклонных судей, которые мало и для немногих соблюдают правосудие, а всего чаще туда и сюда наклоняют весы справедливости. **365.** Предоставляю другим выгоды здешней жизни; а у меня один закон, одно помышление – проникнувшись любовью, преселяться отсюда к Светодавцу Богу, царствующему в горних. Желание же прочих благ, о которых высоко думают люди пустые, надмевающиеся суетным, **370.** которые скоро приобретаются и еще скорее гибнут, столько же занимает мое сердце, как и дым, или пар, или текучий воздух, или песок, вздымаемый и повсюду носимый ветрами, или след корабля на море. **375.** Не видеть себе чести у людей, но иметь хотя малую, вечно пребывающую славу на небесах, для меня желательнее, нежели всем обладать, но быть в удалении от Бога. Однако же прихожу в трепет и страх, чтобы кто из воспаривших и носящихся по эфирным пространствам на новооперившихся крыльях девства, услышав эти рассуждения, не ринулся тотчас на землю. **380.** Потому и выступаю на середину, подать помощь чадам своим, при содействии Божиим защитив правое слово. Прежде же всего скажу матери моей, что только прилично мне сказать.

Справедливо сказанное тобой в пользу супружеской жизни: и я соглашаюсь **385.** (ибо начну с того, чем у тебя недавно окончено было слово), что супружество есть корень девственников. Действительно, оно корень и начало. Ибо кто из здравомыслящих будет отрекаться от своих родителей? Впрочем, не все же из сказанного тобой верно. Хотя ты и мать, однако же прими мудрое и разумное слово и касательно рождения выслушай **390.** тайны высокой мудрости, открытые мне в тайниках великого Бога.

Человек бывает отцом не целого человека, как говорят это, но только плоти и крови – того, что есть в человеке гибнущего; душа же – дыхание Вседержителя Бога, **395.** приходя совне, образует персть, как знает сие Соединивший их, Который вдохнул душу первоначально и сочетал образ Свой с землей. Подтверждением слов моих служит собственная любовь твоя, которая неполна, потому что ты любишь в детях не душу, а одно тело; сокрушаешься, когда тело изнемогает, и радуешься, когда оно цветет. **400.** Отец и досточтимая мать больше болезнуют сердцем о неважных телесных недостатках в детях, чем о важных пороках и великих недостатках душевных. Ибо телу они родители, а душе – нет. Если и я называю тебя матерью, то это относится к худшей части. **405.** Почему же ты завидуешь детям в том, что они имеют лучшего Отца? Итак, уступи добровольно великому Родителю человеков, почтив девство, которое последует Отцу Богу. Так говорю тебе, как матери; и достаточно доселе мною сказанного.

А я, любезные чада всех Царя – Бога, вступаю как бы в общение с Богом и оставляю любовь к персти из уважения **410.** к тому закону вожделенного согласия, который в древности Сын бессмертного Отца (родившийся от не связанного брачными узами, Нетленный от не подлежащего разрушению Родителя) постановлял в то время, когда вводил в рай пер-

вого Адама, **415.** не обязанного супружеством, потом, давая закон, предписывал очищение народу, рождаемых очищал законом и храм почтил тем, что совершавшие в нем чреду священники соблюдали телесную чистоту. Свидетелем мне в этом великий отец Иоаннов, который не прежде, как в чистоте совершив Божии тайны, зачал возлюбленного сына, о котором он получил обетование внутри храма, – **420.** сего предвестника Христова. Конец же закона – Христос для того в общение с человечеством вступил в девическом чреве, чтобы супружество преклонило к земле главу и чтобы оно уступило свое место, а явилось лучшее украшение. **425.** И смерть, чрез удобообразуемую плоть первородного [Адама] вошедшая в рождаемых от влажного семени и подлежащих разрушению, приразилась к девству и погибла, как огромная волна у прибрежного камня или налитый водой пламень.

Сверх того, кто восхищается городами и бессильными законами, народными собраниями и волнениями? **430.** Кто восхищается борьбами, какие установило баснословие в память преждевременно умерших юношей? Кто хвалит воинство в битвах и обилие яств на пирах? Кто превозносит тщеславную мудрость, которая состоит в ловкости рук или в паутинных словах и тканях, **435.** сплетенных из рвущихся нитей и распадающихся в воздухе? Кто восхищается трудами садовника или бегом быстроходного корабля под скорым ветром? Всему этому не супружество научило, но это малая часть первоначального наказания, какое постигло Адама; **440.** в этом прокрадывается злобный змий, стерегущий мою пята. Но если это и дары супружества, то прочь от меня с ними! Они не спутники мне, потому что поспешаю отселе в другую жизнь, а все эти здешние выгоды погибнут или ныне же, или вместе с непостоянным течением мира. И сама ты составляешь что-то текучее, переплываешь поток текучей жизни, **445.** едва ее касаясь и пробегая по чему-то бегущему.

Если восхищаешься мудрыми, потому что они от тебя родились, то представь и пороки негодных, для которых ты также составляешь корень! В тебе корень Каина, Содомы и тех безрассудных, которых Христос рассеял при столпотворении (Быт. 11:6–9), а также и тех, которых гордыню угасил **450.** небесный дождь [во времена Ноя], очистивший всю землю и все на ней дышащее (Быт. 6:9). Кто воскормил ничем не вразумляющегося фараона, дерзость Ахаава (3 Цар. 16–22) и самых тяжких царей ассирийских? Кто воскормил губителя и детоубийцу Ирода (Мф. 2:16), в питье сладострастным движениям дочери давшего праведную кровь [Иоанна Крестителя], или убийц **455.** Всецаря Христа, а также всех гонителей, какие были прежде, и после, и в настоящие времена, из последних же первое зло – этот ров велиаров, ужасное могущество губителя душ, Юлиана, который поражен свыше за то, что поклялся ратоборствовать против Христа, **460.** и которого прах доселе еще не остыл, внушая великий ужас нечестивцам? Кто же перечислит всех лжецов, человекоубийц, коварных, клятвoprеступников, похитителей собственности ближнего, осквернителей чужого ложа, которых производило или произведет еще на свет супружество? Ибо всякому известно, **465.** что в какой мере больше праха, нежели золота, в такой же и порочные многочисленнее добродетельных, потому что те и другие идут неравными путями: путь порочных и низок, и скоропроходим, а добрые пробираются трудной стезей, и потому злые гораздо превосходят числом добрых.

470. Но если перестанешь восхищаться детьми и жизнью, проводимую в общении с Божеством, называть недостаточной, то заключим этим слово. Пользуйся сомнительной славой. Я нимало, нимало не завидую земной родительнице. Если же ты, получив в удел от Бога второстепенное место, простираешь взоры на первенство, **475.** то выговору тебе справедливое, хотя и прискорбное для тебя слово.

Кто из людей прилагал свое попечение о том, чтобы зачать наилучшего сына? И что за искусство дать начало негодному сыну? Живописец с картины пишет другую не хуже подлинника; ваятель режет изваяния, подобные образцу; **480.** искусство выделывает из золота, что ни замыслил ум; земледелец от доброго семени пожинает добрый колос, и желание

не остается не достигнувшим чаемого конца. А смертный, ни худой, ни добрый, не знает свойств своего порождения, что из него выйдет. И добрый не поручится в том, что произведет лучшего. **485.** Иной, будучи Павлом, произведет на свет сына христубийцу – беззаконного Анну, или Каиафу, или даже какого-нибудь Иуду. А иной, сам весь во грехе, как Иуда, но наименуется родителем божественного Павла или Петра – несокрушимого камня, которому поверяются ключи. И того не знает отец, **490.** родит ли он любезного сына или дочь, но только восстание плоти угашает на супружеском ложе. От одного первородного произошли и завистливый Каин, и добродетельный Авель, приносящий богоугодную жертву. И злонравный Исав, и благонравный Иаков – Исааковы дети; и что всего замечательнее, **495.** близнецы и дети одного отца ни в чем не походят один на другого. А Соломон – сперва мудрец, потом стал самым порочным, последовав нравам злочестивых жен. Сила же Павлова велика в обоих случаях: и когда уничижал он Христа, **500.** и когда, свою пламенную ревность изменив в добрую любовь, стал всем Христа проповедовать. Что же из всего этого припишем супружеству? По крайней мере, я не припишу ничего, потому что у сопрягающихся не тот удается образ, который был им желателен. Кто забавляется игрой в зернь ⁴⁰, от того зависит только бросить кости, а чтобы вышел чет или нечет, **505.** это делают не руки играющего, а случайные превращения костей; так и супружество, посеяв чад, не зарождает их благоразумными или худыми, но природа или наука наставляют их этому.

А если хочешь знать еще истинную причину, то совершеннейшие бывают совершенными потому, что образует их Дух или Слово. **510.** Ибо в человеке сокрыта искра благочестия, как в некоторых камнях – сила огня. Ударами железа извлекается свет из кремней; так и Слово изводит из смертных сокрытое в них благочестие. Но худшие, по большей части, заимствуют сие свойство от супружества, ибо оно в большем числе производит худых. **515.** И в этом преходящем мире у всех одинаковый гвоздь пригвозждает плоть к земле и одинаковый свинцовый груз гнетет душу долу, одинаковое наследство достается всем рождающимся на земле.

Но перестанем говорить о детях; и ты не выставляй мне добрых, и я не буду указывать на худых. **520.** И по другим причинам сколько лучше жизнь чистая! Узнаешь это, если согласишься любить к Богу и любовь к тяжелой плоти, также природу и двоякий предел мира. Ибо если хотя несколько очистишь глаза свои от гноя, **525.** которым покрываются они при сиянии света, или от омрачения, и в состоянии будешь открытым оком взирать на светлость нашего солнца, видеть все чистым умом, то найдешь, что девство, взятое во всей его целости, есть такое приношение Богу, которое светлее золота, илектра и слоновой кости, что оно благоразумно, ясно как день, **530.** легкокрыло, высокошественно, легко, пресветло, превыше персти, не удержимо в земных юдолях, обитает в просторном небесном граде и вдали от плоти, одной рукой держится за нестареющуюся жизнь, а другой приемлет богатство и славу непрестающие, **535.** не уподобляется черепахе, которая под бременем своего костяного дома медленными шагами едва влачит свое влажное тело, не делится между Христом и владычествующей плотью, по закону водоземных, которые то держатся суши, то день и ночь остаются в водах, **540.** но устремляет к Богу всецелый ум, цветет же рождениями свыше, которые лучше земных чад, – надеждой и чистыми помыслами, посылаемыми от Чистого. Напротив того, супружество или вовсе удаляется от Христа по причине губительных воспламенений плоти и всякого рода мирских забот, **545.** или слегка касается божественного. Как тот, кто смотрит вдруг на две головы или на два лица или видит на страницах вдвойне написанные буквы, не уловляет верно целого образа, хотя и желает, но одну часть объемлет, а другая убегает от слабого, **550.** рассеявшегося зрения, – так слаба и любовь, если разделена между миром и Христом, а, напротив того, тверда, если устремлена к Единому. Человек или, обла-

⁴⁰ Зернь – игра в кости, или в зерна. – Ред.

дая всецело Христом, не радит о жене, или, дав в себе место любви земной, забывает о Христе. Случалось видеть, как каменотес **555**. или выделывающий что-нибудь из дерева, если он человек умный и рассудительный, когда надобно обсесть по прямой линии, закрывает один глаз ресницами, а другим напрягает все зрение, совоккупленное воедино, и верно определяет, где погрешило орудие. **560**. Так и любовь сосредоточенная гораздо ближе поставляет нас ко Христу, Который любит любящего, видит обращающего к Нему взоры, видит и выходит в сретение приближающемуся. Чем более кто любит, тем постояннее смотрит на любимого, и чем постояннее смотрит, тем крепче любит. Так образуется прекрасный круг.

565. И я, возлюбив Христа, оставила здешнюю жизнь, не могу обращать взоров на иные предметы. Меня удерживают сладостные узы, пленяя красотой, которая приводит в изумление всякую взирающую мысль, а во мне возникает пресветлый пламень и всю меня делает прекрасной и светозарной. **570**. Ибо только любящий Христа в самой любви к возлюбленному черпает для себя красоту; и блажен, кто приемлет. Напротив, ты и в груди питаешь иную любовь, и думаешь о себе много, будто бы более приближаешься к небу по причине, как говоришь, забот о детях, об имуществе или же о родителях, **575**. потому что сие легко. Но мудрая любовь не то имеет в виду, что легко.

Корабль мал, путь недалек, и не важно приобретение чего-либо тленного. Но для тебя это – бесконечное плавание; и ежели переедешь залив, то, собрав паруса, хвалишься мореходством по водам ионийским. **580**. Здесь всем движет дыхание ветра, и чем благопоспешнее ветер, тем плавание лучше. А если ветер и противен, небольшая беда – умереть в водах. Но плавание души отдаленно, для него нужен добрый ветер. А потому прихожу я в трепет и еще крепче держусь за Христа, и не только в бурю, но и во время тишины, ищу Его – мое чистое желание, **585**. ибо Христос – твердое прибежище любящим Его. Кто только в нужде обращает взоры к Божией деснице, тот оставляет свою временную любовь, как скоро почтет себя ненуждающимся. Но если Христос свыше уязвит твое сердце и насквозь пронзит спасительной стрелой, **590**. то, рассмотрев каждую любовь порознь, узнаешь, сколько сладостнее быть уязвленным от Царя.

Что еще говоришь? Родители живут новой жизнью, видя вокруг себя попечительных о них сыновей; цветет супруга при попечительности мужа, и муж – при заботливости супруги. У них общие радости, а скорби и заботы легче. **595**. Хромому же большая опора тот, у кого здоровые ноги.

Но для меня те родители, которые научили добру, и те дети, которые мной обучены. Супругом же имею у себя единого Христа, Который преимущественно любит девственников, хотя и за всех стал человеком, за всех подъял крест. **600**. С весельем взираю на Неге, даже когда посылает мне скорби; радуюсь, что чрез печали Он делает меня легче, как золото, которое было смешано с прахом и потом очищено. И если целомудрие ограждается у тебя супружеством и брачными узами, то я хранителем его поставила не плоть, но Слово и любовь, которая, владея мной, **605**. отогнала всякую постороннюю привязанность, как лев отгоняет от себя слабейших зверей. У плоти с плотью одинаковые страсти, а потому и умеют они в ином угождать друг другу. У тебя стол обременен яствами, а меня насыщает небольшой кусок хлеба, **610**. каким великий Христос питал и тысячи в пустынях. У тебя – искусством приготовленное питье, а мой напиток всегда обильно источают родники, реки и глубокие колодцы. У тебя лицо полно и одежды светлы, а мое убранство – нечесанные волосы и темная риза. **615**. Зато имею одежду, у которой бряцают золотые рясны ⁴¹, – это Христос, лучшее внутреннее украшение души моей. У тебя мягкое ложе, а мне постелью служит вретиче, древесные ветви и земля, смоченная слезами. Ты высоко ценишь золото, а для меня вожде-

⁴¹ Рясны – вышивка, оторочка по краю одежды; см. например: *вся слава дщери цареви внутрь, рясны златыми одеяна и преиспещрена* (Пс. 44:14). – Ред.

леннее персть. **620.** Ты неукротимее тельца, я потупляю в землю стыдливый взор. Ты надрываешься от смеха, у меня и улыбка никогда не являлась на щеках. Ты жаждешь славы, а моя слава не на земле.

Но, рассмотрев и увидев все это, посмотри еще, сколько в супружестве трудностей для служащих плоти. **625.** Жена покупает себе мужа, а что всего хуже, часто и не доброго. И у мужа жена купленная и нередко ненавистная; это такое зло, которое сам он на себя наложил и которого сложить не может. Ибо если супруги добры, то и единокорны, потому что все у них общее; **630.** а если худы, то у них домашняя беда, непрекращаемая ссора. Положим, что они не худы и единокорны, но тяжкая доля постигала нередко и новобрачных. Ныне жених, а завтра мертвец; ныне брачное ложе, а завтра гроб; скорби перемешаны с радостями; веселая песнь незадолго бывает до сетования. **635.** Одним возжжен брачный светильник, а другим уже погашен. Одного малютка стал кликать отцом, а другой обесчадел внезапно, как ветвь, обитая ветром. Сперва дева, потом супруга, а потом и вдова; и все это иногда в одну ночь и в один день. **640.** Срывает с себя кудри, отбрасывает далеко невестин наряд, слабыми руками терзает ланиты, в горьких страданиях забывает девический стыд, зовет несчастного супруга, оплакивает опустевший дом и жребий вдовства, и безвременное горе. **645.** Умолчу о болезнях деторождения, о ношении во чреве мертвого бремени, о жалком и не имеющем матери плоде, когда рождающая делается для него сперва гробом, а потом рождает; о смерти младенцев до их рождения, о чревоношении бесплодным; умолчу о произведении на свет недоношенных, скудоумных и уродов, **650.** об этом искажении человеческого рода, об этой игре плоти. Если кто взвесит это и посмотрит, куда потянут весы, то всякому благоразумному ясно откроется, что моя жизнь сильно тянет вверх, к царствующему в горних Богу.

О постыдном же для нас не станем и говорить, потому что **655.** честные уста девства привыкли избегать укоризн. Если же ты в укор богоподобному девству укажешь на того, кто сколько ни есть посрамил мой путь и нескверный Христов хитон покрыл позором, в греховном обольщении избрал первое из твоих благ и, бежав чистой, высокой жизни, **660.** вступил в поздний брак, то и я напомню о гнусных изменах брачному ложу, когда незаконно нарушают супружескую верность, поправ Божии угрозы. Ибо это одно из губительнейших зол для смертных и поядает внутренность сильнее всепожирающего огня, **665.** когда злоухищренный прелюбодей, приближаясь к чужому ложу, делает сомнительными и род, и узы любви. Но тебя не удерживают от брачных уз прелюбодеи и незаконники. Вступают в брак и тот, кто не смыл еще с себя человеческой крови, вонзив в сердце врагу отмщающий за прелюбодеяние меч, и тот, кто едва избежал кинжала.

670. Меня же отвлечет ли от Христа какая-нибудь безумная страсть? Неужели малый камень преградит широкую реку? Это было бы и неприлично, и несправедливо. Гораздо лучше, если из многих воспаривших вверх некоторые и упадут (если позволено сказать такое **675.** с трудом выговариваемое слово), нежели когда все останутся на земле из опасения, что крылья могут растаять и низринуть вниз. Ибо добрые – слава Христова, а порочные... да примет грех и стыд на свою безрассудную голову, кто бросил камень на небо! **680.** Денница прежде был Ангелом, но после его падения не лишились своей славы небожители. И Иуда своим падением не нанес укоризны ученикам; напротив того, он изринут из числа избранных, а одиннадцать апостолов пребыли совершенными. **685.** Одного погубило море, а другой, распустив белые паруса, плывет, где видит перед собой гроб погибшего мореходца, или от одной гробницы отвязывает корабль, чтобы у другой привязать корму.

Повелишь ли мне, мать моя, оставить жизнь, стремящуюся горе', или положим конец слову, потому что верх на стороне дочери? Если чем могут похвалиться родившие меня, то это моя похвала. **690.** Восхищаешься тем, что ты мать девства; какова же моя слава? Разве не знаешь, что все совершеннейшие, тобой перечисленные, хотя произошли от родителей, но праведнее и лучше родителей? И Христос хотя Мариин Сын, но гораздо выше Марии,

и не одной Марии, но всех, обложенных плотью, **695.** и даже превыше тех умов, которых сокрывает в себе пространное небо. И колос из малого семени пророс, а из песчинок образовался кусок драгоценного золота.

Но чтобы положить венец речи, пусть слово для обоих родов жизни, и безбрачной и супружеской, изобретет какое-нибудь подобие, **700.** в котором бы ты увидела конец моего слова!

Снег приличен зиме, а цветы – весенней поре, седина – морщинам, а сила – юношеским летам. Однако же и цветы бывают зимой, и снег показывается в весенние дни, **705.** и юность производит седины; а случалось видеть и бодрую старость, и старика гораздо с большими силами, нежели едва расцветающего юношу. Так, хотя супружество имеет земное начало, а безбрачная жизнь уневещивает Всецарю Христу, однако же бывает, что и девство низлагает на тяжелую землю, **710.** и супружеская жизнь приводит к небу. А потому если бы стали винить один супружество, а другой – девство, то оба сказали бы неправду.

Но, друзья мои, и вы, родители, и вы, безбрачные юноши и девы, долго ли вам, уподобляясь презренной черепахе, или осьминогу раку, который ходит не прямо, **715.** или длинной змее, которая пресмыкается на чреве, – долго ли вам влачить жизнь, обремененную ужасной тяготой плоти? Послушаем, наконец, Христовых советов, отринув красоту, славу, богатство, род, счастье и все обольстительные порождения губительного греха, **720.** воздвигнемся отселе, взойдем в легкую жизнь, очистимся, будем единомысленны с небесными чистыми Силами, чтобы, вступив в сонм предстоящих великому Богу, с весельем воспеть праздничную песнь Царю! Как, изринутые из светлого рая, получили мы в удел супружество, **725.** и многотрудную землю, и все, что сопутствует погибшим, – так чрез жизнь, не знающую житейских уз, взойдем опять в славу, к тому доброму райскому дереву, которого лишились за безрассудство».

Так говорило богоподобное девство. Судии, хотя и привязаны были более к супружеской жизни, однако же венчают главу **730.** девства. А Христос, воздающий награду обоим, поставит их подле Себя, одну по правую, другую по левую руку. Но и то – великая слава!

2. Советы девственникам

Твоя победа! Даже и тот, кто великий друг плоти, произнесет такой же суд. Впрочем, достопочтенная дева, столько рассудительная и благоразумная, приклони несколько слух к моим внушениям, **5.** позволь и мое слово вложить тебе в сердце! Самый лучший совет, который подает седина.

Не уязвляйся мыслью, уносясь в порывах своих за облака. Часто падение поднимало с земли в высоту, а возвышение низлагало на землю. У Бога положен такой закон: благоволить к плачущим и обсекать крылья высокомерным.

10. Не малыми мерами измеряй путь своей жизни. Ежели ты опередил возвращающегося назад или самого порочного, то не думай, что достиг уже предела добродетели. Превзойти немногим – не верх еще совершенства. Для тебя мерой должны быть заповедь и Бог. А ты далеко еще от Бога, хотя идешь и быстрее других. **15.** Имей в виду не то, сколь многих стал ты выше, но то, сколь многих остаешься еще ниже, и желай быть всех совершеннее. Выше тебя широкое небо, а ты высок между низкими.

Слышал я, что рыбам и луна, и солнце, и звезды представляются под водой, **20.** не потому, что они действительно там, но потому, что рыбы, видя слабые отражения действительности, сими неясными изображениями услаждаются, как самыми светилами; а настоящих небесных светил, никогда не выходя на поверхность седого моря, рыбы и не видавали; в противном случае и они, может быть, отличили бы, что такое свет и что такое игра света в воде. **25.** Так, некоторые, поелику не видали истинной высоты Царя, едва поднимаются

несколько, уже думают, что стоят на самой высоте. Но ты, хотя иное приобрел, а иное надеешься приобрести, однако же непрестанно простирай взор вперед, восходи и к прочему по многим ступеням. Всего хуже останавливаться. Спешి приобретать одно за другим, **30.** пока Христос не возведет тебя на последнюю ступень.

Остерегайся, чтобы не поразили тебя нечаянно осмеяние и злой язык, который на совершенства твои изрыгает змеиный яд. Два пути у человека, и поругание бывает двойное. Один путь худ; он приводит и к концу худому. **35.** Другой путь хорош; и конец его, как и естественно, вожделенный. Но осмеяние преследует человека на обоих путях. А если бы язык напал только на тех, которые худы, что тогда было бы превосходнее его? Теперь же с одинаковой яростью нападает он на всех, на добрых и на злых. И ты будь осторожен и осмотрителен **40.** в обоих случаях. Страшись языка, который преследует беззаконников, чтобы бегать и самого порока, поражаемого языком; а языка, который у злого врага вооружен на добрых, столько же бойся, сколько вдавшийся в море утес боится ветра и сокрушающейся о него волны.

45. Никогда не делай ничего постыдного, хотя оно нравится многим, и не оставляй доброго дела, хотя оно и ненавистно порочным. Старайся поступать так, чтобы заслужить славу. А если она удаляется от тебя, не огорчайся ложной молвой, но благоразумно иди своим путем. Пусть другие лают понапрасну; **50.** они не сделают никакого вреда божественной любви, и зависть выплачет только себе глаза.

Убежав из Содома, спасись от пепла сей жизни и от страшных угроз Божия огня, **55.** не озирайся на Содом, иначе отвердешь вдруг в камень и останешься памятником греха и ужасной смерти (Быт. 19:26). Ноги твои не на содомской уже земле; не медли же и на соседственных равнинах, близких к огню, но как можно скорее спасайся в гору, чтобы не настиг тебя огненный дождь!

Не робей слишком плоти, как будто она по природе своей неукротима. Не от Бога тот страх, который делает человека связанным. **60.** Не предавайся слишком и плотской неге, чтобы пресыщение сверх чаяния твоего не низринуло тебя со стремнины!

Охотно иди по негладкой стезе. А если восходишь вверх, смотри, не скользок ли путь, чтобы, не падая, достигнуть тебе цели и пройти сквозь узкие врата. **65.** Там свет, и слава, и успокоение от всех бедствий.

Если боишься того, что и малая искра зажигает солому, то ободрись надеждой: великий пламень прохладится дождем свыше. Молитвы, вздыхания, в слезах проводимые дни и без отдыха ночи и всецелая любовь к Царю — **70.** вот прекрасные врачевства целомудрия! При них никогда, превосходный мой, не поставишь ты в сердце своем кумира худшей любви, но будешь иметь непорочный ум, как храм великого Бога и лучезарности Духа.

Дева, будь девственной и слухом, и очами, **75.** и языком, потому что чрез все вторгается грех. Слух напрягай для одних добрых вещаний, а для речей срамных и бесстыдных заграждай его дверью. Очи храни целомудренными в брачных чертогах, то есть в веждах твоих, и не уязвляй сердца похотливыми движениями. **80.** Уста держи заключенными, подобно нераскрывшимся чашечкам цветка, чтобы слово твое оставалось предметом желаний.

Ноги, идущие борзо, ненадежные свидетели девства; и в самой походке бывает нечто блудное.

Уважай ветхий хитон, а не лицо, сияющее от удовольствия, и не прекрасные шелковые ткани. Пусть других украшает жемчуг, пусть у других **85.** блистают золотом члены; представь сие тем, у которых расцвечены лица, этим созданиям земных рук, чуждым небесного образа, этим гнусным изображениям, вывескам сладострастия, безмолвным обличителям, движущимся картинам, обнаруживающим тайны благоприятствующей ночи, **90.** этому блистательному безобразию, этим гробам, скрывающим в себе смрад! Но отходи от них дальше ты, невеста Царя Христа, которая славишься внутренней красотой.

Слей очи с очами и слово со словом, но только чистые с чистыми; никогда же не сливай смеха со смехом и дерзости с дерзостью, **95.** ибо это доводит людей до губительного поползновения.

Убегай всякого мужчины, особенно ни одного не принимай в сотрудники домашней жизни. Поверь мне, чистая дева, что хотя бы он был чище золота и тверже адаманта, но все [равно] – горькая вода из Мерры. Ибо опасность с двух сторон. **100.** Хотя ты полагаешься на собственную плоть; впрочем, кто поручится за члены живущих под одной кровлей? И у тебя не совсем чисты и нескверны глаз и ум, и мысль другого может скрывать в себе что-нибудь земное и изгнать [из души] духа. Воспарив от земли, ты переселилась уже от плотского к духовному; для чего же, одобряя опять сожитительство с плотью, **105.** бесчестишь священного Жениха, Который ревнует о твоём образе? Смотри, чтобы Он не лишил тебя Своей любви за двоедушие, за то, что храмаешь на оба колена. Твой возлюбленный – Христос, посему удаляйся от всякого мужчины. Для чего находишь нужным иметь помощником того, кто сам имеет нужду в помощнице?

110. Коню любезен конь, оленю – олень, скворцу – скворец, чистому же дорог чистый. Но, впрочем, ты бегай злонамеренного советника, чтобы он при всем твоём благоразумии не обманул тебя. Он всего более враждует против мудрых, часто и доброе обращает во зло даже добрым. **115.** Ныне он свет, а после окажется тьмой. Внутри смерть, а сверху снедь. Привлекает сладостью и губит скрытым ядом. Не редко сводит он между собой людей близких по духу, приходит к ним в светлом образе, прикрывается честным наименованием христианской любви, а потом **120.** в сблизившихся изменяет сердечную любовь в плотскую и возжигает пламень или оставляет жалкие следы пламени. А если не останется в тебе и следов пламени, то всего скорее нанесешь удар тем, которые смотрят со стороны. Но и все мы готовы на грех; поток сам льется по склону.

125. Но дом, одежда, стол, немощи довели тебя до этого позора, заставили избрать помощника дряхлой старости. Ты променяла золото на медь, если вместо светлой жизни приобрела малое и неприличное утешение. Если дашь мне кучи золота и янтаря, **130.** зеленеющие поля, тучные стада, великолепный дом и Алкиноеву трапезу, если вместо настоящей жизни дашь другую нестареющуюся, и тогда не соглашусь жить гнусно и чрез это лишиться Христа.

Пусть у меня хлеб в скудость и вода – редкий напиток; **135.** пусть меня, как древле Адама и Еву, покрывают смоковые листья (Быт. 3:7) и домом мне служит расселина в камне или дупло в буке; жизнь моя проста и не лучше звериной; или, обременяя землю, как нищий и новый Лазарь, брошенный у ворот горделивца (Лк. 16:20), **140.** влачу жалкую жизнь и болезненное тело; все это ныне, а там – пропасть и грозное воздаяние за все здешние наслаждения. У тебя пресыщение, а у меня скорбь кратковременны, и потом все забыто. За гробом все станем одно, все – один прах. Там одно место рабам и царям, **145.** никому нет преимущества в преисподней. Поэтому и благами настоящими не пленяйся, и скорбями здешней жизни не слишком занимай мысли. Вместе с наслаждениями оставишь и все скорби, и при том в скором времени. Ибо что продолжительно в однодневной жизни?

Ты здесь странник и пришлец (Пс. 38:13), пресмыкающийся по чуждой тебе земле. **150.** Отсюда восставит тебя Бог в отечество твое. Подвиги твои не долговременны, а награда выше трудов.

И ты, мудрый советник Ионадав, убеждая любезных детей насладиться высочайшим для людей счастьем, предложил им такой закон и такое слово: «Вот, дети мои, **155.** получите от отца богатство, какого и мне не дал любезный отец, какого и всякому другому сыну не доставалось от отца; получите богатство всегда постоянно сохраняющееся. Не стройте для [телесных] членов своих ограниченного местом дома, не возделывайте земли. Что вам пользы от винограда? Живите в шатрах; а пьянящего и сладкого питья никогда, дети, **160.**

никогда не вливайте в свою гортань. Живите для Бога и богатство свое полагайте в едином присноживущем Боге, Который всегда Сам Себе равен и ничем не возмущаем». Так говорил отец, и дети исполнили его заповедь (Иер. 35:6–7).

165. А я знаю народ, вводимый в землю обетования. Впереди шел столп огненный и облачный и влек его за собой по незнакомой пустыне. Море расступалось пред ним, небо давало ему пищу, камень извел из себя воду, широко текущая река отступила назад, солнце замедлило бег своей колесницы; **170.** некто, простертыми руками назнаменуя крест, воздвиг победный памятник, а вера связала острия мечей (Исх. 17:9-13).

А Илия был питаем воронами и престарелую сидонскую вдовицу напитал немногими каплями жизни, потому что в малом сосуде не оскудевала мука **175.** и глиняный сосуд всегда источал влажный елей в таком же количестве, в каком почерпали руки страннoлюбивой вдовицы (3 Цар. 17:16).

Еврейские юноши, желая свойственной им пищи, чтобы не оскверняться трапезой царя, с радостью вошли в ассирийский пламень и, **180.** в нем прохладившись (Дан. 3:50), возвратились в свои дома.

Даниил, брошенный на снадение ярым львам, когда распростер свои руки, не львов напитал, но сам от пророка приял в руки богопосланную пищу (Дан. 14:37).

Божественного Иону из внутренностей своих изbleвал **185.** морской зверь (Иона. 2:11), три дня (какое великое чудо!) держав его в утробе, потому что пророка даже и в китовой утробе сопровождала вера.

Иоанну служили пищей акриды и дикие соты, одеждой – волосы высококoвынных верблюдов, кровом – широкое небо и пустынным ложем – земля (Мф. 3:4).

190. Кто спас Феклу⁴² среди огня? Кто связал неукротимую силу кровожадных зверей? Какое великое чудо! Девство усыпило зверей, и они не дерзнули своими зубами осквернить чистое девственное тело.

Нет, не позабуду упомянуть (это было бы и несправедливо) о непорочной **195.** Сусанне, которая, хотя носила на себе супружеское иго, однако же имела столько любви к целомудрию, что, когда избегла беззаконнейших рук, но по несправедливому приговору судей влечена была на смерть, спасли ее от гибели мудрые рассуждения праведного судьи, который, будучи юн духом, но сед разумом, **200.** связал словом своим развратных и беззаконных вавилонских старейшин (Дан. 13:48).

Сам выслушай Павла, с какой боролся он злобой, сколько понес трудов и мучительных беспокойств от друзей и от врагов, на море и на суше, **205.** как восходил до третьего неба и весь мир заключил в вожделенные мрежи. Он скорбями своими восхищался более, нежели другой благоденствием.

Добродетель всегда окружена бедствиями, как роза ненавистными и колючими шипами. **210.** Помня сие, и ты с лучшими надеждами блюди свою жизнь для Христа Царя в совершенной непорочности и не дозволяй вводить тебя в обман нужде, которая всего скорее покоряет себе даже мудрых мужей. Почему и злокозненный враг, искушавший Христа Царя, как скоро увидел Богочеловека алчущим, понадеялся, **215.** что чувствующего нужду уловит в свои сети, и повелел превратить камни в снадь (Мф. 4:3). Но он не уловил Бога, а тебе, человеку смертному, льстит как богу. Ты же стремись к Богу и дальше гони от себя врага, всецело пребывая в Боге и выше плоти.

220. Не хорошо, если, как в сомкнутом в кружок хороводе, одного держатся правой, а другого левой рукой, так и ты, вместе касаясь Божества и отделяясь от Него, [одной] половиной принадлежишь Христу, а [другой] половиной – плоти. Не хорошо, если, пускаясь в море на быстром и благоустроенном корабле, **225.** как скоро восстанет ветер и возмутит

⁴² Св. мученица Фекла. Память 24 сентября. – *Ред.*

спокойные воды, задерживаешь скорое плавание якорем или прельщаешься пребыванием на суше и совершаешь свой путь по водам, уподобляясь вместе и мореходу и пешеходу. Не хорошо, если на жизнь твою кидается плоть – эта рыба прильпуша, **230**. останавливающая корабль на всем ходу. Но как поток, проходящий по узкой трубке, как скоро во внутренности округленного свинца скопится столько влаги, сколько может вместиться, начинает бить вверх, не удерживаясь в заключении, потому что он сильно нагнетаем сзади, **235**. так советую и тебе, запечатлев в груди своей любовь, нестись ввысь в сретение Христу или орошать какую-нибудь добрую и тучную ниву. Если же ты разливаешься и здесь и там, по глубоким пескам, или по камням, или по лугу, или по бороздам, **240**. то добрый твой поток, ничем не удерживаемый, погибнет без всякой пользы.

Если жив у тебя любезный отец, произведший тебя на свет, или если жива у тебя милая мать, то не укоризненна твоя любовь. Если ты полагаешься на благорасположенных к тебе братьев и на родителей, когда они живы, помогающих тебе или требующих от тебя помощи, то никто не упрекнет тебя, **245**. что живешь вместе с ними; за это не обратит на тебя злого и неумолимого взора осмеяние, хотя оно замечает часто и скрип твоей обуви. Впрочем, для меня полезно и то, что злой обращает на меня взоры. Пусть он смотрит, а мое сердце пребудет твердо. **250**. Но прошу убежать любви к другим, даже не только любви, но опасного пребывания в одном доме, или самонадеянности обманчивой и ненадежной в людях цветущих лет, – убежать в той же мере, в какой должна предаться Христу твердо прилепившаяся к Нему присноживой любовью.

255. Тебе, которая хвалишься целомудрием, имея любовь к возжеленному девству, не должно открывать всего сердца другим страстям. Это всего хуже, если по ухищрению завистника зло рождается из добра. Не думаю, что обязательно должно избегать супружества и супружеских обязанностей, **260**. посредством супружества Бог непрестанно умножает род человеческий, но я избираю девство, как врачевство и пособие против моих страстей. И если увижу свободный от них день, то есть мне за что благодарить одинокую жизнь! Но когда, оградив дорогую ниву стеной, отворю двери зверям или одну ее часть обнесу плотной оградой, **265**. на другой же оставлю тропинки мимоходящим путникам, тогда не то же ли выйдет, как если бы дана была возможность врагу отовсюду врываться и губить мою ниву? Но и тебе враг во всем строит козни, чтобы явно и тайно нападать извне и уловлять изнутри. Никто не избежит его злобы, **270**. если не имеет всегдашним помощником Христа. Иногда маловажного не вменяй во грех, но и маловажному не противься слабо, чтобы не встретиться, как ни есть, с худшим.

Хорошее и слушай, и говори. Но что говоришь, то **275**. тщательно осматривай. Зрение должно побуждать тебя и к делу, и все помогать одно другому – цель и слово, зрение и слух.

Избегай худого семени, чтобы пожать тебе добрые колосья. Не затаивай в себе прелюбодейной любви к миру; а затаивает ее тот, кто дал в себе место хотя бы тонкому корню порока: **280**. от этого корня раскинется туда и сюда множество ветвистых стеблей. От нескольких капель кровавой влаги сворачивается молоко в большом сосуде. Один камень, упав на поверхность стоячей воды, внезапно мутит прекрасный источник; **285**. множество кругов, непрестанно образуясь в одной точке, рассеиваются по воде и исчезают на окружности. От удара в одном месте все тело вокруг пухнет и чувствует боль. Не много было вкушено, и стал я мертв, потому что за вкушением последовали грехи, как за одним храбрецом **290**. чрез неприятельскую стену идет все воинство. Не велика рана, наносимая аспидом, но она мгновенно погружает в предсмертный сон, и самая гибель бывает приятна для умирающих. Посему старайся, чтобы сердце твое не осквернилось даже и малостью.

Если чрево у тебя на замке, то, может быть, спасешься от греха. **295**. А если двери у него отворены, то боюсь, чтобы персть не сделалась наглой. Когда тело усмирено, тогда усмирятся вместе и бесстыдная похоть.

Вино – эта желчь для девственников, приносит им много беславия, а гневливость доводит до неистовства; все же это – путь к смерти.

Дева, не пленяйся своим выношенным хитоном; **300.** и малоценностью увеселять взоры – худо.

Не возбуждай врага, надрывая щеки смехом; пусть они безобразно искривляются у тех, которые разливаются от радости и держат дом не на заперти. А у тебя пусть промелькнет на лице тихая улыбка **305.** и как можно скорее появится румянец и закроет собой веселье. А румянец внушает уважение смотрящим.

Женщинам прилично не много говорить о Боге, именно сколько можно им знать о досточтимом естестве Троицы, о тройственной в Божестве, единой благодати, **310.** ибо глаголы благочестия не хорошо предавать и молчанию. Должны же они больше слушать. Но то и другое, и говорить и слушать, обязаны с трепетным умом и благоговейно, на все налагая покров стыдливости. В словах же прекословных пусть упражняются люди мудрые, низлагающие неверных.

Да не похищают у тебя Бога ненавистные заботы, которые и высокошедшего низлагали мгновенно на землю. **315.** Ум твой да стремится к цели, не носясь туда и сюда, подобно искателю побед, неукротимому коню, и не убегая вдаль от великой славы Христовой. Если же увлек тебя злой велиар, и ум твой блуждает, то, как можно скорее, перемени направление и иди к цели прямым путем.

320. Пусть занимают тебя ткацкий челнок, пряжа, поучение в Божием слове, премудрость, божественные песни, внятные, но не громкие, не терзающие душу звуки, которых больше остается в груди, нежели сколько слышно на устах. Враг часто врывается чрез слух даже в глухих.

325. Ты, целомудреннейшая дева, которая, вкусив божественного питья, избегла супружеских уз и всякого бремени, носимого женщинами, не входи в чужие ложницы и в супружеские дела, чтобы тебя вместо девы не стали называть яремной женой; не проводи времени в чужих домах, за чужой трапезой, **330.** не имей обращения со слугами, не принимай участия в домашних смутах, не бросай льстивого слова за кусок хлеба.

Люби меру в страннолюбии. Кто украшен добродетелями, тому радушно отворяй свой тесный дом. А кто не выше других, тому оказывай милость издали. **335.** Обитель твоя да будет ограждена от молвы. Деве лучше быть негостеприимной, чем отворять дом для всех странников, потому что на многолюдстве теряется стыд. И чем может быть опозорено светлое девство, на то не собирай доказательств со всех концов земли.

Уважай седину и подражай честным нравам. **340.** Благоразумная седина принесет тебе больше пользы, нежели юность.

И с благочестивым намерением не переходи с места на место. Нога твоя, поспешая в святые места, как бы ни были они отдалены, да не сойдется, часто вопреки приличию, с ногой легкомысленных мужей. **345.** Царь Христос у всякого в доме, Он близок к любящему – в сердце у него.

Первое место дай Богу, а следующее затем – иерею, земному Христу, руководителю твоей жизни. Поспешай за ним на крыльях, покоряйся ему безмолвно, с ним радуйся, когда простираешься вверх, и ему подчиняйся, когда падаешь, чтобы, пришедши в страх, опять вознестись высоко.

350. Умри для всех прочих, – это для девы лучше, нежели вести жизнь открытую и выставленную напоказ всякому. Хвалю тех женщин, которых даже не знают мужчины, которые живут вдали от мира, но втайне видимы Богу.

355. Будь очень благочестива, но не смотри очень надменно. Погнавшись за людской славой, легко потеряешь добрую славу. Женская слава гибнет, как скоро делается видной для мужчин.

Ревнуй добродетельному и отвращайся порочного. **360.** Равно худо и завидовать добрым, и любить порочных.

Не останавливайся в своем пути, видя, что злые ведут покойную жизнь, и не терзайся сердцем, видя, что добрые изнемогают. Это одна игра жизни, а ты смотри единственно на конец.

Наслаждаясь благоприятной погодой, ты радуешься, но не знаешь еще ясно, что будет. Бойся, чтобы с какой-нибудь стороны не подул смертоносный ветер. **365.** Поэтому всю жизнь свою или страшись, или готовься к страху.

Когда падает человек порочный, тогда тем паче утверждай свою ногу. А когда падает благоуспешный, крепись еще больше. Ибо если совершенные падают, то очень не легко провести жизнь, не поскользнувшись. Вся жизнь для тебя – угли под ногами, и угли горячие. **370.** Всегда ступаешь ты по скрытым сетям.

Боюсь, чтобы мне, положив основание жизни своей на песке, не разрушиться от дождя, рек и ветров (Мф. 7:26–27); боюсь, чтобы, подобно семени, которое пало на сухую и бесплодную землю (Мф. 13:5–6), и мне, скоро взойдя, еще скорее не засохнуть, **375.** когда ударят в меня солнечные лучи и легкие напасти; боюсь, чтобы во время моего сна сеятель негодных плевел и завистливый враг не подмешал худого семени (Мф. 13:24–30). Когда же десять чистых дев (Мф. 25:1–12), бодрствуя, с возженными светильниками и с недремленными очами ожидают **380.** вождя жениха – Царя Бога, чтобы им светлыми выйти во сретение приходящему с весельем; тогда не поставь меня в числе бедных умом и юродивых дев, чтобы мне уже в самое пришествие Христова, отягченными от сна очами заметив едва мерцающий блеск светильников, слишком поздно не пожелать для себя **385.** капель елея светлой жизни и чтобы запертые двери не преградили мне входа на брак, где Слово, по великим уставам любви сопрягаясь с душами чистыми, дарует им сияние и славу. Вот и брачный пир (Мф. 22:2–14), который учреждает добрый Отец, веселясь о наилучшем Сыне; **390.** о если бы на этой вечери было место и мне, – и мне было место, и всякому, кто со мной единомыслен! Но вне пира останется тот, кто брачному веселью предпочитает или село, или пару новокупленных волов, или жену. Боюсь и того, чтобы среди пирующих, которые все одеты по-брачному, одного меня, **395.** у которого осквернены одежды, не связали по рукам и ногам и не изринули из брачного чертога далеко от друзей и от брачного пира. Когда же Царь мой, возвращаясь с брака, придет внезапно к ожидающим и к неожиданным, о если бы мне тогда оказаться в числе ожидающих и заслужить похвалу, **400.** как доброму служителю, имевшему страх, снисходительному к подначальным и правдивому раздающему хлебов твердого слова!

Сие заповедую девству, как кротко советующий и сердечно любящий отец; а вы, чада, и дочери, и сыны, послушайте любимого отца. И если, как надеялся, **405.** имею какую-нибудь благодать у Бога, то не презрите заповедь отца, подобно сынам Илиевым (1 Цар. 2:12–34). Не делайте сего, чада, чтобы и вас не постигло одинаковое с ними наказание. А прочим [обращу я] следующее слово: и небезбоязненно, держа весы ровно (свидетель в том Бог), произнесу равный суд над теми и другими — **410.** над девственниками и над живущими в супружестве.

Сколько девство предпочтительнее супружества, столько непорочный брак предпочтительнее сомнительного девства. Посему и ты, ревнитель совершенства, или вполне возлюби чистое девство, если имеешь к тому и силу и расположение, или **415.** избери супружество, как говорят, после первого второе также доброе плавание. Но бегай тех, которые хотят совместить ту и другую жизнь, и безбрачную и брачную, то есть примешивают к меду желчь, к вину грязь, к священному Салиму⁴³ злочестивую Самарию. **420.** Напрасен труд – по совершении пути идти вдруг назад; не [пребывает] вне опасности стрелок, если пущенная им стрела падает почти у ног его, а не долетает, куда должно, и не попадает в высокую цель. И

⁴³ Предшествующее название Иерусалима. – *Ред.*

тому, кто в дар Царю Христу принес девство — **425.** эту словесную жертву, это бескровное заклание, вступить опять в супружество не только есть потеря, но и величайшее падение, близкое к смерти, а сверх того и нескончаемый стыд. Это значит, вдруг поскользнувшись, сорваться вниз на землю с обрывистой горы, на которую восходил ты с великим трудом в намерении открыть там золото или провести время **430.** в приятном занятии, преследуя зверя. Кто же, слыша о злочестивом Анании и Сапфире (Деян. 5:1-11), которые за собственный прибыток подверглись злой смерти, не побоится убавить в своем обете даже и малость? А некто из древних, когда тайно, без ведома вождя, **435.** присвоил себе золотой язык ⁴⁴, одежду и несколько денег, нанес тем вред целому народу (Нав. 7:10–21). В какой же степени выше жребий одушевленной твари, в такой или еще в большей худо для девы возвращение назад.

440. Да погибнет такой супружеский союз, которого не скрепил брачный закон! Всегда блюдишь от жала того, кто непрестанно влечет назад души, простирающиеся вперед, чтобы ему царствовать над большим числом униженных, кто первый низложен из небесной славы на землю и влачит здесь иго позора, налагаемое на горделивых.

445. Теперь изреку добрый совет родителям, родственникам и целомудренным попечительницам, в руках у которых жизнь, позор и добрая слава дев. Непозволительно и неприлично поступать насильственно **450.** с тварью великого Бога. Все мы род Единого; и властвует ли кто или сопричислен к подвластным, богат ли кто или беден, восседает ли кто на великом престоле или преклонен до земли, покрыт ли кто сединой или цветет юностью — все от Единого, у всех одно дыхание, все стремимся к одному концу; **455.** Бог для всех родился человеком, и умер, и воскрес; Он всем даровал широкое небо. И посему никто в угождение неразумной плоти не должен против воли вести деву к брачному ложу, когда она берется за Христа и живет лучшей любовью, **460.** как не должно полипа совлекать с его каменного ложа или певчую птицу выгонять из устроенного ею гнезда. Напротив того, если у тебя христоролюбивое сердце, если Бог связал тебя божественными узами и исхитил из мира, то со всей готовностью представь Христу прекрасную невесту **465.** или юного сына, как некогда чадолубивая Анна представила Самуила — священный плод своих чистых ложехн (1 Цар. 1:20), одушевленную жертву, которая священнее всякого первородного, а также колоса или грозди, срезанных добрым земледельцем в начаток Богу. А если ты идешь в середине между Христом и миром, **470.** то на одинаковых весах взвесь и супружескую, и одинокую жизнь, хорошо и разумно собрав в уме все выгоды и невыгоды той и другой, и, предначертав двоякую цель, избери путь, на который влечет горячая любовь, и вспомоществуй в одном случае порабощению, а в другом — небесным стремлениям. Когда дева достигла совершенных лет, чтобы вступить в брак **475.** или исполнить целомудренное намерение, хотя как супруге служит узами муж, так дочери — родители, а той и другой — Божий страх, не вступившей же в супружество — Христова любовь, однако же ты не удаляй от замужества деву, желающую иметь мужа, и не вводи насильно в дом к мужу стремящуюся к Богу. **480.** Пока же не уверишься несомненно, не препятствую делать некоторые испытания. Но если ты всю мысль свою и руку отдаешь супружеской жизни, с радостью устроил уже и брачный чертог, и пляски, и пиршества, в веселии сердца забыл свою старость, а между тем изгоняемое тобой девство приступит ко Христу **485.** (как некогда правосудие восходило на небо с жалобой за умерщвление вола земледельца), то боюсь, чтобы на твое несправедливое решение не прогневался Бог, перед Которым всякая перстная природа смиряется так же, как тучный воск перед огнем; боюсь, чтобы страх Божий не связал тебя по плоти. И здесь бывает служение подобное небесному, **490.** и в смертных есть ум, приближающийся к Божеству.

⁴⁴ Т. е. слиток. В славянском переводе: *сосуд злат.*

Погрешил тот, кто бесплотное смешал с природами плотяными, от ангельского вождения производил сильных исполинов и грехами небожителей думал очистить землю ⁴⁵. Предоставим сие эллинам, потому что они в защиту своих страстей **495**. умыслили представлять богов непотребными, ворами, андрогинами, прелюбодеями, развратителями людей, человекоубийцами, губителями родителей или детей своих и, не довольствуясь сим, приносили жертвы самим страстям. Посмотри на первейшего из их богов: чем не делало его сладострастие? **500**. Волом, лебедем, змеей, золотом, мужем, птицей – всем, чем только повелевал ему делаться резвый Эрот – этот слабый ребенок. Они-то уничтожали любезное девство, налагающее узы на плоть. Для них невероятна была светозарность плоти. **505**. Они всех меряют своим непотребством. Но чистому оку не свойственно видеть звезды омраченными. Земля [хотя] и твердо стоит, но сему не доверяет, у кого кружится голова. А нам неприлично говорить о девстве укоризненно.

Почему же невероятно, что любовь ко Христу-Царю может усыплять человеческие вождения и плотскую любовь, **510**. как и прежде остановила кровавый ток у прикоснувшейся кровоточивой жены? Бог дозволил похитить у Него благодать, и сухой поток сделался текущим источником, как скоро иссяк. **515**. Разве мужество в христианах не было выше огня, и мечей, и воды, и свирепых зверей, которые немилосердными зубами терзали их члены? Когда теснил их гонитель, воздвигая брань за веру в Бога, тогда что видим у них? Не жизнь ли, проводимую без сна и без крова? Не молитвы ли и непрестанные воздыхания? Не истекают ли они слезами? **520**. Не возносятся ли от земли в ночных и дневных песнопениях, оставив мир и плоть? Не малыми ли крохами пищи поддерживается в них дыхание? Не служат ли им жилищем пещеры, а ложем – камни или мягкая трава и сухие ветви? **525**. Не живут ли они под одним кровом со свирепыми зверями, чтобы только избежать злых внушений и уз персти? Есть сказание о птице фениксе, что она, умирая, юнеет, по истечении многих лет возрождаясь в огне, и из устаревшего праха является дивный самородный плод. Так и они, умирая, делаются вечноживущими, **530**. сожигаемые пламенной любовью к Царю Христу. В самой немощи скрывается сила благочестивых. Кто видит все это, тот неохотно вступит в союз с юной плотью, потому что воспламенен лучшей любовью.

Общая всем мать природа! Возвещу не свои, но твои чудеса, **535**. какие ты расточила на суше и в морях. Слышу, что пернатая горлица по смерти своего милого горлика из целомудренной любви к разделявшему ее ложе не принимает к себе в гнездо другого супруга. Мудрая птица! Но для человека сколько еще лучше чистая жизнь! **540**. Болтлива сероперая ворона, но и она живет верная юношеской любви и, когда потеряет милого супруга, ненавидит всякого мужа. И у морских рыб есть свой закон; немногие не знают никаких уставов касательно брака, многие же заботятся о целомудрии и брачного ложа, и своей супруги. **545**. И здесь имеют силу права. Иные не домогаются иметь более одного плода. Иные же (и таких большая часть) предаются наслаждениям любви только в весеннее время. Сама природа положила меру вождениям. А время нежной любви определено **550**. для всех живых тварей, и воздушных, и водяных, и тех, которые ходят по суше. Далее срока не питают они в себе вождений; в самом безумии страсти связаны благовременностью, когда возбуждает их к тому весна. И одни сбегаются кучами для исполнения супружеских дел, у других же соблюдается постоянная привязанность к милым супругам **555**. и хранится закон любви; а некоторым достаточно один раз в жизни родить детей, как свидетельствуют о сем те, которые описали рождения животных и все, что до них касается.

А если и у неразумных есть некоторая заботливость о целомудрии, то неужели ты, Божие создание, не свяжешь всех законов плоти, если захочешь? Человек так же уступчив разуму, как и медь огню. **560**. Если разум не царь плоти, тогда как образ Божий обожил

⁴⁵ Т. е. оправдать людей тем, что они увлекаются в грех примером богов.

меня; то в чем преимущество наше, если и мы уступаем таким же движениям? Хотя природа неупорядочена в большем числе людей, однако же знаем и то, что заповедь часто превозмогает и общую природу. И у меня есть подобное тело, **565**. но меня связал воздвигший меня крест, к которому пригвоздил я тяжелую плоть. Ибо желаю со Христом умереть, чтобы с Ним и восстать, имея все Христово: и ум, и тело, и гвозди, и воскресение.

Иной самовольно связал плоть не из любви Божественной. Таких уз не называют и целомудрием. **570**. Однако же есть и Божий дар на то, чтобы жить неразлучно, иметь невозмущаемый и непоколебимый ум. Иной отвращается приятного упоения, а иной – пищи, иной же не терпит запаха, любимого другими. Некоторые имеют ненавистное расположение **575**. к подобным себе, живут в пустынях и охотно бегут вдаль от людей. Но твой ум не верит отречься от супружеских уз, даже, думаю, он не не верит, но ты бежишь из страха, между тем как забываешь о невыгодах супружеской жизни.

Небольшая саламандра не бежит прочь от истребительного огня, но на низких ногах своих скачет в нем, как по земле. **580**. Есть огневидная рыба; представляясь воспламененной, она не умирает от этого дивного огня, но, горя, блещет среди воды. Камень магнит не притягивает ли к себе железной гири? И адамант не несокрушим ли? Есть камень, который от удара железом не издает сияния; **585**. а другой сияет от капель воды, но, издавая сияние в воде, перестает сиять от масла.

Но сколько есть еще более удивительных чудес? Кто исчислит их, хотя перескажет многое? Высокий Ум, перемешивая многообразные образы вещей, так и иначе **590**. переживает целый мир, как ему угодно. Но из многого упомяну о немногом, что видел я сам или в чем уверяют меня книги и слух.

Не во всех ли реках одно течение – вниз? Не один ли закон морям, чтобы их связывали берега? **595**. Не один ли путь у пылающего огня – частыми порывами подниматься кверху? Однако же есть река, которая пересекает горькое море и остается рекой; одна вода не смешивается с другой, и мореходы, приближая корабль к потоку, поспешающему к суше, почерпают из моря сладкое питье. **600**. Видел я эвбейский быстрый пролив – этот узкий проход и незамкнутый ключ моря, видел, как он неистовствует в своих возвратных течениях. Море прибывает и течет обратно назад. **605**. Океан то удаляется от земли, то опять поспешными волнами вторгается на сушу; и на киммерийских берегах то поле, то море. Но есть и другой поток – пламень огненный, если справедливо, что из утесов Этны извергается эта невероятная водотечь, – огонь-река, и несоединимое соединено по воле Христовой.

Могу и в малом указать подобные чудеса. **610**. В числе плодов есть так называемый «волобий рог». Он один суше всего произрастает плодородной нивой, имеет тело, не размягчаемое влагой, не разрушается в земле, не тучнеет от дождей, но совершенно окреп и навсегда остается тверже рогов; **615**. этого рога не раздробляет и рог вола, когда рука земледельца рассыпает плоды по ниве; посему от рогов получил он и имя и свойство. Но если мудрецы знают на сие другую какую причину, то она неведома мне.

Сие производит природа; выслушай же, чего домоглось искусство. **620**. Скворцы говорят подобно человеку, подражая чужому голосу, который они переняли, видя в зеркале изображение из дерева выточенного скворца и слыша человеческий голос дрессировщика, спрятавшегося за зеркалом. И ворон также крадет звуки у человека. А когда нарядный и кривоносый попугай **625**. в своем решетчатом доме заговорит по-человечески, тогда он обманывает даже слух самого человека; коням вешают канаты, и поверх их ходят кони. Степенный медведь ходит на задних ногах и, как умный судья, заседаю на судейском месте, держит в лапах (как можно подумать) **630**. весы правосудия; и зверь представляется одаренным умом. Человек научил его тому, чему не научила природа. Видал я также укротителя зверей, который сидит на хребте у могучего льва и рукой укрощает силу зверя. Он держит бразды, а бегущий лев, забыв свою ярость, повинуется господину и ласкается к нему. **635**. Видел я

также тяжелого и великорослого зверя с большими зубами; мальчик индеец сидит на нем и небольшим железом заставляет его идти, как корабль, поворачивая туда и сюда тело сильного слона. **640.** Бесстрашен был тот, кто первый замыслил укротить зверя, наложил ему на шею ярмо и повез огромную колесницу.

Но ты зверям приписываешь больше, нежели человеку, если соглашаешься, что принуждение победило природу в зверях, а люди не могут быть обучены добру, даже имея у себя помощником слово. **645.** Как же ты, невежда, до такой степени оскорбляешь творение великого Бога? Кто бывал таким ненавистником собственного своего рода? Но не такова мысль у меня, который рассуждаю здраво. Напротив того, знаю мужей и жен, которые и помыслами небесны, и телом непорочны. Все различие между ними в членах [тела], **650.** а добродетели у тех и у других общие, и общий путь к славной жизни. Все преимущество в усердии, и то дает труд. Но твой ум не верит отрекшимся от супружеских уз; даже, думаю, он не верит, но ты бежишь из страха и между тем забываешь о стольких невыгодах супружеской жизни.

Сие заповедую тем, которые близки только к восходящим на небо; а ты, девство, заботься о том, чтобы оградиться тебе отовсюду и хорошо утвердиться в Боге, **655.** стать совершенной жемчужиной между камнями, денницей между звездами, голубицей между пернатыми, маслиной между деревьями, лилией в полях, благишием в море. Ты, дева, презрев весь мир и все приятности жизни, стань подле светозарного Христа и, **660.** взявшись рука в руку, введи Его в свой брачный чертог, исполненный утех, веющий сладостями и благоухающий; к небесным мирам примешай свое собственное миро; к излианным здесь неизглаголаным желаниям любви присоедини и свою любовь, к красоте присовокупи красоту, к сокровенной – сокровенную, к светозарной – светоносную, **665.** чтобы Христос стал благим любителем славного твоего образа, чтобы

Христос стал твоим женихом, чтобы Христос открыл покрывало, с радостью увидел достойную по красоте невесту, которая украшена добрыми жемчужинами, сидит на богато убранном седалище, высоко держит голову, чтобы столько прекрасную соделал Он еще более привлекательной, **670.** чтобы Христос тебя, исполненную радости, ввел в Свои обители, предложил тебе брачную вечерю среди великих нескверных ликов, при небесных песнопениях увенчал главу твою вечно цветущими приятностями, поставил перед тобой чашу благоухающего пития, **675.** показал тебе тайны премудрости, подобия которой видим мы здесь в зеркале, и открыл истинный свет твоему непокровенному уму, когда грубые тела уступят место духу, а тела воздушные получают нестареющуюся жизнь.

680. Мы же, любезные юноши и девы, питающие в себе непорочную любовь к Царю, воспоем брак небесного Бога, возжегши светильники – сии подобия Божественного света, светильники неугасимые, духовные, которые делаются непрестанно более и более светлыми от чистых дел и помыслов высоких, даже небесных.

685. Приди же к нам, Милосердая, и милосерда будь к нам, чистая Троица из Единого, сочетавающаяся воедино, Ты, Которая и ныне озаряешь светлые очи, а впоследствии еще светлее будешь озарять просветленных Тобой, Ты единый Бог – из Родителя чрез Сына в великом Духе совершенное Божество, покоящееся в Совершенных.

3. Увещевание к девам⁴⁶

В этом слове он подражает Сиракузию, ибо тот – единственный из поэтов пользовался рифмами и колонами, презирая поэтический размер.

Дева, невеста Христова, прославляй своего Жениха, непрестанно очищай себя словом и мудростью, чтобы ты, чистая, вечно могла сожительствовать с Чистым. Этот союз гораздо выше тленного сочетания. **5.** Живя в теле, подражай духовным силам, проходи на земле ангельскую жизнь. Здесь заключаются и расторгаются союзы, здесь тела рождаются от тел, а в горней жизни каждая сила живет одиноко и она неразрушима. Первые силы приемлют в себя луч чистой Сущности, – **10.** это духи и огонь – служители Божиих велений. А плотское сочетание изобретено веществом, – этой непрестанно текущей природой. Впрочем, Бог и сему положил меру, узаконив брак. Но ты, которая бежала от дел вещества, сдружись с горним, как ум сдружается с умом, сливаясь в божественную гармонию, **15.** и, ведя брань с плотью, вспомоществуй Божию образу. Ибо ты Божие дыхание, для того сопряженное с худшим, чтобы после борьбы и победы получить венец, возведя в горнее и персть, прекрасно подчинившуюся.

Положим, что похвально для тебя и супружество, но выше супружества нерастленность. **20.** Супружество – уступка немощи, а чистота – светлость жизни. Супружество – корень святых, а чистота – их служение. Ее и древле уважали в установленные тому времена, например: Адам в раю, Моисей на горе Синае, отец Предтечи Захария, служа во храме. **25.** Супружество – корень и богоугодного девства, однако же оно закон плоти и раболепство плотскому похотению. Когда имели силу закон, и сени, и временные служения, тогда и супружество, как нечто детское, удерживало за собой первенство; **30.** когда же буква уступила, и заменил ее дух, когда Христос, родившись от Девы, пострадал плотью, тогда воссияла чистота, и она отсекает мир, из которого с восшедшим Христом должно нам преселиться в горнее.

Доблестно шествуй, дева, на гору, спасайся в горних, не озирайся на Содом, чтобы не отвердеть в соляной столп. **35.** Естество плоти не должно слишком тебя устрашать, но не будь и отважна чрез меру, чтобы не сбиться тебе с дороги. Искра зажигает солому, а вода утишает пламень. У тебя много врачевств чистого девства. Водружай себя Божиим страхом, истощай постом, **40.** бдением, молитвой, слезами, сном на голой земле и всецелой любовью к Богу, которая при истинном направлении усыпляет всякое желание, чуждое горним. Падшего восставь, претерпевшему кораблекрушение окажи милость, а сама совершай благополучное плавание, распростерши паруса надежды. **45.** Падают не те, которые пресмыкаются долу, но которые несутся горе! У немногих обессиливают крылья, полет же многих благоуспешен. Пал денница, но небо населено Ангелами; предателем стал Иуда, но одиннадцать учеников соделались светилами.

Только всецело храни себя чистой, дева; **50.** не оскверняй пречистого Христова хитона. Пусть око твое будет целомудренно, язык девствен, ни ум, ни смех не блудодействуют, ноги не ходят бесчинно. Невымытую свою одежду и непричесанные волосы цени выше жемчужных и шелковых уборов. **55.** Прекрасный цвет – румянец стыдливости; великое убранство – бледность; прекрасная ткань – увенчаться всеми добродетелями. Пусть другая обезображивает образ Божий притираниями, делается одушевленной картиной, безмолвным обвините-

⁴⁶ В переводе ТСО: «К девам». – Ред.

лем внутренних пороков; а ты умертви в себе, сколько можно, и то благообразие, какое имешь, **60**. сияй же красотой души, которая находит для себя украшения в Боге. Убегай взора мужчин, даже, когда только можно, и целомудренных, чтобы не уязвить другого и самой не быть уязвленной от насмешливого велиара. Не поработай очей очам, не привлекай слова словом, и ланиты твои да не подают смелости ланитам другого. **65**. Не вкушай плодов осужденного древа, чтобы змий не удалил тебя от древа жизни. Послушайся меня, дева: не живи вместе со своим попечителем, имея женихом Христа, Который ревнует о твоей чистоте. Для чего тебе, бежав плоти, опять возвращаться к плоти? **70**. Не всякому мужчине вместительна твоя простота. Как роза окружена шипами, так ты окружаешь себя многолюдством и ходишь поверх лукавых сетей.

Кто снаряжает брачное ложе, а кто предает погребению жениха; один стал отцом, а другой внезапно обесчадел. Как тяжелы муки рождения, иногда неразрешимые! **75**. Как мучительна ревность супруга, который боится, чтобы не похитил кто-нибудь любовь его супруги! Легко ли воспитывать, учить детей и потом видеть к себе неуважение, получить за труды горькое возмездие! **80**. Но у тебя одна забота – взирать непрестанно к Богу. Тебе нужны небольшой кусок хлеба и тесный кров. А искуситель и чрез это вводил в искушение Христа, когда Христос взалкал, а он просил обратить камни в хлебы. Не подвергнись же ради сего чему-нибудь постыдному. Не будь хуже птиц, которые везде находят себе готовую пищу. **85**. По вере твоей не оскудеет у тебя елей в сосуде и ворон препитает тебя, как Илию в пустыне. Смотри, как Фекла спаслась от огня и зверей, как великий Павел охотно терпел голод и стужу, чтобы ты, дева, научилась взирать к единому Богу. **90**. Бог умел и тысячи людей пропитать в пустыне. Красота увядает, слава скоротечна, богатство – неверный поток, владычествовается дается немногим. А ты избежала утех обманчивого мира, с радостью вступила во Святая Святых **95**. и вечно будешь ликовствовать с Ангелами, заняв лучшее место между сынами и дочерями.

Но бодрственно ожидайте, девы, Христа, с немеркнущими светильниками встречайте Жениха, чтобы, взойдя с Ним в чертог, узреть Женихову красоту **100**. и приобщиться горних таинств.

4. К деве

Дева, все блюда в чистоте, а всего наиболее очи! Не позволяй жить с тобой в доме помощнику-мужчине, даже и самому мудрому. Ты непорочна, но я очень боюсь зависти, боюсь, чтобы она, **5**. уязвив тебя злоречием, не истребила в тебе чистой ревности к той жизни, какую ты возлюбила. Прочь от меня тот, кто хотя чтит непорочность, однако же берет к себе в дом для жительства деву, собеседницу бесплотных Ангелов! На что тебе нужен огонь? **10**. Неужели ты крепче огня? Как избежишь дыма, очерняя себя недугом суетной говорливости? Дева, ты восхищена отселе и живешь в горнем. Забота о скудном пропитании и об одежде для тебя бремя. Но ради них не подвергай себя позору **15**. и вместо попечителя не принимай к себе сообщника в сраме и в жизни, хотя ты и непорочна, чтобы Христос не изгнал тебя вон, как двоедушную.

5. К монахам в общежитии⁴⁷

Если мужи или жены станут хвалить совокупную для многих жизнь, чтобы под узами единомыслия заботиться о ликостоянии окрест милосердного Царя и по обету под одним кровом стремиться к одной цели и одной стезей, **5.** то сие весьма хорошо. Ибо ничто прекрасное не любит показываться одиноким, и то еще не совершенно, что не преуспевает даже и перед хорошим. И дружба, назначающая себе тесные пределы, мало доставляет приятности, равно как неразборчивая бывает грязна. Но советую и здесь утвердить великую пропасть, **10.** чтобы мужи или жены, посвятившие себя благочестию, жили отдельно и имели одну только общую славу. Зависть преследует не одних живущих в совокупности; им большая предстоит брань. А если хочешь жить один в общении с единым Христом, и это любезно. Впрочем, всем [подобает] тот же страх, как и мне, **15.** а именно: борьбы с неприязненным и губительного падения.

6. На целомудрие

Хорошо обязаться супружеством, только целомудренно, уделяя большую часть Богу, а не плотскому союзу. Лучше остаться свободным от уз, все отдать Богу и горним. **5.** Бог безбрачен, Ангелы бесплотны, а вещество сопряжено и исполнено тления. Вступивший в супружество печется о супруге и о милых детях, а у девственников все попечение о Христе. Если жена может тебе дать то же, что и Бог, то супружеская жизнь равна безбрачной. **10.** А если не может, то и между этими родами жизни нет равенства. Поэтому не укоряйте меня, родители, предпочитающие супружество, а не чистоту: не унижаю супружества, но для себя избираю чистоту.

Но [говоришь, что] иные пали... **15.** Прочь от меня ты, который берешь в пример немощных, а не совершенных! Немощные делают стыд сами себе, а совершенные – наша слава. Неужели, боясь града, не возделывать земли, не насаждать виноградной лозы? Море вводит ли в пристань всякого, кто отдается ему? **20.** Для чего мне брать примеры издалека? Сонмы Ангелов не увлеклись за падшим денницей. Иуда стал убийцей Владыки, а прочие апостолы – Его слава. Ты не смотришь же на несчастья своего супружества, на обольщения любодеев, **25.** которые и предмет твоей любви, и род твой делают для тебя чуждыми.

Иди вверх, а зависть пусть остается внизу. Соблюдай во всем чистоту, дева, уневещенная единому Христу, храни красоту запечатленной. Христос милостив, но и ревнив, **30.** не терпит ничего безобразного, ничего неблагоприличного. В одежде лучшее убранство – неукрашенность. Избегай изнеженности, будь скромна в своих движениях, не привлекай на себя своими взорами моих взоров; соблюдай целомудрие в поступи; проводи время в уединении; **35.** замкни слух свой ключом; не позволяй любодействовать смеху; весьма много, если дозволишь себе и признак смеха. Гнев, пьянство и бес равно опасны девам, а всего хуже пресыщение чрева. Красота пусть уступит молитвам и бдениям.

40. И брату не позволяй без крайней нужды жить вместе с тобой. Для чего иметь перед глазами, что воспламеняет болезнь? Ничто так не гнусно, как памятование только о перстном. Надежны для тебя, юная, только отец и Бог, а прочие да бегут от тебя, как некогда звери **45.** от Синая, когда на скрижалях начертываем был закон. Принесенное в дар Богу и дева должны быть неприкосновенны не для одних оскверненных, но и для взора всех.

⁴⁷ В ТСО в цикл «К монахам» были целиком включены надписания «К любящим», «О девственницах», «К деве», «К монахам в общежитии» (см.: с. 398–401 наст. изд.). – *Ред.* В сих стихотворениях св. Григорий восстает против обычая, по которому посвятившие себя созерцательной жизни, мужчина или женщина, избирали для попечения о домашних делах особу другого пола, под именем синизакта и синизакты, или также агапита (возлюбленного) и агапиты (возлюбленной).

И телесные нужды да не порабощают тебя совершенно. Если потребуется для тебя что-нибудь, **50**. Бог источит из *кувшина*, и *водонос* заменит тебе возделанную ниву (3 Цар. 17:12). Многочисленный народ насыщается пятью хлебами: тем паче насытишься ты, предстоящая Богу.

Посему, [уже] имея пречистого Жениха, красота Которого бесплотна, не сопрягайся с другим. Он будет тебе не муж, **55**. а прелюбодей, восхищающий любимое у живого Супруга. Неужели, посвятив сосуд Богу, присвоишь его себе? Неужели, избегнув содомского огня, опять в него возвратишься? Не отвердевай в соляной камень. **60**. Ты более, нежели вдова. Но и брак вдовицы не безвиновен, если преступает пределы чистоты. Что маловажнее золотого слитка и одной дидрахмы? Но они, будучи похищены, погубили воинство (Нав. 7:21). **65**. Взирай на сие, дева, и повинуйся Богу.

7. О чистоте⁴⁸

Всякая добродетель возводит праведника на одну степень выше. Кто не знает брачного ложа, тот равен Ангелам. Кто подвизается в воздержании, тот старается сравниться с девами. Кто соблюдает супружескую верность, тот сделайся равен воздержному. Только подвизайтесь в целомудрии, чтобы достигнуть высших степеней.

8. Сравнение жизни духовной и жизни мирской

Жизнь духовная. Жизнь мирская. Судия

Ж. Д. и М. Не рассудишь ли нас, чужеземец?

С. О чем дело?

Ж. Д. и М. Две жизни спорят между собой.

С. Какие же это жизни? И о чем у них спор?

Ж. Д. и М. Жизнь мирская и жизнь духовная. А спорим о том, которая из нас лучше и должна быть избрана [и названа] мудрой.

5. С. Не легко, правда, рассудить, однако же выслушать должно.

Ж. М. Родившись от мира, я знаю и люблю мирское. А в том и благочестие, чтобы уважать отеческий закон.

Ж. Д. Родившись от Бога, я знаю и чту Бога. А то и благочестиво, чтобы знать совершенное богопочитание. **10.** И если для тебя всего дороже худшее, то не справедливее ли будет почитать мне драгоценным лучшее?

Ж. М. У меня мать – плоть; я тесно сопряжена с телом и желаю одного – восполнения отторженной плоти.

Ж. Д. У меня отец – Бог; я сопряглась с Богом **15.** и желаю одного – подражания Образу, от Которого проистекла.

Ж. М. Но скажи: как существовал бы человеческий род, если бы не пришло на помощь плотское супружество, удерживаемое в должных пределах и Божиим законом, и природой?

Ж. Д. Хотя закон и таков, однако же мне должно теперь, **20.** отрешившись, поспешать к другой жизни, которая лучше настоящей и свободна от уз и тления.

Ж. М. Почему же жизнь девственная появилась так недавно?

Ж. Д. Она была и в древности, но прикровенно; просияла же ныне после того, как Божией Матерью явилась Дева. **25.** Ибо ныне

⁴⁸ В ТСО стихотворение № 7 публиковалось в цикле «На целомудрии», без названия под № 2. — *Ред.*

и ветхий закон уступил место новому, буква потеряла силу, господствует же Дух.

Ж. М. Но без супружеской жизни мог ли быть какой постриженник или какой праведник?

Ж. Д. Ты очень забавна, когда хочешь уверить, что плоти вступают в союз для произведения на свет добрых. **30.** Добрыми или худыми делает время. А кто сеет, тот не иное что делает, как уступает только наглým требованиям плоти. Но смешно думать о себе в страсти, что содействуешь Божией воле.

Ж. М. Что же ты даровала жизни?

Ж. Д. Желаеть знать? Ветви.

35. Ж. М. Чтобы они засохли или чтобы развеял их ветер. Уступи мне корень, а потом владей ветвями.

Ж. Д. Довольно родиться. Пусть другой трудится для тления, воспитывает, обучает и потом вдруг оплакивает, и кого не стало уже на свете, того изображает на стенах и смотрит на эту **40.** бездыханную красоту, на этого недвижимого сына.

Ж. М. И я имею свое благородство.

Ж. Д. А какого ты рода? Кто твой родоначальник? Не знаешь разве, что все из той же персти? Одно только благородство – подражание Богу. А ты владеешь гробами и новыми указами; **45.** они вписывают тебя в число благородных, но не делают благородной.

Ж. М. У меня на это есть богатство; оно низлагает врагов, снедает завистью злых, приобретает мне друзей, дает престолы и право величаться в обществе.

Ж. Д. А у меня есть нищета; она доставляет мне то, что не имею врагов. **50.** Безопаснее же возбуждать сострадание, нежели зависть. И престолы шатки, и друзья по большей части бывают только до поры. Но если они и постоянны, то лучше покориться Богу, нежели иметь первенство во всем видимом или стоять выше всего видимого. **55.** Прославлюсь же я в мысленном граде.

Ж. М. Но чем нищему обезопасить жизнь? Где у него стены, двери, боевые орудия, оруженосцы?

Ж. Д. Нужные мне для того, чтобы не украли тела! Одно [лишь тело] и небольшое рубище составляют все мое имущество. **60.** Разбойник или притеснитель пусть идет к другим. Вор опасен для имеющих что-нибудь. Мое единственное богатство – Бог. Если Он приобретен мною, никто Его не похитит, хотя возьмет все прочее. Да и кому только угодно, пусть всякая рука расхищает мои пожитки! **65.** Никто не живет в такой безопасности, как человек бедный. Богач приносит жертвы *своей мрежи* (Авв. 1:16), сам у себя *лобзает руку* (Иов. 31:27), как друга, а не славословит Бога – подателя благ. И наконец, собранное им перейдет в руки чужому, **70.** кому бы он не хотел; что говорю: чужому? – даже, может быть, и врагу, а от врага еще к иному, куда повернется колесо. Но у меня, если умру, со мной пойдет все мною нажитое, ничего не останется ни зависти, ни превратному счастью.

Ж. М. Как хорошо не смотреть в руки соседям, **75.** тогда как другие, может быть, и благочестивые, смотрят мне в руки!

Ж. Д. Как хорошо смотреть в руки одному Богу, дает ли Он или отнимает по-отечески; не делать ничего постыдного из желания приобрести, не подражать кровожадной пиявке, **80.** чтобы, одним владея, устремлять мысль на другое, на иное же взирать недобрыми очами, а иное, по крайней мере, воображать в мечтательных надеждах и всегда нищенствовать, желая большего и большего!

Ж. М. Как же перенести удары трудного времени тому, **85.** кто не имеет никакого подкрепления в горести?

Ж. Д. Спроси у меня: как человеку избежать меткой стрелы? Волос и с близкого расстояния пересечь стрелой не легко. Положим, что будешь в трудных обстоятельствах, но избе-

жишь стремления зол. Тростник выдерживает ветры, а дубы не выдерживают, **90.** потому что первые уступают им, а последние сокрушаются собственной тяжестью.

Ж. М. Мне можно позволить себе и наслаждения.

Ж. Д. А мое наслаждение – не искать удовольствия в пресыщении и в удовлетворении чреву, не тучнеть и не страдать болезнью богачей, не издавать из гортани запаха приятной для вкуса грязи **95.** и не подавлять в себе мысли скоплением грубых нечистот.

Ж. М. У меня самые лакомые снеди.

Ж. Д. А мое лакомство – хлеб, для меня самая вкусная приправа – соль. Имея их, презираю затей роскошных, как горечь.

Ж. М. Мое наслаждение – благовоние мазей, песни, рукоплескания, **100.** мерные перегибы ног под лад стройных и благозвучных органов.

Ж. Д. Неужели ты одобряешь это? А по мне, за сие-то самое и дурно богатство, как учитель пороков. Для нас лучше твоих органов псалмопение, **105.** которое настраивает душу для мысленного мира. Всякого же мира благоуханнее Христос, Который за нас истощил Себя, чтобы истребить злосмрадие, которым наполнила меня мертвенность греха. Я рукоплещу, когда вижу падение моего убийцы, внушившего мне какое-нибудь худое слово или дело. **110.** У меня есть и пляска – это восторжение к Богу.

Ж. М. Ты, может быть, скажешь еще, что нищета помогает в болезнях, служит лучшим врачевством для тела?

Ж. Д. Этого не скажу, потому что неправда. **115.** Лучше пусть будет сказано, что справедливо. Бедный гораздо крепче силами, нежели достаточный. И Бог, уравнивая дары Свои, бедным дал крепость сил, а богатым – лекарства. Трудится ли, проливает ли пот бедный? Этим истощает он в себе излишние вещества. Он терпит голод и стужу, **120.** в полдень опалается солнцем, утомляется ходьбой, обременяется ношами, мокнет на дожде, временами принимает простую, а не многосложную пищу, даже и не знает тех обольстительных снедей, какие повара и служители роскоши **125.** добывают из земли и моря, чтобы предложить мужчинам женскую трапезу. Опухоли, простуды, боль в ногах и составах, отяжеление, бледность, расслабление – вот достояние богатых, вот плоды пресыщения! **130.** Богатые не находят удовольствия и в том, чем обладают; часто ищут, кому бы оставить свое бремя, завидуют здоровым, которые беднее их. Эти злополучные счастливицы ничем не пользуются. Золото, дорогие камни, всякие украшения, **135.** разноцветные одежды, блистающие пурпуром живописные изображения на стенах, на потолках и на камнях, которыми выстланы полы; серебро, частью скрытое в недрах земли (справедливо заключенное в тех же гробах, откуда оно взято), а частью выставленное напоказ и блистающее на пирах; **140.** кони, ковры, колесницы, колесничники, псы, ловчие, отыскиватели звериных следов; все наслаждения для злого господина – чрева, все угодное для гортани, со всего собирающей дань; постельники, придверники, докладчики, усыпители, **145.** цветonoсцы, окропляющие благовониями, вытирающие тарелки, отведывающие кушанье, производящие тень, наблюдающие манования; банщики, пробующие горячую воду концами пальцев, остриженные по-женски – эта услада глаз, – вот принадлежности богатого гроба, писанной персти! **150.** А бедный стоит твердо; он, если и падет, не вдруг, изнуренный болезнью или множеством лет, то не причинит никаких хлопот своим друзьям. Он умрет, как лев, рыкая, и мертвый по большей части бывает благолепнее великих богачей. Что еще сказать **155.** о презорстве, о гневе, об исступлении, о дерзости, о пьянстве, о необузданном смехе, о срамных речах, о пренебрежении Бога, родства, дружбы? Все это не в такой мере бывает в бедных, как в богатых, потому что богатство приносит с собой презорство, а за презорством следует гибель. **160.** Но бедный, как чаще всего видим, не поднимает вверх головы, потому что живет в угнетении, особенно если приходит на помощь страх Божий – этот сильный наставник всякому добру. Сделай же теперь краткий обзор, сравни одно с другим и назначь той и другой жизни правдивую цену; **165.**

если не покажется тебе обидой то, что наравне с тобой становятся бедные, дышат одним воздухом, носят одно имя, думают жить под одной кровлей, плыть на одном корабле. Ты завидуешь добродетельным, а я сожалею о порочных, **170**. потому что бедственнее всего быть порочным, хотя и благоуспешен путь текущих к гибельному концу. Ты презираешь нищих, как будто у них другой Бог, но я знаю одну тварь, знаю, что все мы явимся на один суд. А второе творение – это добрая нравственность. **175**. Ты превозносишься удобствами жизни, а меня уцеломудривает страх. Тебя приводят в изнеможение трудности, а меня облегчает надежда, потому что ничего нет постоянного, но все утекает с продолжением времени. Ночь полагает конец дню, а день – ночи. Радость сменяется скорбью, а бедствие оканчивается чем-нибудь приятным. **180**. А потому и не должно останавливать на сем внимания, как на чем-то непременно. Ничто не кажется тебе страшным, ты не боишься и самых великих пороков, потому что роскошная жизнь препятствует тебе судить здраво. А мне и малые проступки кажутся достойными слез, потому что грех есть отчуждение от Бога. **185**. Как же могу стерпеть, когда утрачиваю Бога? У тебя спокойный сон, удобно лежит ребро с ребром; для тебя приятные сновидения – повторения того же, что делалось днем; ты пьешь, играешь в кости, принимаешь дары, шутишь, смеешься. А у меня большая часть жизни проходит без сна, **190**. потому что уснувшего будят труды. Если же я и похищу немного сна, то со слезами. Меня пугают видения жестокой ночи: суд, неподкупный Судия, трепетное предстояние судилищу, с одной стороны река, клокочущая неугасимым огнем, **195**. с другой – червь, гложащий вечно, а посередине совесть – этот обвинитель, не нуждающийся в письменных уликах. И Бог [тогда] тебе Бог, только когда подает во всем успех; а для меня Он досточтим, хотя посылает и противное. Ибо борьба с несчастьями для меня спасительное врачевство. **200**. Чем сильнее меня угнетают, тем более приближаюсь к Богу; страдания теснее соединяют меня с Богом; это для меня преследующее воинство врагов, которое заставляет укрыться в стены. У тебя утешителями – дети, жена, друзья, и лишиться их – величайшее для тебя бедствие. **205**. А мне и в голоде, и в холоде, и в скорби опора и отрада – Бог. Обижай меня, бей, укоряй в подлости рода и нищете, попирай, притесняй – ты не долго будешь наносить мне обиды, а я все терплю для Бога и к Нему обращаю взоры, **210**. простираюсь мыслью в жизнь последующую, там упокоиваюсь, но не знаю ничего дальнего и таким образом удобно избавляюсь от всякой скорби. Что же еще сказать? Для тебя, как мне кажется, несносно будет не получить теперь одобрительного голоса. Кто привык всегда одерживать верх, **215**. тот не терпит, чтобы брали над ним верх другие. Но мне совершенно одинаково – и получить, и не получить одобрение. Для меня достаточно Бога, хотя бы все прочее присвоил себе другой. Такая высота славы – моя величайшая победа.

Ж. М. А что, если падут иные и высокие?

220. Ж. Д. А что, если падут и со второй степени? Для тех и для других возможно и преуспевать, и падать. Одно равно другому. Но я гораздо худшими почитаю тех, которые падают в превосходнейшей жизни. Настолько не терплю я пороков. **225**. В ком достойнее уважения превосходство, когда одерживает он верх, для того бедственнее падение, когда подвергается оному. Но прошу не ставить в вину самой жизни, если кто очень плох, ибо он уже враг этой жизни. Рассматривай и исследуй в отдельности нравы, **230**. с одной стороны, добрых, а с другой – порочных и несколько не наклоняй весов ни в ту, ни в другую сторону, что было бы несправедливо, но пусть перевешивает, что само по себе имеет более веса. Тогда только узнаешь, какое различие между одной и другой жизнью. Но не сравнивай лучшего осла с худым конем **235**. и превосходнейшего человека в жизни мирской с самым худым из моих. В таком случае, не спору, твои окажутся совершеннейшими. Но если высокого сравнишь с высоким и худого с худым, то узнаешь, как велико мое превосходство. **240**. Заметь и то, что равно во всякое время есть у нас претыкающиеся, но есть также у нас и одерживающие

победу. Говорят же, что одна ласточка не приносит прекрасной весны и один седой волос – старости. Итак, что скажешь? Даешь голос в мою пользу, или мне проститься с тобой?

С. 245. Даю, и почему же не дать? Тогда разве подумую предпочесть дольную жизнь твоей жизни, когда, потеряв ум, кого-нибудь из смертных уравнию с Богом. Но пока не погублю ума, дотоле и этого не сделаю. Идите же. Впрочем, лучше жить вам в мире **250.** и между собой, и с великим Богом. И ты, жизнь мирская, должна уступать первенство жизни первенствующей; и ты, жизнь духовная, должна принимать жизнь второстепенную, как сестру. Если не имеешь первенства, ничто не препятствует тебе стоять на втором месте, что также не бесчестно. **255.** А чрез это жизнь наша делается безопасной.

9. О человеческой добродетели⁴⁹

Люблю я добродетель; однако же это не научило меня тому, что такое добродетель и откуда она придет ко мне, который так много любит ее. А неудовлетворенное желание мучит. Если добродетель есть чистый поток, **5.** не смешанный с водами, которые стекают со всякого места и от снегов и от дождей, то спрашиваю: кто находил ее на земле? Ибо всякий или имел в себе сердечную нечистоту, или принял ее в себя, между тем как влачит тяжелое тело и извне возмущается врагом нашей жизни, который омрачает и очерняет нас бездной. Да и несвойственно было бы мне, который сам не что иное, как отвердевший поток, **10.** и непрестанно влекусь потоком жизни, быть чем-то нетекучим. Если же добродетель не совершенно серебристый поток, но приемлет в себя и худшее и есть нестройная смесь, то скажи: как же она добродетель? **15.** По крайней мере, у меня не мало трудится над этим быстрый ум. Снег по природе холоден и бел, а огонь – красноват и тепел. И они несоединимы между собой, а, соединяемые насильно, скорее разрушаются, нежели входят в соединение. Как же к добродетели примешалось гнусное, унижающее во мне образ Божий; **20.** как к образу великого Бога прикоснулся злорадный грех, если я действительно бог и не напрасно хвалюсь тем, что составляю Твое достояние, Боже? Слышу о прекрасной реке Алфее, что она протекает через горькое море, а сладкие воды ее (к удивлению!) не терпят вреда в продолжение сего течения. Но как для воздуха порча – туман **25.** и для телесных членов – болезнь, так для добродетели – наша греховная ночь.

Часто заносил я ногу, чтобы шествовать к небу, но тяжкие и съедающие сердце заботы низлагали меня на землю. Шредко также озарял меня пречистый свет Божества, но вдруг становилось предо мной облако, закрывало великое сияние и сокрушало дух мой тем, **30.** что свет убегал от приближавшегося к нему. Что значит эта несообщаемость? Или смертному написан такой закон, чтобы я всегда томился желанием? Или это к моей же пользе, чтобы мне с трудом приобретать и с трудом сохранять? Ибо то и прочно, над чем работал ум. **35.** Как хитрый зверь закрывает одни следы другими, так часто враг затмевал во мне способность различать доброе и злое, чтобы этой хитростью ввести в заблуждение ловца добродетели. Одно предписывает мне плоть, другое – заповедь; одно – Бог, другое – завистник; одно – время, другое – вечность. А я делаю, что ненавижу (см.: Рим. 7:15), услаждаюсь злом **40.** и внутренне горьким, злорадным смехом смеюсь ужасной участи: для меня и гибель приятна. То я низок, то опять превозношусь. Сегодня отвращаюсь презорства⁵⁰, а на утро сам презритель. Как меняются времена, так меняюсь и я и, подобно полипу, принимаю на себя цвет камней. **45.** Горячие проливаю слезы, но не выплакан с ними грех. Хотя иссяк их поток, однако же новыми преступлениями приготавливаю в себе другой, а средства врачевания мною отринуты. По плоти я девственник; но не знаю ясно, девственник ли и в сердце.

⁴⁹ В ТСО стихотворение № 9 было включено в цикл «Песнопения таинственные» (см.: Ч. 4. С. 206). – *Ред.*

⁵⁰ Презорство (*ц. – сл.*) – презрение, непослушание, строптивость. – *Ред.*

Стыд потупляет глаза, а ум бесстыдно подымлет их вверх. **50.** Зорек я на чужие грехи и близорук для своих. На словах я небесен, а сердцем прилип к земле. Спокоен я и тих; но едва подует хотя бы легкий ветер, вздымаюсь бурными волнами, и волнение не прекратится, пока не наступит тишина; **55.** а тогда не очень удивительно утихнуть и гневу.

Нередко и того, кто шел добрым путем с благими надеждами и простирался уже выше посредственной добродетели, вдруг низвергал с высоты губительный враг; **60.** и как будто восходил он по песку, который под нетвердой ногой катится назад. Снова простираюсь вверх – и снова возвращаюсь назад с большим прежнего срамом. Всегда я в пути, всегда в великом страхе; и едва лишь сделаю несколько шагов вперед, тотчас следует падение. Долга моя жизнь, а не хотелось бы расстаться с жизнью. Желая уврачевания, **65.** но уврачевание от меня далеко, потому что с продолжением дней собираю я больше грехов. Посему-то в нашем роде да будет непреложно известной следующая истина:

Первое, чистое естество – Троица, а потом ангельская природа; в-третьих же – я, человек, поставленный **70.** в равновесии между жизнью и болезненной смертью, я, которому предназначена величественная цель, но достигаемая с трудом, если только, хотя бы несколько, отверста мной дверь греховной жизни, ибо такой подвиг предназначен Богом моему уму. И тот из нас совершеннейший, кто среди многих зол носит в себе немногие кумиры греха, **75.** кто при помощи великого Бога, храня в сердце пламенную любовь к добродетели, поспешает на высоту, а грех гонит от себя прочь, подобно тому как течение реки, влившейся в другую быструю, и мутную, и неукротимую реку, хотя и смешивается с ней, **80.** однако же превосходством своей чистоты закрывает ее грязный поток. Такова добродетель существа сложного; большее же совершенство предоставлено существам небесным. А ежели кто еще на земле увидел Бога или, восхитив отсюда на небо тяжелую плоть, взошел к Царю, то сие – Божий дар. Смертным же да будет положена мера!

85. Но вот вложу тебе в мысль и о том слово, как взойти на верх великой добродетели, которая одна – Чистому чистая жертва. Не думаю, что сие возможно здесь. Ибо здесь на глазах лежит многослойный туман. Вожделенно и то, если и вместе с сей жизнью оставлю многоплачевные грехи. **90.** Добродетель не дар только великого Бога, почтившего Свой образ, потому что нужно и твое стремление. Она не произведение твоего только сердца, потому что потребна превосходнейшая сила. Хотя и очень остро мое зрение, однако же видит зримые предметы не само собой и не без великого светила, **95.** которое освещает мои глаза и само видимо для глаз. И к преуспеянию моему нужны две доли от великого Бога, именно: первая и последняя, а также одна доля и от меня. Бог сотворил меня восприимчивым к добру, Бог подает мне и силу, а в середине я – текущий на поприще. Я не очень легок на ногу, **100.** но не без надежды на награду напрягаю свои мышцы в беге, потому что Христос – мое дыхание, моя сила, мое чудное богатство. Он соделывает меня и зорким, и доброшественным. А без Него все мы – смертные игралища суеты, живые мертвецы, смердящие грехами. **105.** Ты не видывал, чтобы птица летала, где нет воздуха, чтобы дельфин плавал, где нет воды; так и человек без Христа не заносит вверх ноги.

Не думай о себе слишком высоко и не полагайся на свой ум, хотя ты и очень велемудр. **110.** Если и видишь кого ниже себя, не превозносись, как всех превзошедший и находящийся близко к цели. Тот не достиг еще цели, кто не увидел предела своего пути. Много надобно иметь страха, но не должно приходить и в излишнюю робость. Высота низлагает на землю, надежда возносит к небу, **115.** а на великую гордыню гневается Бог. За иное можешь взяться руками, иного касайся только надеждой, а от иного вовсе откажись. И то признак целомудрия – знать меру своей жизни. Равно для тебя худо и отложить благую надежду, и возыметь слишком смелую мысль, что нетрудно быть совершенным. **120.** В том и другом случае твой ум стоит на худой дороге. Всегда старайся, чтобы стрела твоя попадала в самую цель, смотри, чтобы не залететь тебе далее заповеди великого Христа, остерегайся и не вполне

исполнить заповедь: в обоих случаях цель не достигнута. И излишество бывает часто бесполезно, когда, **125.** желая новой славы, напрягаем стрелу сверх меры.

Если будешь много о себе думать, то напомним тебе, откуда пришел ты в жизнь, чем был прежде, чем – когда лежал в материнской утробе, и чем будешь впоследствии, а именно: прахом и пищей червей, потому что принесешь с собой к мертвецам не более, как и самый немощный. **130.** А если будешь низко о себе думать, то напомним тебе, что ты Христова тварь, Христово дыхание, Христова честная часть, а потому вместе небесный и земной, приснопамятное творение – созданный бог, чрез Христовы страдания шествующий в нетленную славу. **135.** Посему не угождай плоти, чтобы не полюбить до излишества настоящую жизнь. Но старайся соорудить прекраснейший храм, потому что человек есть храм великого Бога. И тот соорудает себя в этот храм, кто отрешается от земли и непрестанно шествует к небу. И сей-то храм советую тебе охранять так, чтобы он благоухал от всех твоих дел и слов, чтобы всегда пребывал в нем Бог, **140.** чтобы он всегда был совершен, и притом существенно, а не наружно. Не раскрашенный, разноцветный и блестящий поддельными красотами корабль веди по морскому хребту, но крепко сколоченный гвоздями, удобный для плавания, искусно оснащенный руками художника и быстро движущийся по водам.

145. Пусть всякий простирается вперед, все же да держатся Бога; кто мудр, кто силен, кто богат или беден – пусть все хватаются за эту необманчивую опору! Здесь должно привязать свой челн всякому, особенно же мне, который сижу на высоком престоле и посредством жертв возвожу людей к небу, – мне, которому, **150.** если в омраченном сердце обещаю Христа, в такой же мере угрожает скорбь, в какой предложит добрая слава, если приближаюсь к Божеству. Ибо как по Божиим мерам отмеривается мера нашей жизни, так по мерам жизни отмеривается и Божия мера.

155. Так рассуждая, и здесь безбедно совершишь поприще жизни, и после в тот день, когда разрешится сия примрачная ⁵¹ жизнь, в добром сопровождении Самого Бога преселишься отсюда.

10. О добродетели⁵²

От многих слышу, и желал бы сказать, что слышу не напрасно, но дело должно служить оправданием слову, – слышу, что и те, которые тщательно наблюдают каждый шаг молодых людей, почитают тебя юношею боголюбивым, **5.** подающим добрые признаки благонравия, потому что, по пословице, лев виден и по когтям, – слышу, что они от удовольствия сообщают это друг другу как чудо. Хорошо, если Промысл, все устрояющий во благо и желающий твоего преуспевания, **10.** такой молвой пролагает тебе путь к делам, чтобы предупреденный добрым о себе мнением в этой славе имел ты для себя как бы некоторый залог призвания к благочестию! Но пусть, кто хочет, тот и делает об этом догадки, **15.** а я, что слышу, с того и начну речь, именно же что ты употребляешь старание прозреть душой в горнюю высоту и, расторгнув мглу, которая покрывает нашу здешнюю совершенно земную жизнь, устремив взоры выше, **20.** оставив за собой персть, свергнув с себя узы этого сложного мучителя, восстающего на образ Божий, хочешь посвятить себя Богу.

Сие одно и надобно почитать предметом изучения, первым и величайшим благом для людей. **25.** Ибо найдешь ли что подобное в вещах, влачащихся долу, и в других игрушках, которыми надмеваются люди, в этих, как говорят, дарах времени и счастья, хотя бы собрались вместе все и всем принадлежащие блага, какие действительно есть или почитаются благами в скорбной жизни? **30.** Найдешь ли столько выгод, хотя по видимому преступишь пре-

⁵¹ Примрачная (*ц. – сл.*) – сумрачная, помраченная, затемненная. – *Ред.*

⁵² В переводе ТСО: «О смирномудрии, целомудрии и воздержании». – *Ред.*

дела? Положим, что имеешь ты у себя, чем обладал, осыпанный золотом Гигес и, безмолвно властвуя, одним оборотом перстня приводишь все в движение. Положим, что рекой потечет к тебе золото, что загордишься ты, как лидийский царь, и что сам персидский Кир, **35.** величающийся могуществом престолов, сядет ниже тебя. Положим, что пресловутыми ополчениями возьмешь ты Трою, что народы и города изваяют твой лик из меди, что одним мановением будешь приводить в движение народные собрания, что речи твои удостоятся венцов, **40.** что покажешь в судах Демосфенов дух, что Ликург и Солон уступят тебе в законодательстве. Пусть в груди твоей живет Гомерова муза; пусть у тебя Платонов язык, который у людей почитается медоточивым, да и действительно таков! Положим, что ты опутываешь всех сильными возражениями, **45.** как неизбежными и хитро закинутыми сетями. Положим, что ты все поставишь вверх дном, с Аристотелем или с какими-нибудь новыми Пирронами сплетая понятия в безвыходные лабиринты. Положим, что тебя окрыленного понесут вверх эти баснословные **50.** (чтобы они ни значили) Пегас или стрела скифа Авариса. Все это, о чем я сказал, а также блистательное супружество, сибаритский стол и все прочее, чем превозносится наша мысль, доставит ли тебе столько выгоды, **55.** сколько полезно поставить все сие ниже себя, а иметь в виду достоинство души, знать откуда она произошла, к кому и куда должна возвратиться и какое стремление сообразно в ней с разумом?

Поскольку, как гадаю сам **60.** и как слышу от мудрых, душа есть некая Божественная струя и приходит к нам свыше или вся, или властитель и правитель ее – ум, то у нее одно единственно естественное ей дело – парить горе¹, вступать в общение с Богом, **65.** непрестанно устремлять взор к сродному, как можно менее поработавшись немощам тела, ибо тело и само стремится к земле, и душу влечет долу, вводит в это приятное скитание по предметам видимым, **70.** в это омрачение чувств, в котором душа, не управляемая разумом, постепенно погружаясь, падает ниже и ниже. Но если владеет ею ум и часто, как уздой, сдерживает словом, то, возвышаемая им, может быть, **75.** вскоре достигнет она священного горнего града, а наконец получит и желаемое ею издавна, то есть, прошедши все завесы, все нынешние тени, все здешние гадания, все отражения красоты в зеркалах, **80.** непокровенным умом узрит непокровенное благо, каково оно само в себе, и прекратит свое скитание, насыщенная светом, которого желала сподобиться, и возобладав там высочайшей красотой. Ибо Сотворивший все премудрым Словом, чрез срастворение противоположностей Составивший **85.** неизреченную гармонию вселенной и Приведший мир сей из неустройства в устройство, еще большее чудо показал в природе живого существа.

Но я полюбомудрствую с тобой, начав слово несколько выше.

90. Бог есть или ум, или другая совершеннейшая сущность, постигаемая напряжениями одного ума. Богу известно, совершенно ли постижим Он для горних умов; но не ясно постигается нами, над которыми распростерто облако грубой плоти – этот неприязненный покров. **95.** Столько знаем мы о Боге, но больше узнаем впоследствии.

Поскольку же начатки слова воздали мы Богу, то посмотрим теперь, каково и то, что от Бога.

Две здесь крайности и две противоположные природы. Одна близка к Богу и достоючестна: **100.** ее именуют словесной и исполненной ума; наименование же это производится от Слова; и таков, сколько известно, чин существ, предстоящих Богу, верховных и второстепенных Ангелов, который выше всего чувственного и телесного **105.** и первый озаряется начальственной Троицей. Другая природа весьма далека от Бога и Слова; ее называют бессловесной; потому что она лишена слова, и скрывающегося в звуке, и изрекаемого. Но Бог-Слово, **110.** как совершеннейший Художник, разлучив сии природы и премудро сопрягая тварь, созидает и меня – живое существо, сложенное из обеих природ, сочетав воедино и слово и бессловесие, то есть невидимую душу, в которой ношу я образ всевышнего Бога, и

неразумное тело ⁵³. **115.** Таково смешение этой досточестной твари, которую можно назвать новым миром, в мире малом – миром великим! И как Сам Он преисполнен света и добра, то и мне даровал несколько добра; восхотел же, чтобы оно было моим делом. А для сего показал мне тогда же границы той и другой жизни **120.** и определил их словом, придал в помощь твари закон, поставил меня самопроизвольным делателем добра, чтобы борьбой и подвигом приобрел я венец, потому что для меня это лучше, чем жить свободным от ограничений.

125. Таков закон в устройстве моего состава. Но он непрестанно возмущается многочисленными переворотами здешней жизни, порываемый туда и сюда, окруженный предметами то зловредными, то благотворными, которыми он, бедный, разжигается и искушается, **130.** как золото на очистительных углях. А плоды посеянного нами будут собраны впоследствии, на праведном суде Божиим; там готовы точила – принять в себя плодоношение жизни.

И посему-то кто соблюдает закон, **135.** чтит частицу Божества, какую имеет в себе, во всяком деле, слове и движении ума сколько можно более чист от всего попираемого и не оскверняется ничем преходящим, а напротив того, самую персть влечет с собой к небу, тот в награду за труды **140.** (подлинно, самое великое и премудрое таинство!) станет богом, и хотя богом по усыновлению, однако же исполненным высшего света, начатки которого пожинал он в некоторой мере еще здесь.

А кто, преклонившись к худшему в своем союзе и сочетании, **145.** оказавшись сообщником дольного, рабом плоти и другом скоротечного, оскорбляет жизнью своей Божественное благодество, для того, сколько бы ни был он благоуспешен в непостоянном, гордясь ничтожными сновидениями и тенями, **150.** обогащаясь, роскошествуя, превозносясь чинами, увы! для того тяжки тамошние бичи, где первое из бедствий – быть отринутым от Бога.

И ты, слыша это и уверившись в сказанном, шествуй правым путем, оставь же путь недобрый, **155.** если только послушаешься искреннего советника (а я знаю, что лучше тебе послушаться) и примешь мое слово. Доброму советнику, как говорят древние, должно вооружиться тремя доспехами: опытностью, дружбой и смелостью; **160.** а у меня, как найдешь, нет недостатка ни в чем этом. Опытность простер я до такой степени, какая прилична человеку, который долго трудился, немало времени беседовал с писаниями мудрых и с письмами Богодухновенных учений — **165.** этим сладким источником, доступным только для целомудренных, в котором иное исчерпал я едва не до глубины. А что касается до сказанного мною во-вторых, то есть до благорасположения, в этом есть самое сильное удостоверение, ибо тебе, любезнейший, желаю того же, что прежде посоветовал себе, когда стеклись вместе и размышления, **170.** и опасности бурного моря, соединившего меня с Богом, так как страх нередко бывает началом спасения. Опытов же смелости лучше не видеть тебе ни от меня, ни от людей, для тебя посторонних. Да ты и не увидишь их, **175.** если слушаешься моих слов, потому что будешь достоин похвал, а не укоризн. А по всему этому предай себя мне, предай, говорю, а я передам тебя Богу, предавшийся Которому сам будет в приобретении, потому что Сам Бог делается достоянием предающегося Ему. **180.** Достигнешь же истины, рассуждая так.

И у эллинов есть мудрецы, Впрочем не мудрые. Ибо можно ли назвать мудрыми тех, которые не познали высочайшего естества – Бога, первой причины всех благ, **185.** тогда как разумных приводят к Богу и природа, и порядок всего видимого и умосозерцаемого?

⁵³ В греческом тексте – затруднительное выражение *κάνοητον σώματος* латинский переводчик перевел как *ex corpore non intelligente* – «из неразумного тела»; в дореволюционном переводе ТСО противоречие – «видимое (*νοητόν*) тело». Но т. к. *νοητόν* – это «умопостигаемое» и, следовательно, «невидимое», то мы избираем вариант *άνοητον* – «неразумное, безумное». Кроме того, к такому пониманию приводит и общий контекст данной фразы, содержащей в себе ряд противопоставлений. – *Ред.*

Можно ли назвать мудрыми тех, которые или вовсе изгнали из мысли Божество, или отринули Промысл, или положили Ему меру, чтобы Бог, спасая, не утрудился? **190.** Одни из них, взяв в наставники зрение, вручили державу звездам, которые нам сослужебны, и такими вождями всего сами были водимы весьма худо. Другие, ниспав еще глубже, стали поклоняться гнусным животным. **195.** Иные же в тенях демонов и в баснях нашли защитников своим страстям, воздвигли памятники, достойные своего безумия, и капища – произведения вещества и рук человеческих. Кто же будет столь не мудр, чтобы признать их мудрыми?

200. Впрочем, если угодно, они были и мудры. Найдешь, что они были несогласны и далеки один от другого в иных учениях, а именно: в понятиях об умосозерцаемом и видимом, о Божием промысле, об идеях, о судьбе, о бесконечном веществе, об устройстве тел, **205.** о душе, об уме, об обманчивости чувств. От сего произошли стоики – эти надутые лица, Академии, хитросплетения пирронистов, недоумения и остановки над словами пустыми и произвольно составленными. Но, не согласные в этом, **210.** все они равно и единодушно хвалят доброе и ничего не ставят выше добродетели, хотя приобретается она множеством усилий, бесчисленными трудами и продолжительным временем. Упомяну для примера о некоторых, **215.** чтобы ты и отсюда мог научиться добродетели, и с терний, как говорят, собирая розы, и у неверных учась совершенству.

Кто не слышал о синопском псе ⁵⁴? Он (не говорю о других его делах) **220.** вел такую дешевую и умеренную жизнь (и в этом сам себе был законодателем, а не Божий хранил закон и не какими-нибудь водился надеждами), что имел у себя одну собственность – палку, и домом служила ему под открытым небом катающаяся среди города **225.** бочка, укрывавшая его от нападения ветров, и ее предпочитал он златоверхим чертогам. Пищу же составляло для него то, что без труда можно было взять и не готовя. Подобно и Кратес, преодолев в себе привязанность к деньгам и все свои владения, **230.** как способствующие пороку и плотоугодию, оставив в запустении, взошел на ступени жертвенника и, поелику служение любостыжательности признавал рабством, как бы среди Олимпии, громогласно произнес сии удивительные и всеми повторяемые слова: «Кратес дает свободу фивянину Кратесу». **235.** О нем же (впрочем, некоторые приписывают сие другому философу ⁵⁵ подобного образа мыслей) рассказывают, что во время плавания, когда свирепела буря, а корабль обременен был грузом, **240.** охотно побросал он в глубину свое имущество, сказав притом сии достопамятные слова: «Благодарю тебя, случай, наставник мой в совершенстве: как удобно сокращаюсь я до плаща!» Один уступил имение свое родным, **245.** а другой, превзойдя и это, как нечто человеческое, и в один кусок золота обратив все, что у него было, пускается в море и там отдает глубине это обольщение тщеславия, рассуждая, что других не должно одалживать тем, что не хорошо для себя. **250.** Я хвалю и за сие. Один из старинных псов ⁵⁶, пришедши к царю, просил у него пищи, или действительно имея в ней нужду, или желая испытать царя; и когда царь, или в знак чести, или тоже для испытания, охотно велел дать ему талант золота, он не отрекся взять, но получив, **255.** тут же в глазах давшего на весь талант купил один хлеб и сказал: «Вот в чем имел я нужду, а не в гордости, которой не укусишь!» Это почти сходно и с моими законами, которые окрыляют меня подражать **260.** жизни и природе птиц, довольствуясь однодневной и несеянной пищей, и вместе с лилиями, пышно облеченными красотой, обещают мне покров из безыскусственных тканей, если буду устремлять взор к единому великому Богу.

265. Но если мне должно точнее испытать дела сих мудрецов, чтобы рассказы мои не оказались напрасными, то скажу, что эти почитатели нестыжательности и жизни свобод-

⁵⁴ Диогене.

⁵⁵ Антисфену или Зенону.

⁵⁶ Философов-киников.

ной, отрешенной от всех уз, во-первых, неверными путями стремились к совершенству. **270.** В них больше было хвастовства, нежели любви к добру, а иначе для чего были бы нужны алтари и провозглашения? Во-вторых, они отказывались от чревоугодия, потому что избегали не пресыщения богатством, а забот и трудов приобретать его, **275.** между тем иногда и скудость обращали в повод к сластолюбию. Это доказывают ячменные хлебы, брошенные ради пирога с кунжутом, и стихи из трагедии, особенно один, сказанный при сем весьма кстати: «Чужестранец, уступи место господам»⁵⁷. **280.** То же доказывает и цикорий – пища бедных, обильный дар земли, скрывающийся из среды сладостей. Но у нас сделанное напоказ – даже и не в числе добродетелей; у нас первое правило, чтобы левая рука не знала ясно движений правой (Мф. 6:3).

285. Если воздержание свидетельствует о божественной жизни, прекрасен Клеанфов колодец, прекрасна ^кратова скудная жизнь. Но как и гнусно многое! Например, эти Хармиды и покров из плащей, под которым сей доблестный муж (подлинно это божественно!) беседовал с юношами, **290.** потому что одни красивые даровиты! Никто не уловляй добродетели чрез плотскую любовь – да погибнут такие рассуждения! Не сходятся пределы мидян и лидян. Похвалит ли кто поступок Алкмеона? **295.** Один из первых между знаменитыми афинянами, отличный и родом и могуществом, настолько предался он жадности к деньгам, насколько надлежало бы ему быть выше этой страсти. Крез много раз принимал его у себя радушно; **300.** и однажды, показывая ему все свои золотые сокровища и, как владетель их, гордясь своим счастьем, велел взять себе золотой пыли, сколько может захватить. Тогда Алкмеон (подивись его неумеренности!) наполнил золотом и пазуху и рот, даже волосы покрыв золотой пылью, **305.** вышел к лидянам достойным смеха богачом. А что такое Платон, этот мудрейший из людей! Что такое Аристипп, разумею этого пресладкого Аристиппа. Что этот, как думаю, обворожительный Спевсипп? Один вел жизнь неудачного торгаша **310.** и для прибыли переносил морские труды, возя масло. Может быть, за это не назовешь еще его ненасытным, но припишешь иное и бедности. Но Платону пресмыкаться у царских столов – где тут ученость и честные труды? **315.** Не стану говорить о том, как продавали его с торга, и не сбыли бы с рук, если бы не нашелся один ливиец, который оказался лучше Платоновой Эллады и за малую цену купил себе славу и ученость Платонову. А у этого киринейца много было открытости, **320.** однако же к свободе примешивал он сластолюбие и вредил добродетели горьким своим учением. Умашенный благовониями, задушал ими своих сопирственников, а любезностью нрава и говорливостью пользовался он как средством к получению подарков. **325.** Так, мудрый Архелай, не знаю для чего и за что, подарил ему однажды женскую одежду. Платон не принял такого подарка, сказав на этот случай стих из Еврипида: «Мне не надеть на себя женской одежды». **330.** Но Аристипп, как скоро подарок принесен был к нему и достался в его руки, с охотой берет его и сказанный Платоном стих остроумно отражает другим стихом, произнеся: «Целомудренная и на вакханалиях не утратит своего целомудрия». **335.** Этот же самый Архелай, как рассказывают, когда Софоклу хотелось получить от него какую-то вещь, отдал ее мудрейшему Еврипиду и при этом сказал: «Ты мне кажешься достойным того, чтобы у меня просить, а Еврипид достоин получить», – чем и дал разуметь, **340.** насколько превосходит благородный нрав.

Но Лисимахов сын, который дал эллинам законы о податях, и притом был первым, как в народных собраниях, так и в военных делах, до того оказался нестяжательным, **345.** что город, на свои деньги выдав замуж его дочерей, почтил тем прекрасную нищету и самого похоронил также на общественные деньги, потому что у него не нашлось, чем похорониться; не говорю уже о том, что по делам своим имел он и имя, один из всех и был, и наименован правдивым.

⁵⁷ Стих из Еврипида, примененным Диогеном к ячменным хлебам и пирогам с кунжутом.

А чтобы утверждаться не на древних только примерах, **350.** не умолчу и о добродетелях римлян. Фабриций, одержав над Пирром победу в битве (а это был один из вождей весьма знаменитых), еще более восторжествовал над ним в следующем. **355.** Поскольку надежда Пирра рушилась, то он пытался подкупить римского военачальника несколькими талантами золота. Фабриций не принял золота, однако же заключил перемирие. Когда же Пирр, как скажут, во время дружеского с ним разговора **360.** показал ему во всем вооружении одного самого огромного и великорослого слона, Фабриций, который дотоле не знал даже слонов и по виду, не испугался явившегося нечаянно слоновьего хобота, но спокойно сказал: «Меня не пленило золото, не возьмет и зверь». **365.** Сего довольно; и то превзошло бы меру, что мог бы еще сказать иной презритель любостояжания.

Поэтому не одобряй недобрых правил в старых книгах, которыми ты, добрый мой, воскормлен. Например: «Пусть называют меня худым за то, что получаю прибыль; **370.** это лучше, нежели, чтя законы богов, жить нищим, домогаясь тем славы», «Не трудись отыскивать род: мое благородство – кусок», «Деньги у людей всего почтеннее. Никто так не жалок, как нищий», **375.** «Без меди и Феб не прорицает», «Ни один человек не бывает во всех отношениях счастлив; но или хорошего рода, да есть ему нечего; или и низкого рода, да возделывает богатое поле». Но ты назовешь ли несчастным того, кто хотя и беден, **380.** однако же добрыми нравами богаче многих? Подлинно, несчастен человек, который рассуждает так худо. Поэтому бегай этих правил и тех, которые изрекли их; а равно бегай и всего, что найдешь подобного в книгах.

Но одобряй следующие мудрые изречения: **385.** «Если от худого дела получаешь прибыль, считай это залогом несчастья», «Не во всем ищи выгод», «Не стыди сам себя», «Неправедными мерами добиваться успеха – дело не без страха», «Не говори мне о Плутоне: не уважаю такого бога, **390.** которого и самый порочный легко привлекал на свою сторону», «Этот человек беден, но богат добрыми нравами», «Для меня лучше мудрец нищий, нежели Мидас порочный». По моему мнению, Феогнид говорит совершенный вздор, когда стремнины и пропасти предпочитает скудной жизни **395.** и предписывает Кирну худые правила о приобретении имущества. Как и ты, Гомер, столько приписываешь непостоянной вещи, что в одном месте своих стихотворений говоришь: «Добродетель идет следом за богатством»? Разве скажешь: я не то выразил, что думаю сам, **400.** но сказал сие в насмешку имеющим такую жалкую мысль. Ибо в этом Одиссее, который, претерпев многочисленные бедствия, спасся из моря, нагим скитальцем предстал царице и словом своим внушил к себе уважение деве, **405.** самым феакиянам показался достойным внимания, – в этом, говорю, Одиссее не видим ли явной похвалы добродетели? Хвалю и фригийскую басню; как она прекрасна! Мидасу, который просил, чтобы все у него было полно золотом, **410.** Бог в наказание за неумеренность дает исполнение желаемого. Но золота есть нельзя; и для кого стало все золотом, тот умер с голода.

Но что мне до чужих басней и нравоучений? Посмотри теперь и на мои законы. **415.** От первого блага веду я свой род. От него произошел и к нему окрыляю жизнь, стараясь разрешиться от уз. А так называемое у дольних людей благородство, которое ведет начало от тела и тления, от блистательных и давно сгнивших мертвецов, **420.** ничем не благороднее текучей грязи. И отечество телесное не свободно: оно обременено податями, беспорядочно пересечено морскими заливами, окружено лесами, непрестанно меняет жалких своих обитателей, **425.** попеременно бывает и матерью, и гробом своих порождений, сокрушает тех, которые раздирали его недра, – какое наказание, подлинно наказание за вкушение и обольщение пра-родителя! Но в том отечестве, которого вместо земного ищут себе мудрые, на которое взирая и здесь уже не влачим, **430.** подобно былинке, носимой по водам, – в этом отечестве обширны пределы, величественны обитатели; оно составляет вечное достояние своих обитателей, оно мать живых, оно свободно от трудов, – это лик немолчно песнословящих вели-

кого Христа, **435.** торжество первородных, написанных на небесах и в вечных книгах (см.: Евр. 12:23). Превозношу так же и славу, отложенную мне в горних, сии праведные веса, это нелживейшее благо! А здешняя слава – ветер, ничтожная милость ничтожных. **440.** Если она и справедлива, то ничего не прибавляет. А если не истинна, обращается даже во вред, ибо то самое, что стал я видимым, многое отняло у того, чем я сам в себе. А богатство здешнее скоротечно и упоительно; оно слепо, переходит от одного к другому, **445.** многих надмевает и напрасно старается черпать счастье; это то же, что раздутие ⁵⁸ чрева в водяной болезни: оно другим сообщает болезнетворный яд – времени и зависти дорогостоящее заблуждение ⁵⁹. Но у меня есть богатство, которое неистошимо и постоянно, **450.** твердо и неколебимо, выше всех утрат; и это богатство – ничем не обладать, кроме Бога и горнего. Никто не приобретет и не приобретал еще доселе всего, хотя бы и желал, но можно все вдруг презреть **455.** и таким образом стать выше всего. Пусть иные строят полки вооруженных и больше терпят, нежели причиняют, зол, то низлагая других, то оплакивая неизвестность решительных минут, то сражаясь без потерь и успеха, **460.** то кровью покупая какое-нибудь бремя богатства или могущество самовластья; пусть иные несчастные искатели прибытка измеряют недра земли и неукротимого моря, пусть иные за малые дары намеренно извращают суд и дают обоюдные законы! **465.** А я обменял все на единого Христа и бедный крест несу богато, отринув, что служит добычей моли и зависит от игры счастья.

Хотя первым законом Христовым для человека было первоначальное наслаждение, однако же Едем и рай, цветущий древами, **470.** и источник, разделенный на четыре начала (Быт. 2:10) – не золото, не илектр, не серебро, не приятность доброцветных и прозрачных камней, какие дает земля преклонившимся долу; напротив того, Едем одними плодами питал обильно того ⁶⁰, **475.** кто был делателем Бога и божественного наслаждения. И здесь положен был предел удовольствию, приведенному в меру. Закон удалял от древа познания противоположностей и, не соблюденный, лишил меня всего, предал бедствиям матери моей земли. **480.** Одно же из сих бедствий – иметь у себя более необходимого, не знать никакой меры в приобретении, врачевством от худого избирая худшее, и, разгорячая себя питьем, тем больше чувствовать жажды. А от сего, смотри, какая бывает несообразность! **485.** Всегда считаем себя бедными, стараясь приобрести, чего еще недостает у нас; а в приобретенном не можем найти для себя утешения, потому что сердце мучится о том, чего нет.

Посему первый закон – жить умеренно; но есть и второй. **490.** Авраама патриарха, боговидца, великого мужа, Домостроитель высочайших таинств, отвлекши от дома, от рода, от отечества, легко перевел в землю чуждую странником, пресельником, бездомным, скитающимся; **495.** его влекла вера в исполнение больших надежд. А Иаков, когда идет в Месопотамию, просит себе, как говорит Писание, только хлеба и покрова (Быт. 28:20), хотя впоследствии возвращается с многочисленными стадами, приобретя их в справедливую награду за труды. **500.** К сказанному мной хорошо будет присовокупить и сие. Моисей, который наедине беседовал с Богом внутри облака, принял на скрижалях двоякий закон и по нему правил великим народом, при разделе данной уже Богом земли иным коленам отмерил тот или другой участок в земле еще чуждой, одним только сынам Левиным не уделил жребия, потому что их наследием был Сам державный Бог (Чис. 18:20). А Ионадав, который умел, **510.** точно умел любомудрствовать, хотя нищета и не считалась еще тогда в числе чудес, преподавая однажды детям урок нестяжательности и высокой жизни, произнес следующее слово, приличное самому доброму отцу: «Оставляю вам, дети, самое великое наследие, **515.** какого не давал еще детям ни один отец, даже и самый богатый. Убегайте всякого насле-

⁵⁸ В переводе ТСО: «надмение чрева». – *Ред.*

⁵⁹ В переводе ТСО фраза «времени и зависти дорогостоящее заблуждение» отсутствует. – *Ред.*

⁶⁰ Т. е. Адама. – *Ред.*

дия, ведите свободную жизнь, не связывая себя никакими узами, живите в кущах, то есть в подвижных домах. Пусть иной рассекает недра земли, **520.** а иной, кого веселит вино, насаждает виноград; но вы не пейте вина, храните воздержную жизнь. Такую ведя жизнь, будете жить безопасно» (Иер. 35:6–7). Таков был Ионадав! Где же дадим место Илии, которого великий Кармил питал **525.** чрез ворона и из потока в земле жаждущей? Он был нищ и последний из нищих, но перед царями останавливает дожди и глубины потоков, низводит с неба огонь на врагов и на жертвы, капли скудной пищи обращает для вдовиц в неиссякаемый поток, будучи скуден, **530.** богато питает питающих, воскрешает мертвецов в награду за гостеприимный кров и вземлетя на небо на огненной колеснице. А Елисеево наследие – Илиина благодать и с высоты ниспадшая милоть! **535.** И освященный до чревоношения – какое чудо! Без сомнения, знаешь великого Самуила. Его материнская молитва привела к Богу, и (если не слишком смело будет сказать о нем так) он обладал уже Богом, будучи посвящен Ему с младенчества. **540.** Кто между Ветхим и Новым Божиим заветом, как между тенью и действительным телом, составлял средю, замыкая собой один и отверзая вход другому? Кто сей великий светильник, предтекший горнему Свету? Кто первый между рожденными, чему свидетель – Бог? **545.** Кто жил в пустыне, имел необычайную пищу и одежду из верблюжьих волос подпоясывал кожаным ремнем? Мое слово изобразило Иоанна, который не позволял иметь у себя и двух рубищ. **550.** А что сказал бы иной о Павле, который ремеслом своим доставал себе пропитание, или о Петре, который питался одними лупинами ⁶¹? Что сказать о сих великих апостолах, которые вовлекли весь мир в Божии сети (см.: Мф. 4:19; Мк. 4:17), чьи руки изливали бедным обильное богатство щедрых даров? **555.** А другие апостолы, когда [также] призваны были Богом к лучшей ловле, оставили родным своим рыболовные корабли, потому что привлекло их совершеннейшее учение Христа, Который есть Высочайший Ум и первое естество ума, **560.** но обнищал до грубости плоти и, поставляя нищих провозвестниками слова, единую веру дал в спутники не имеющим у себя ни одежды, ни меди, ни сумы, ни обуви, но во всем нуждающимся, поверяя им тайну целой новой вселенной, **565.** не позволил иметь даже жезла в руках, чтобы вера составляла могущество слова (Мк. 6:8; Лк. 9:3; 10:4). Но выслушай важнейшее. Юноше, который желал знать, как можно достигнуть совершенства, Христос поставляет верх совершенства не в чем ином, но в том, **570.** чтобы раздать все бедным, всегда нести на плечах великий крест и, умерши для долнего, следовать за Христом тому, кто хочет вознестись с Богом (Мф. 19:21). Так Своим пришествием усовершенствует Христос и мытарей, **575.** которые охотно приносят все в дар Богу, в чем да убедит тебя Закхей (Лк. 19:2-10), который, худо обогатившись, чрез милосердие к бедным и обиженным от него обогащается нищетой и очищается от скверны. Довольно сего об имуществах.

580. А примеров воздержания у древних мудрецов и эллинских и варварских немного, хотя и у варваров добродетель была в уважении. Какие же примеры есть у них и в каком числе, нужно ли о сем писать, когда это всем открыто и известно? **585.** Выслушай следующие места из мудрой трагедии: «Учись держать чрево в крепкой узде: оно одно не воздает благодарности за оказанные ему благодеяния», «В пресыщении Киприда ⁶², а в голодных ее нет», «Одебелевшее чрево не родит тонкой мысли», **590.** «Наполни мешок твой сотами или ячменной мукой – ничем не будет это различаться во внутренностях чрева», «Что за приятность черпать дырявой бочкой?», «Ненасытное чрево открыло пути для кораблей, оно научило людей с неистовством вооружаться друг против друга». **595.** А о том, что все дорогие снеди у сластолюбцев тонут, как в бездне, и делаются уже не снедями, но чем-то приготовленным в самом негодном помойном сосуде, справедливо говорит в одном месте превосходный Кер-

⁶¹ Корками, очистками. – *Ред.*

⁶² Здесь: чувственность. – *Ред.*

кид, который, сам питаясь солью, **600.** с презрением смотрит на кончину роскошных и на горечь самой роскоши. Кто же не похвалит сказавшего сластолюбивому юноше: «Перестань налагать на себя новые цепи и не раздражай хищного зверя». Каков и этот обычай почтенных стоиков, **605.** как бы к кому-то постороннему, обращаться к своему телу с такими речами: «Чем я тебе должен, жалкий мешок? Дать ли тебе есть? Много с тебя, если дам и хлеба в скудость. Дать ли пить? Дадим тебе воды и уксусу. Но ты не этого у меня просишь, а сладких и сытных снедей, **610.** дорогих напитков из кристалльных сосудов? Со всей охотой дадим тебе, но только удавку». И это не лучше ли известной у древних изнеженности Сарданапала, Нинова сына, который, обилуя богатством и расстроив себя сластолюбием, **615.** для продолжительности наслаждения желал себе горла длиннее журавлиного?

О божественный Давид! Когда тебе хотелось утолить жажду из колодезя в земле иноплеменников, и питье было добыто, **620.** поскольку некоторые послужили твоему желанию, пожертвовав кровью и чрез ратоборство, ты, взяв воду в руки, вылил ее и не согласился насытить своего желания злостраданиями других (2 Цар. 23:15–17). А если словесная пища есть хлеб ангельский, потому что не тело питает бестелесную природу, то сколько у нас таких, **625.** которые живут ангельской жизнью, соблюдая в себе (и то неохотно, ради Божия только повеления) едва малые искры жизни земной? Ибо должно оставаться в узах, пока не разрешит Бог. Не стану представлять примеров из книг, и притом ветхозаветных, как иные, **630.** чрез телесные очищения обожившись и как бы освободившись от тел, целые, и даже многие, дни не вкушали пищи, не боялись огненного прещения и львиных челюстей, только бы в земле чуждой не прикасаться к пище, **635.** оскверненной по повелению варваров (Дан. 1:8).

Но после того как враг, приразившись ко Христу, отступил от мужественной плоти, побежденный сорокадневным невкушением пищи (Мф. 4:2–4), к большему посрамлению преткнувшегося в сем опыте **640.** дан закон о возжеленном истощании в подвигах. Какое мудрое противоборство! Какие бескровные и божественные жертвы! Целый мир священнодействует Владыке; не тельцов и овнов закаляют, как предписывалось Ветхим законом, **645.** не какое-либо внешнее совершают приношение несовершенного (потому что все бессловесное недостаточно), но каждый изнуряет сам себя воздержным вкушением пищи, наслаждаясь – подлинно новый способ наслаждения! – наслаждаясь тем, что не знает наслаждений. Всякий старается очистить самого себя в храм Богу **650.** всенощными бдениями и псалмопениями, преселениями ума к великому Уму. В той только мере живут в тенях и призраках, в какой и в видимом могут уловлять сокровенное. От сего одни, **655.** наложив железные узы на грубую плоть, смирили ее продерзость; другие, заключившись во мрак, в тесные жилища или в расселины диких утесов, остановили вредоносность блуждающих чувств; иные, **660.** чтобы избежать зверского греха, отдали себя пустыням и дебрям, жилищам зверей, отказавшись от общения с людьми и зная тот один мир, который у них перед глазами. А иной привлекает к себе Божие милосердие вретисцем, пеплом, слезами, возлежанием на голой земле, **665.** стоянием в продолжение многих дней и ночей, даже целых месяцев (а сказал бы я) и лет, но сие покажется невероятным; впрочем, весьма вероятно это для меня и для тех, которые бывали самовидцами чуда, ибо вера и страх Божий, **670.** заранее восхитив ум из тела, соделывали их неколебимыми столпами. Ты услышишь и о необыкновенной приправе пищи и питья – о пепле, смешанном со слезами. А иных ревность привела к путям, никем еще дотоле не проложенным: **675.** они живут вовсе без хлеба и воды, что, кажется мне, препожидает и законы естества.

Каково это? Неужели станешь еще дивиться девам, дочерям Льва, которые с радостью отдали себя на погибель за Афины? Или усердному жертвованию Менекея, умирающего для спасения города Фив? Или славному скачку с высоты **680.** мудреца Клеомвота для разлучения с телом, ибо, убедившись учением Платона о душе, воспламенился он желанием

разрешиться от тела? Или укажешь на Эпиктетову голень, которую скорее могли у него переломить, **685**. нежели исторгнуть насилием рабское слово? Ибо этот муж имел, точно имел, как говорят, рабское тело, но свободный нрав. Или представишь, как у Анаксарха толкли руки в ступе, а он, будто не находясь при этом, **690**. приказывал сильнее выколачивать его мешок, потому что сам он, то есть невидимый Анаксарх, был несокрушим? Или упомянешь о Сократовой чаше с цикутой – этом необыкновенном напитке, выпитом с такой приятностью? Ты хвалишь все сие, хвалю также и я. Но в какой мере? **695**. В неизбежных бедствиях были они мужественны, ибо не вижу, каким бы образом спаслись от них, хотя бы и захотели.

Перейдя же отсюда к божественной борьбе моих подвижников, и ты, услышав или припомнив о них, придешь в ужас. **700**. С какими бесчисленными опасностями возрас- тили досточтимое и новое таинство Христово мы, удостоившиеся именоваться от Христова имени! Зависть многократно воспламеняла против нас многих врагов и гонителей слова — **705**. этих дышащих яростью, свирепых зверей. Но мы никогда не уступали господствующей силе времени. Напротив того, если и оказывалось сколько-нибудь беспечности во время мира, если и оказывался кто худым в чем другом, то в этом все были укреплены Богом, **710**. горя пламенной ревностью, выдерживали дерзость врагов, побеждаемые со славой. Никто не ищет спасения с таким удовольствием, с каким шли мы на эти прекрасные опасности. Иной, как забаву, встречал огонь, меч, земные пропасти, голод, удушение, **715**. кровожадных зверей, растягивание и вывертывание составов, лишение глаз, жжение, расторжение, терзание членов, холод, погружение в глубину или во мрак, свержение с высоты, продолжительное зрение разнообразных мучений; **720**. а последнее (говорю это знающим) хуже всех злостраданий, потому что когда страдание доведено до крайней его степени, тогда прекращается уже страх, непрестанно же ожидать значит непрестанно страдать и вместо одной смерти умирать многими мучительными смертями. **725**. Не стану говорить об изгнаниях, об отнятии имуществ, о том, что надобно терпеть сие в глазах мужей, жен, товарищей, детей, друзей, что самого мужественного делает малодушным. И за что терпеть? Может быть, за один слог. Что говорю: за слог? За одно мановение, которое, послужив знаком отречения, **730**. могло бы спасти, хотя ко вреду. Короче сказать: мы стояли за Бога, а предавший Бога не может уже найти другого. Но к чему распространяться? Возведи очи свои окрест, обозри целую вселенную, **735**. которую объяло теперь спасительное Слово, привязавшее нас к Богу и соединившееся с нами чрез страдания, – соединение дивное и превысшее в Божиих законах! Сию-то вселенную, всю почти, осиявают, как звезды, открытыми алтарями, высоковерхими престолами, учениями, собраниями, **740**. стечениями целых семейств, песнопениями, достойными подвигов, – осиявают сии достославные победоносцы Закланного. И так велико благоговение к истине, что малая часть праха, **745**. какой-либо останок давних костей, небольшая часть волос, отрывки одежды, один признак капель крови иногда достаточны к чествованию целого мученика; **750**. даже месту мощей дается наименование «святые мощи», и оно получает равную силу, как бы находился в нем целый мученик. Чудное дело! Думаю, что одно воспоминание спасает. Что еще сказать о невероятном избавлении от болезней и от демонов при гробницах, **755**. которые удостоились некогда вмещать в себе драгоценные мощи? И они отражают нападения духов. Таковы чудеса моих подвижников!

Хвали же ты мне Пису и дельфийский прах, Немею и истмийскую сосну ⁶³, **760**. у которых несчастные юноши находили свою славу, полагая малые награды и за подвиги малые, за кулачный бой, за борьбу, за скорость бега и скачки, в чем не важно и победить, и остаться побежденным, потому что наградой не Бог и не спасение, **765**. как по моим законам и за мою борьбу приобретаются горняя слава и горние венцы.

⁶³ Речь идет о Пифийских и Немейских спортивных состязаниях, посвященных языческим божествам Аполлону и Зевсу. – Ред.

Ты видел примеры мужества, которым всего лучше и спасительнее подражать в ежедневной борьбе с гонителем, который из глубины и **770.** тайно низлагает нас посредством обольщенных чувств; теперь посмотри и на примеры особенно похваляемого у нас целомудрия.

Есть, действительно есть и у эллинов **775.** любители целомудрия; они бывали в древности, а найдутся и ныне; не отказываюсь верить тому, что разглашают о них; у меня нет зависти, что и чуждые нам целомудренны. О Ксенократе сказывают, что однажды, искушая его, **780.** подсунули ночью к сонному блудницу; почувствовав это, не был он поражен необычайностью оскорбления, но также не встал и не подумал бежать; то и другое было низко для Ксенократа. Напротив того, он остался недвижим и неуязвим, так что женщина, **785.** бросившись бежать, закричала: «Для чего насмеялись надо мной, положив рядом с мертвецом?» Эпикур хотя усиливался доказать, что удовольствие есть награда за подвиги добродетели и что наслаждение есть конец всех благ для человека, однако же, чтобы не подать мысли, **790.** будто для какого-то удовольствия хвалит удовольствие, вел себя благопристойно и целомудренно, чтобы подкрепить учение свое добрыми нравами. Не умолчу и о Полемоне, так как очень много говорят об этом чуде. **795.** Прежде был он не из целомудренных, а даже из гнусных служителей сластолюбия; но когда объят стал любовью к добродетели, найдя доброго советника (не знаю, кто это был: мудрец ли какой или сам он), **800.** вдруг оказался великим победителем страстей. И я представляю одно только доказательство чудной его жизни. Один невоздержный юноша приглашал к себе свою приятельницу. Она, как рассказывают, подошла уже к дверям, но на дверях изображен был Полемон; и его образ имел такой почтенный вид, что развратница, **805.** увидев его, тотчас ушла назад, пораженная сим видением и удивившись написанного, как будто живого. И это происшествие, сколько знаю, пересказывают многие. У Диона **810.** (разумею того Диона, который был в большой славе) не очень приятно, говорят, пахло изо рта, и один из городских жителей посмеялся этому. Дион, как скоро свиделся с женой своей, говорит ей: «Что же не сказала ты мне о болезни моей?» Но жена с клятвой отвечала: «Я думала, что это недостаток всякого мужчины, **815.** а не твой только». Так далеко держала она себя от всех мужчин и приятельниц; потому что ответ сей – ясное доказательство честных нравов. Кто не хвалит и Александра [Македонского] за то, что, имея у себя во власти дочерей побежденного им Дария и слыша, **820.** что они прекрасны ⁶⁴, не захотел их видеть из опасения, потому что стыдно было бы победителю мужей уступить над собой победу девам. Хотя это не близко еще к моим образцам, однако же хвалю. А почему? **825.** Потому что весьма приятно видеть белое лицо между эфиопами или сладкую струю среди моря, а в равной мере весьма удивительно при худых и зловердных правилах найти нечто целомудренное.

Где сами божества преданы страстям, **830.** там покорствовать страсти, без сомнения, почитается делом честным. Ибо кто поставляет своим богом страсть, пользуясь худым помощником в худом деле? У кого, скажи мне, видим примеры неестественной любви? Надобно же было, чтобы ваши боги имели какое-нибудь преимущество. **835.** У кого фригийские юноши и участвуют в пиршестве, и в развратном виде подают сладкий нектар? Но стыжусь обнаруживать Диевы (Зевесовы) тайны. Чьи любоддеяния, чьи нарушения супружеской верности составляют для созванных срамное зрелище, возбуждающее смех? **840.** Как женщины делают из Зевса всё, и быка, и молнию, и лебедя, и человека, и зверя, и золото, и змия? Таковы любовные превращения Зевса – этого зачинщика и советника всех худых дел! Кто царицу сластолюбия почитает богиней? **845.** Кто воздвигает жертвенники и храмы страстям? У кого ночи, подлинно достойные ночи, набожно чествуются символами бесчестных дел? У кого Ифифалы и Фалы со смехом присовокупляют к кумирам нового бога, **850.**

⁶⁴ В издании Библия недостает следующего стиха *εις όψιν ούκ έδέξατο, είναι γάρ κακόν.*

о котором стыдно и говорить? У кого Гермафродиты, Паны – это срамное поколение, эти боги с козлиными ногами, а по нравам козлы? У них и девы на свадьбах пляшут; **855.** им надобно, чтобы к браку присоединялось нечто противное браку. У них пригожие выдают замуж непригожих, принося в приданое за ними приобретенное блудно; и сии неблагопристойности совершаются в честь одного из демонов, чтобы человеколюбивое дело не оставалось вовсе бесстыдным делом. Оттого позорные дела пользуются свободой; **860.** блудилища, цена блуда, поругание чести у них законны. А мудрецы их изображают Афродиту в виде своих любовниц, чтобы такой выдумкой доставить последним божеские почести. И Фидий на персте богини девы в память своего бесстыдства пишет: у прекрасного всего достаточно ⁶⁵. **865.** От сего наравне с мужественными и воинскими подвигами удостаивается у них блистательных живописных изображений, рукоплесканий и описаний и эта студодейная красота. Смотри, сколько блудниц почтены у них храмами и признаны богинями. Евфро, Фрина, Леэна ⁶⁶ — **870.** в образе зверя, потому что и ее имя было чтимо среди храмов. А эту пресловутую повелительницу Эллады, родившуюся в Иккарах, срамную развратницу Лаису ⁶⁷ и многих других не удостою и слова.

Посему ты, добрый мой, **875.** как умеющий узнавать доброту серебра, заимствуй у них, что хорошо, и отбрасывай, что не сделает тебя лучшим, но следуй всем нашим наставлениям, следуй примерам мужей и жен целомудренных, у которых учитель – упование и Бог, **880.** которые своей жизнью пишут лучшие законы, нежели какие пишет рука. Когда другие именуют прелюбодеяние пороком и наказывают по законам, мы требуем еще большего, запрещая и смотреть бесстыдно и похотливо (см.: Мф. 5:39), **885.** почитая за одно и содеянный грех, и причину греха, как, например, и убийство и гнев (Мф. 5:28), от которого бывает убийство, клятвопреступление и готовность к клятве (Мф. 5:36). Не дозволяя всего того, без чего не может быть грех, мы избегаем и самого худшего.

890. Так у меня безопасно целомудрие. Оттого у меня многочислен лик дев, подражающих жизни бесплотных Ангелов и Самому Богу, Который один сожительствует с ними. К чему же это ведет? К тому, что всякий стремится к будущей жизни, **895.** желает преселиться отсюда, освободившись от уз и законов супружеских. С тех пор как пришел ко мне Христос – Сын Матери-Девы, творит Он меня девственником по новым законам. Поскольку вступил я в жизнь и, **900.** связанный скоротечностью и тлением, вынужден знать скоротечное и подлежащее тлению, чтобы из видимого и блуждающего научиться лучшему, то с радостью возвожу образ к Богу посредством **905.** свободной и несвязанной жизни, не оставив здесь и следа своей кожи, но презрев ее, как иные презирают какой-нибудь другой надутый мех, всецело стремлюсь к всецелому Богу, имея искренними спутниками многих других, которые, взирая на единую чаемую **910.** жизнь, принесли в дар подателю всяческих Богу не власы и не имение, но первое из всего принадлежащего нам – чистоту и бесплотность. Это сонмы новых назореев, исполненные и сияющие теми внутренними красотоми, **915.** какие чтут девственники до крови. Что мог бы я сказать тебе о какой-нибудь Фекле или о всех тех, которые, чтобы соблюсти красоту свою запечатленной для Бога, смело шли на опасности? Не то ли одно, что всегда и всякому было очень известно? **920.** Видишь неусыпные псалмопения Богу мужей и жен, забывших свою природу, столь многочисленных, столь высоких по жизни и обожившихся? Видишь два лика Ангелов, то согласно, то противогласно, и горе и долу, **925.** песнословящие Божие величие и естество? Так должен ты чтить чистоту, имея столько побуждений и образцов; взирая на них, очисти себя самого, чтобы принять тебе законы от Бога.

⁶⁵ Πανί ἄρκεϊ κάλφ, что можно читать и как имя: Прекрасному Пандарку.

⁶⁶ Леэна (Лазна) – афинская блудница, подруга Гармония, которую Афиней изобразил в храме в виде Венеры. – Ред.

⁶⁷ Известная развратница из Сицилии. – Ред.

Хотя все изображенное в слове требует твоего благоразумия **930**. (ибо без благоразумия возможно ли что похвальное?), однако же первое и важнейшее для тебя – познать Бога и искренно чтить Его словом и делом, потому что для всех один и тот же источник, одно спасение. Бог умосозерцаем для иных, хотя несколько; однако же никто не изречет **935**. и ни от кого нельзя услышать, что Он такое, хотя иной и слишком был уверенным, что знает сие. Ибо к каждой мысли о Боге всегда, как мгла, примешивается нечто мое и видимое. Каким же образом проникну эту мглу и вступлю в общение с Богом, **940**. чтобы, не трудясь уже более, обладать и быть уверену, что обладаю тем, что давно желал приобрести? Самое пагубное дело – не чтить Бога и не знать, что Он – первая причина всяческих, от которой все произошло и пребывает соблюдаемое **945**. по неизреченному чину и закону; но представлять себя знающим, что такое Бог, есть повреждение ума; это то же, что, увидев в воде солнечную тень, думать, будто бы видишь само солнце, или, поразившись красотой преддверия, воображать, **950**. будто бы видел самого владыку внутренних чертогов. Хотя один и премудрее несколько другого, поскольку привлек к себе более лучей света, потому что больше всматривался, однако же все мы ниже Божия величия, потому что Бога закрывает свет и покров Его – тьма. **955**. Кто рассечет мрак, тот осияется второй преградой высшего света. Но проникнуть двойной покров весьма нелегко. Того, Кто все наполняет и Сам выше всего, Кто умудряет ум и избегает порывов ума, **960**. увлекая меня на новую высоту тем самым, что непрестанно от меня ускользает, – сего Бога особенно содержи в уме и чествуй, доказывая любовь свою ревностью к заповедям. Но не везде и не всегда должно изыскивать, что Он такое, и не перед всяким удобно изрекать об этом слово. **965**. Иное скажи о Боге, впрочем со страхом; а иное пусть остается внутри и, безмолвно чтимое, чествуется втайне одним умом; для иного же отверзай только слух, если преподается слово, ибо лучше подвергать опасности слух, нежели язык. **970**. О прочем же будем молить, чтобы узнать сие ясно, отрешившись от дебелости плоти; а теперь, сколько можно, будем очищать себя и обновляться светлой жизнью. Так примешь в себя умосозерцаемого Бога, ибо несомненно то, что Бог Сам приходит к чистому, **975**. потому что обителью чистого бывает только чистый. Умозаключения же мало ведут к ведению Бога, ибо всякому понятию есть другое противоположное, а мое учение не терпит на все удобопреклонной веры. Весьма важно держаться сказанного: **980**. кто возлюбил, тот будет возлюблен; а кто возлюблен, в том обитает Бог (Ин. 14:21–23). А в ком Бог, тому невозможно не сподобиться света; первое же преимущество света – познавать сам свет. Так любовь доставляет ведение. **985**. Такой путь к истине лучше уважаемого многими пути ума и его тонкостей.

А что может быть изречено, откроем сие. Безначальный, Начало, Дух – досточтимая Троица. Не имеющий причины, Рожденный, Исходящий, **990**. и первый – Отец, второй – Сын и Слово, третий не Сын, но Дух единой сущности – Единый в Трех Бог и общее поклонение. Ими разрешаюсь от смертного состава. И ты будь поклонником Их, соблюдай Их в себе, **995**. отринув всякую нечистоту жизни дольней, честной жизнью, истинным учением и ненавистью к вымыслам, и устремляйся в горня. И я желал бы, чтобы ты стал богаче меня и сподобился большего дерзновения.

11. Разговор с миром

Вопрос. Хочу судиться с тобою, мир. Отвечай мне прежде всего: кто и откуда ты и куда стремишься? Как же ты водишь меня, кругом вертя, как муравья?

Ответ. Не знаю, откуда произошел я, но, без сомнения, от Бога. **5**. Стремлюсь же к лучшему. Не я тебя вожу, но сам ты беспорядочен, сам оскорбляешь меня.

Вопрос. Итак, отчего ты стоишь твердо, а я непостоянен?

Ответ. Я не от себя таков; и что же в этом за превосходство? А ты одарен волей; если хочешь, приобретешь еще больше.

Вопрос. **10.** Хорошо! А что во мне отвне, кто тем движет?

Ответ. Что же в этом худого? Совершенным доставляет это случай ко спасению.

Вопрос. Или лучше винить себя самого?

Ответ. Совершенная правда!

12. О бренности естества человеческого

Мир дружелюбный, но дружелюбный не во всем! Для чего ты, как вертящийся волчок, когда желал бы я идти противной дорогой, стремительно увлекаешь меня, как мелкого муравья, сколько ни жалуясь на жестокое насилие, – увлекаешь ты, столько величественный, меня – существо немаловажное? **5.** Знаю, что ты от Бога и Божия слава, но и я сам создан Христовой рукой и составлен из того и другого, из земного и небесного. Хотя тело у меня из земли, но душа есть дыхание великого Ума. Но каким множеством бедствий влачусь я туда и сюда, бедствий, **10.** происшедших то от меня самого, то от неприязненного! Как привыкший к морю дельфин, на суше от воздуха я умираю. Моя жизнь миновала, о мир; веди невредимым народ!

13. О том же⁶⁸

Как птицы или как на море корабли, перегоняем друг друга – и я и время, ничего не имея в себе постоянного. Но в чем я согрешил, то не проходит, а пребывает; и это всего бедственнее в жизни. **5.** Не знаю, чего желать себе, продолжения ли жизни или смерти; в обоих случаях объемлет меня страх. Рассуди об этом сам. Жизнь моя обременена грехами; а если умру, увы! увы! там нет уже врачевства от прежних немощей. Если же это обещает жизнь, в которой столько скорбей, **10.** то значит, что и смерть не избавляет от бедствий. С обеих сторон пропасть; что же будем делать? Не лучше ли обратить взоры к Тебе единому и к Твоему милосердию?

14. О человеческой природе⁶⁹

Вчера, сокрушенный своими скорбями, сидел я один, вдали от людей, в тенистой роще и снедался сердцем. В страданиях люблю я такое врачевство и охотно беседую наедине со своим сердцем. **5.** Ветерки жужжали и вместе с поющими птицами с древесных ветвей ниспосылали добрый сон даже и слишком изнемогшему духом. А на деревьях, любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики из музыкальных гортаней оглашали весь лес своим щебетанием. **10.** Неподалеку была прохладная вода и, тихо струясь по увлажненной ею роще, омывала мои ноги. Но мною так же сильно, как и прежде, владела скорбь. Ничто окружающее не развлекало меня, потому что мысль, когда обременена горестями, нигде не хочет встретить утешения. **15.** И я, увлекаемый кружением парящего ума, видел в себе такую борьбу противоположных помыслов.

Кто я был? Кто я теперь? И чем буду? Ни я не знаю сего, ни тот, кто обильнее меня мудростью. Как покрытый облаком, **20.** блуждаю туда и сюда; даже и во сне не вижу, чего бы желал, потому что и низок, и погряз в заблуждениях всякий, на ком лежит темное облако

⁶⁸ В ТСО стихотворение № 13 публиковалось в цикле «О бренности естества человеческого», без названия под № 2. — *Ред.*

⁶⁹ В ТСО стихотворение № 14 было включено в цикл «Песнопения таинственные» (см.: Ч. 4. С. 212). — *Ред.*

дебелой плоти. Разве тот премудрее меня, кто больше других обольщен лживостью собственного сердца, готового дать ответ на все?

25. Я существую. Скажи: что это значит? Иная часть меня самого уже прошла, иное я теперь, а иным буду, если только буду. Я не что-либо неперменное, но поток мутной реки, который непрестанно притекает и ни минуты не стоит на месте. Чем же из этого ⁷⁰ назовешь меня? Что наиболее, по-твоему, составляет мое я? Объясни мне сие; и смотри, **30.** чтобы теперь этот самый я, который стою перед тобой, не ушел от тебя. Никогда не перейдешь в другой раз по тому же потоку реки, по которому переходил ты прежде. Никогда не увидишь человека таким же, каким видел ты его прежде.

Сперва заключался я в теле отца, потом приняла меня мать, но как нечто общее обоим; **35.** а потом стал я какая-то сомнительная плоть, что-то не похожее на человека, срамное, не имеющее вида, не обладающее ни словом, ни разумом; и материнская утроба служила мне гробом. И вот мы от гроба до гроба живем для тления! Ибо в этой самой жизни, которую прохожу, вижу одну трату лет, которая мне приносит гибельную старость. А если там, как говорит Писание, **40.** примет меня вечная и нетленная жизнь, то скажи: настоящая жизнь, вопреки обыкновенному твоему мнению, не есть ли смерть, а смерть не будет ли для тебя жизнью?

Еще не родился я в жизнь. Для чего же сокрушаюсь при виде бедствий, как нечто приведенное в свой состав? Это одно и непреложно для существ однодневных; **45.** это одно для меня сродно, непоколебимо, не стареется, после того как, выйдя из недр матери, пролил я первую слезу, прежде нежели коснулся жизни, оплакав все те бедствия, с которыми должен встретиться. Говорят, что есть страна, подобная древнему Криту, **50.** в которой нет диких зверей, и также есть страна, где неизвестны хладные снега. Но из смертных никто еще не хвалился тем, что он, не испытав тяжелых бедствий жизни, переселился отсюда. Бессилие, нищета, рождение, смерть, вражда, злые люди – эти звери моря и суши, все скорби – вот жизнь! **55.** И как много я видел напастей, и напастей ничем не услажденных, так не видал ни одного блага, которое бы совершенно лишено было скорби, с тех пор как пагубное вкушение и зависть противника заклеямили меня горькой опалой.

К тебе обращаюсь, плоть, к тебе, столько неисцельной, **60.** к тебе – льстивому моему врагу и противнику, никогда не прекращающему нападений. Ты злобно ласкающийся зверь, ты (что всего страннее) охлаждающий огонь. И великое было бы чудо, если бы напоследок и ты сделалась когда-нибудь ко мне благорасположенной!

И ты, душа моя (пусть и тебе сказано будет приличное слово), кто, откуда и что такое? **65.** Кто сделал тебя трупоносицей, кто твердыми узами привязал к жизни, кто заставил непрестанно тяготеть к земле? Как ты – дух – смесилась с дебелостью, ты – ум – сопрягалась с плотью, ты – легкая – сложилась с тяготой? Ибо все это противоположно и противоборствует одно другому. Если ты вступила в жизнь, будучи посеяна вместе с плотью, **70.** то насколько пагубно для меня такое сопряжение! Я образ Божий – и родился сыном срама, со стыдом должен матерью своего достоинства наименовать похотение, потому что началом моего прозябения было истекшее семя, и оно истлело, потом стало человеком и вскоре будет не человеком, но прахом, – таковы последние мои надежды! **75.** А если ты, душа моя, что-нибудь небесное, то желательно знать, откуда ведешь начало? И если ты Божие дыхание и Божий жребий, как сама думаешь, то отложи неправду, и тогда поверю тебе, потому что в чистом несвойственно быть и малой скверне. Тьма не доля солнца, и светлый дух никогда не был порождением **80.** духа лукавого. Как же ты возмущаешься столько от приращений губительного велиара, хотя и сопряжена с небесным духом? Если и при такой помощи кло-

⁷⁰ Из того, чем я был, есмь и буду.

нишься ты к земле, то, увы! увы! сколь многомогуч твой губительный грех! **85**. А если ты во мне не от Бога, то какая твоя природа? Как страшно, не надмеваюсь ли напрасной славой!

Божие создание, рай, Едем, слава, надежда, заповедь, дождь – истребитель мира, дождь – огонь с неба, а потом закон – писаное врачевство, **90**. а потом Христос, соединивший Свой образ с нашим, чтобы и моим страданиям подал помощь страждущий Бог, и соделал меня богом чрез Свое человечество... Но мое сердце ничем не приводится в чувство. В самоубийственном исступлении, подобно вепрям, намираем мы на меч. **95**. Какое же благо жизни? Божий свет. Но и его преграждает мне завистливая и ужасная тьма. Ни в чем не имею преимущества, если только не преимуществуют предо мной злые. О, если бы при больших трудах иметь мне равную с ними долю! Я повержен в изнеможение, **100**. поражен Божиим страхом, сокрушен дневными и ночными заботами. Этот высоковольтный и поползновенный гонит меня сзади, наступил на меня пятой. Говори ты мне о всех страхованиях, о мрачном тартаре, о пламенеющих бичах, о демонах – истязателях наших душ: **105**. для злых все это басня! Для них всего лучше то, что под ногами. Их нимало не приводит в разум угрожающее мучение. Лучше было бы беззаконникам остаться впоследствии ненаказанными, нежели мне ныне сокрушаться о бедствиях греха.

Но что говорить о людях? **110**. К чему так подробно описывать скорби нашего рода? Все имеет свои горести. И земля не непоколебима, и ее приводит в содрогание ветер. Времена года стремительно уступают место одно другому. Ночь гонит день, буря помрачает воздух, солнце затмевает красоту звезд, **115**. а облако – красоту солнца. Луна возрождается вновь. Звездное небо видимо только в половину. И ты, денница, был некогда в Ангельских ликах, а теперь, ненавистный, со стыдом спал с неба! Умилосердись надо мной царственная, досточтимая Троица! **120**. И Ты не вовсе избегла от языка безрассудных однодневных тварей! Сперва Отец, потом великий Сын, а потом Дух великого Бога были предметом хулы!

К чему приведешь ты меня, зломудренный язык? Где прекратятся мои заботы? Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. **125**. Не напрасно (возобновлю опять песнь) сотворил меня Бог. От нашего малодушия такая мысль. Теперь мрак, а потом дастся разум, и все уразумеешь, когда будешь или созерцать Бога, или гореть в огне.

Как скоро воспел мне сие любезный ум, утолилась моя скорбь. **130**. Поздно пришел я домой из тенистой рощи; и иногда смеюсь над рассуждающими иначе, а иногда, если ум в борьбе с самим собой, томлю скорбью сердце.

15. О малоценности внешнего мира⁷¹

Кто я был? Кто я теперь? И чем буду по прошествии недолгого времени? Куда приведешь и где поставишь, Бессмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнению, мы ничего не значащие однодневные твари и напрасно поднимаем высоко брови, **5**. ежели в нас то одно и есть, что видят люди, и ничего не имеем мы, кроме гибнущей жизни.

Теленок, едва оставил недра рождающей [матери], уже и скачет, и крепко сжимает сладкие сосцы, а на третьем году носит ярмо, влачит тяжелую колесницу **10**. и могучую выю влагает в крепкую упряжь. Пестровидный олень, едва из материнской утробы, и тотчас твердо становится на ноги подле своей матери, бежит от кровожадных псов и от быстрого коня, скрывается в чащах густого леса. **15**. Медведи, порода губительных вепрей, львы, равный ветру в скорости тигр и рыси лишь в первый раз завидят железо, тотчас у них ошенилась шерсть, и с яростью бросаются они на сильных звероловов. Недавно еще покры-

⁷¹ В ТСО стихотворение № 15 было включено в цикл «Песнопения таинственные» под названием «Слово 11, о малоценности внешнего человека и о суете настоящего» (см.: Ч. 4. С. 217). – *Ред.*

тый перьями птенец, едва оперился, **20.** и высоко над гнездом кружится по просторному воздуху. Золотая пчела оставила только пещеру, и вот строит себе напротив обитель и дом наполняет сладким мёдом; а все это – труд одной весны. У всех у них готовая пища, всем пир дает земля. **25.** Не рассекают они яростного моря, не пашут земли; нет у них хранилищ, нет виночерпиев. И быстролетную птицу питают крылья, а зверей – дебри. Если и трудятся, то у них небольшая однодневная работа. А огромный лев, как слышал я, растерзав зверя, им умерщвленного, **30.** гнушается остатками своего пира. Притом сказывают, что он попеременно в один день вкушает пищу, а в другой одним питием прохлаждает жадную гортань, чтобы приучить к воздержности чрево. Так жизнь их не обременена трудами. Под камнем или ветвями всегда готовый у них дом. **35.** Они здоровы, сильны, красивы. Когда же смирит болезнь, беспечально испускают последнее дыхание, не сопровождают друг друга плачевными песнями, и друзья не рвут на себе волос. Скажу еще более: они бестрепетно теряют жизнь; **40.** и зверь, умирая, не боится никакого зла.

Посмотри же на жалкий человеческий род; тогда и сам скажешь со стихотворцем ⁷²: «Нет ничего немощнее человека». **45.** Я плод истекшего семени; с болезнями родила меня мать, и воскормлен я с великими и тяжкими трудами. Сперва мать носила меня в объятиях – сладостный труд! а потом не без болезненных воплей сошел я на землю; потом стал ходить по земле как четвероногий, пока не поднялся на колеблющиеся ступни, поддерживаемый чужими руками. **50.** Со временем в намеках немощствующего голоса проблеснул мой ум. А потом уже под руководством других я выплакал себе слово. В двадцать лет собрался я с силами, но прежде этого, как подвизавшийся на поприще, встретил много поражений. Иное остается при мне, другое для меня погибло, а над иным (да будет известно тебе, душа моя!) будешь еще трудиться, проходя жизнь **55.** – это стремление во всем тебе противное, этот дикий поток, это волнующееся море, то здесь, то там вскипающее от непрестанных порывов ветра. Часто обуреваюсь собственным своим безрассудством; а его навел на меня противник нашей жизни – демон.

60. Если верно установишь весы и взвесишь все, что в жизни приятного и что при-
скорбного, то одна чаша, до верха нагруженная злом, пойдет к земле, а другая, напротив, с благами жизни, побежит вверх. Война, море, возделывание земли, труд, разбойники, приобретение имущества, описи имений, сборщики податей, ходатаи по делам, **65.** записи, судьи, несправедный начальник – все это еще детские игрушки в многотрудной жизни. Посмотри и на приятность жизни: пресыщение, обременение, пение, смехи, гроб, всегда наполненный истлевшими мертвецами; брачные дары, брак, брак второй, если расторгся прежний, **70.** прелюбодеи, поимка прелюбодеев; дети – тревожная скорбь; красота – неверная приманка; безобразие – невинное зло; заботы о добрых детях, печаль о дурных; богатство и нищета – сугубое зло, презорство, гордость – все это как шар, летающий из рук в руки у юнцов.

75. Итак, смотря на сие, снедаюсь сердцем, если почитают лучшим то, в чем больше зла, нежели добра. Не плачешь ли, слыша, сколько было скорбей у живших до нас? Впрочем, не знаю, **80.** будешь ли ты при этом плакать или смеяться. Мудрецы древности находили для себя приличным и то и другое; и у одного из них это извлекало слезы, а в другом возбуждало смех, что трояне и ахейцы, друг на друга бросаясь, бились и взаимно себя истребляли за прелюбодейную жену; что брань была у куретов и у воинственных этолийцев за свиную голову и за щетину молодого кабана; **85.** что Эаковы сыны, при всей великой славе, умерли, один – среди врагов от неистовой руки, а другой – от женолюбия; что именит был Амфитрионов сын ⁷³, но и этот всеразящий погиб от ядоносной одежды. Не избежали злой участи **90.** и Киры и Крезы, а равно и наши, как будто вчерашние только, цари. И тебя, почитавшийся

⁷² Гомер. Одиссея XVIII, 130.

⁷³ Геракл. – Ред.

сыном змия, неудержимая сила – Александр, погубило вино, когда обошел ты целую землю! Какое преимущество между сгнившими? Тот же прах, те же кости – и герой Атрид и нищий Ир, **95.** царь Константин и мой служитель; и кто злострадал, и кто благоденствовал, у всех нет ничего, кроме гроба.

Такова здешняя участь; но что же в другой жизни? Кто скажет, что приносит неправедным последний день? Там клокочущий пламень, ужасная тьма удалившимся от света, **100.** червь, всегдашнее памятование наших грехов. Лучше бы тебе, грешник, не вступать во врата жизни и, если вступил, всему разрушиться наравне со зверями, чем после того, как терпишь здесь столько скорбей, понести еще наказание, которое тяжелее всего претерпеваемого тобой в здешней жизни! **105.** Где великая слава моего прародителя? Погублена снедью [запретного плода]. Где премудрый Соломон? Покорен женами. Где этот Иуда, сопчисленный к двенадцати? За малую корысть объят тьмой.

Молю Тебя, Царь мой Христос: подай, Блаженный, **110.** Твоему служителю немедленное исцеление от зол, переселив его отсюда! Для людей одно только благо, и благо прочное, – это небесные надежды. Ими дышу я несколько, а к прочим благам чувствую великое отвращение. И я готов предоставить существам однодневным все то, что влачится по земле, **115.** отечество и чужую сторону, престолы и сопряженные с ними почести, близких, чужих, благочестивых, порочных, откровенных, скрытных, смотрящих независтливым оком, снедаемых внутренне самоубийственным грехом. Другим уступаю приятности жизни, а сам охотно их избегну.

120. О, какой продолжительной сделали эту жизнь бедствия! Долго ли мне сидеть у гноища? Как будто все блага нашей жизни заключены в одном утешении – изо дня в день то принимать в себя, то извергать отмеренное. Не многим пользуется гортань, а все прочее переходит в сток нечистот. **125.** Еще зима, еще лето; то весна, то осень попеременно; дни и ночи – двойные призраки жизни; небо, воздух, море – во всем этом, и что неподвижно, и что вращается, ничего для меня нет нового, всем я пресыщен. Другую даруй мне жизнь и другой мир, для которого охотно снесу все тяжести трудов. **130.** Лучше бы мне умереть, когда заключил Ты меня в материнскую утробу, ибо, как скоро начал я жизнь, моим уделом стали тьма и слезы.

Что это за жизнь? Воспрянув из гроба, иду к другому гробу и, восстав из могилы, буду погребен в нещадном огне. **135.** Да и это время, пока дышу, есть быстрый поток бегущей реки, в которой непрестанно одно уходит, другое приходит и нет ничего постоянного. Здесь все один прах, который закидывает мне глаза, и я дальше и дальше отпадаю от Божия света, оцупью, по стене, хватаясь за то и другое, **140.** брожу вне великой жизни. Отважусь на одно правдивое слово: человек есть Божия игра, подобная одной из тех, какие видим в городах. Сверху надета личина, которую сделали руки; когда же она снята, каменею от стыда, явившись вдруг иным. **145.** Такова вся жизнь жалких смертных. У них на сердце лежит мечтательная надежда, но тешатся ею недолго.

А я, который держусь за Христа, никогда не отрешусь от Него, пока связан узами сей перстной жизни. Во мне двоякая природа. Тело сотворено из земли, **150.** потому и преклонно к свойственной ей персти. А душа есть Божие дыхание и всегда желает иметь лучшую участь пренебесных. Как поток течет из источника по ровному месту, а пламенеющий огонь знает один неизменный путь – возноситься вверх, **155.** так и человек велик; он даже Ангел, когда, подобно змее, совлекши с себя пестровидную старость, восходит отсюда. Торжествуйте, иереи: я умер! И вы, злые соседи, не придете уже от меня в трепет, как прежде! Вы сами себе заграждаете великое милосердие присноживущего Царя. **160.** А я, оставив все, имею одно – крест, светлый столп моей жизни. Когда же буду восхищен отсюда и коснусь пренебесных жертв, к которым не приближается скрытное зло – зависть, тогда (если позволено сказать) и за завистливых буду независтно молиться.

16. О путях жизни

⁷⁴Кто я? Откуда пришел в жизнь? И после того, как земля примет меня в свои недра, каким явлюсь из восставшего праха? Где поставит меня великий Бог? И, исхитив отсюда, введет ли в спокойную пристань? **5.** Много путей многобедственной жизни, и на каждом встречаются свои скорби; нет добра для людей, к которому бы не примешивалось зло; и хорошо еще, если бы горести не составляли большей меры! Богатство неверно; престол – кичение сновидца; **10.** быть в подчинении тягостно; бедность – узы; красота – кратковременный блеск молнии; молодость – временное вскипение; седина – скорбный закат жизни; слова летучи; слава – воздух; благородство – старая кровь; сила – достояние и дикого вепря; **15.** пресыщение нагло; супружество – иго; многочадие – необходимая забота; бесчадие – болезнь; народные собрания – училище пороков; недеятельность расслабляет; художества приличны пресмыкающимся по земле; чужой хлеб горек; возделывать землю **20.** трудно; большая часть мореплавателей погибли; отечество – собственная яма; чужая сторона – укоризна. Смертным все трудно; все здешнее – смех, пух, тень, призрак, роса, дуновение, перо, пар, сон, волна, поток, след корабля, ветер, прах, **25.** круг, вечно кружащийся, возобновляющий все подобное прежнему, и неподвижный и вертящийся, и разрушающийся и непременный – во временах года, днях, ночах, трудах, смертях, заботах, забавах, болезнях, падениях, успехах.

И это дело Твоей премудрости, Родитель и Слово, что все непостоянно, **30.** чтобы мы сохраняли в себе любовь к постоянному! Все обтек я на крыльях ума – и древнее, и новое; и ничего нет немощнее смертных. Одно только прекрасно и прочно для человека: взяв крест, преселяться отселе. **35.** Прекрасны слезы и воздыхания, ум, питающийся божественными надеждами, и озарение пренебесной Троицы, вступающей в общение с очищенными. Прекрасны отрешение от неразумной персти, нерастление образа, принятого нами от Бога. Прекрасно жить жизнью, чуждой жизни, и, **40.** один мир променяв на другой, терпеливо переносить все горести.

17. Блаженство и определения духовной жизни⁷⁵

Блажен, кто ведет пустынную жизнь, не имеет общения с привязанными к земле, но обожил свой ум.

Блажен, кто в общении со многими не развлекается многим, но переселил к Богу всецелое сердце.

5. Блажен, кто вместо всех стяжаний приобрел Христа, у кого одно стяжание – крест, который и несет он высоко.

Блажен, кто господин своих чистых от неправды стяжаний и подает нуждающимся божескую руку.

Блаженна жизнь счастливых девственников, **10.** которые, отрясши плоть, близки к чистому Божеству.

Блажен, кто, уступив немного законам брака, приносит в дар Христу большую часть любви.

Блажен, кто, восприяв на себя власть над народом, чистыми и великими жертвами примиряет Христа с земнородными.

⁷⁴ В ТСО стихотворение № 16 присоединено как часть к «Слову 11, о малоценности внешнего человека» в цикле «Песнопения таинственные». – *Ред.*

⁷⁵ 1 У Библия стихотворение 16-е. В ТСО стихотворение № 17 включено в цикл «Песнопения таинственные» (см.: Ч. 4. С. 224). – *Ред.*

15. Блажен, кто, принадлежа к стаду, занимает место между пасомыми, как совершеннейшая овца Христова.

Блажен, кто в высоких парениях очищенного ума видит светозарность небесных светов.

Блажен, кто многотрудными руками чтит царя **20.** и для многих служит законом жизни.

Все они наполняют собой небесные точила – эти хранилища для плода наших душ, хотя каждая добродетель ведет в особое место, потому что много обителей (см.: Ин. 14:2) для многих родов жизни.

25. Блажен, кто показал великий дух, обнищавший страстями, кто проводит здешнюю жизнь в слезах, кто всегда алчет небесной пищи, кто чрез кротость делает себя наследником великих обетований, кто своей сострадательностью привлекает к себе великое Божие милосердие, **30.** кто друг мира и чист сердцем, кто терпит великие скорби ради Христа – великой славы, и сам идет во сретение великой славе.

Иди какой хочешь из этих стезей. Если пойдешь всеми, это всего лучше. Если пойдешь немногими – второй тебе венец. А если пойдешь и одной, **35.** но превосходно – и то приятно. Всем уготованы обители по достоинству – и совершеннейшим, и менее совершенным.

И Раав неблагочинную вела жизнь, но и ту соделала славной чрез свое превосходное страннолюбие (Нав. 6:16). Мытарь за одно – за смиренномудрие получил преимущество перед фарисеем, **40.** который много превозносился (Лк. 18:10–14). Лучше девственная жизнь, подлинно лучше! – но если она предана миру и земному, то хуже супружества. Высока жизнь целомудренных нестяжателей, привитающих ⁷⁶ в горах, но гордость и их низлагала неоднократно, потому что они, **45.** не измеряя своей добродетели другими совершеннейшими образцами, иногда в сердце своем именуют высотой, что не высоко, а не редко, при пламенеющем уме, ноги, как горячие кони, несут их далее цели. Посему или на легких крылах несись все выше и выше, **50.** или, оставаясь внизу, совершай безопасное течение, не страшась, что какая-нибудь тяжесть преклонит крылья твои к земле и ты, вознесшись, падешь жалким падением.

Малый корабль, скрепленный частыми гвоздями, поднимает больше груза, нежели большой корабль, худо связанный. **55.** Тесный путь устроен к Божиим вратам, но многие стези выводят на одну дорогу. Пусть одни идут той, а другие – другой стезей, какую кому указывает природа, только бы всякий вступил на тесный путь.

Не всем равно приятна одна снедь, **60.** и христианам приличен не один образ жизни.

Для всех превосходны слезы, бдения и труды. Для всех хорошо обуздывать ярость беспокойных страстей, преодолевать невоздержность, подклоняться под державную руку Христову и трепетать грядущего дня ⁷⁷. **65.** Если же идешь совершенно горним путем, ты уже не смертный, но, по Григориеву слову, один из небожителей.

18. О человеческой жизни⁷⁸

Персть, брение, кружащийся прах! Земля опять соединяется с землей, повивается земными пеленами и снова делается перстью, как прах, который сильным круговоротом ветров поднят в высоту и потом брошен вниз. **5.** Ибо так и нашу кружащуюся жизнь бури лукавых духов подьют в высоту – ко лживой славе, **10.** но персть тотчас опадает вниз и остается долу, пока слово Сотворившего не составит воедино вновь того, что было соединено и разрушилось по нужде. А теперь сия персть, в которую вложен дух с Божиим образом, как бы

⁷⁶ Привитати (*ц. – сл.*) – обитать (Пс. 103:12). – *Ред.*

⁷⁷ Суда но всеобщем воскресении.

⁷⁸ В ТСО стихотворения № 18 и 19 объединены в цикл «Жизнь человеческая» под № 2 и 1 – соответственно. – *Ред.*

вынырнув из какой-то глубины, **15.** возглашает земные печальные песни и оплакивает жизнь по видимости улыбающуюся.

19. О том же

Эта краткая и многообразная жизнь есть какое-то колесо, вертящееся на неподвижной оси: то идет вверх, то склоняется вниз, и хотя представляется чем-то неподвижным, однако же не стоит на месте; убегая, держится на одном месте, и, держась, убегает; стремительно скачет, и не может сдвинуться с места; силится движением своим переменить положение, и от того же движения приходит в прежнее положение. Посему ни с чем лучше нельзя сравнить жизнь, как с дымом, или со сновидением, или с полевым цветком.

20. Пристрастие

Всякое пристрастие опасно. Пристрастие к любимому – двойная опасность. Пристрастие к молодой девице – тройное жало. Если же она прекрасна, то это еще большее зло. И если представляется возможность супружества, **5.** то самая внутренность сердца стала пищей огня.

21. Смерть любезных

Всякий гроб возбуждает горечь. Гроб сына – двойное горе; сына с добрыми качествами – такое бедствие, которое палит как огонь. А если сын едва лишь сочелся браком, то сердце родителей рвется на части.

22. Недобрые друзья

Тяжело страдать, а еще тяжелее страдать от друзей. Если же друзья угрызают тайно, то сие нестерпимо; и если они верующие – еще нестерпимее; а если Божии служители, **5.** то куда обратиться тогда? Как избежать стремления зол?

23. О том же⁷⁹

Тяжело сносить огорчение. А если оскорбляет друг – это низко. Если он угрызает тайно – это зверско. И если это болтливая жена, то живешь в одном доме с бесом. И если это судия, **5.** то нужны гром и молния. А ежели священнослужитель, тогда Ты, о Христе, выслушай и *разсуди прю* (Пс. 42:1).

24. На тех, которые часто клянутся

Разговор

Что хуже клятвы? Я рассуждаю, что нет ничего хуже.
Скажи же, чем ты это докажешь?
Самыми очевидными и ясными доводами.
Открой, какими?

⁷⁹ В ТСО стихотворение № 23 публиковалось без названия в цикле «Недобрые друзья», под № 2. — *Ред.*

5. Следующими; отвечай мне, и увидим.

Говори, любезнейший, что только можешь сказать.

Знаешь ли, что выше всего тебе известного?

О каком роде вещей спрашиваешь?

О всем, что ни есть видимого и мысленного.

10. Я ничего не представляю себе выше Бога.

Ты отвечаешь правильно, но я спросил неправильно.

Как же надлежало?

Бог не есть что-либо высшее, потому что Он несравним. Не ясно ли это?

15. По мне, весьма ясно.

Посему надлежало, может быть, спросить так: что самое высочайшее?

Думаю, что так.

Но и это не в смысле ли сравнения будет сказано?

Не полагаю.

Как же скажешь? Высочайшим бывает что-нибудь не иначе, как в отношении к среднему с ним. **20.** А с Богом что сродно?

Ничто.

Посему о Боге надлежит выразиться иначе.

Как ты скажешь, так и я готов принять.

Что же? Не должно ли сказать, что Бог несравним ни с чем из всего известного?

25. Кажется, что так.

А не досточтим ли и не единственно ли досточтим Он для всякого естества?

Единственно досточтим; это хорошо сказано.

А будучи досточтимым, может ли быть вместе и оскорбляем?

Как соединить несоединимое?

Рассмотрим же: к чести ли Божией служит клятва?

30. Но, по крайней мере, не к оскорблению.

Так; если бы не было опасности от ложной клятвы, тогда клятва была бы делом богочестия. **35.** Но теперь смотри, в чем дело и к чему оно клонится?

Почти понимаю, однако же прошу объяснить речь очевидным подобием.

Каким бы это? Видал ты большой камень, падающий с горы?

40. Очень часто.

И он катился вниз с великим шумом?

Даже наводил большой страх.

А видал также, что его удобно останавливали?

Разве кто другой видал, а я нет, **45.** потому что камень сам себя понуждает к падению и сильнее всякой руки.

Правда твоя. То же бывает и со мной: стремительность увлекает меня в насильственный поступок. Но вначале и мне, так же как и камню, очень нетрудно было бы удержаться в покое?

50. Очень нетрудно, и почему бы не удержаться?

Этому камню подобен и всякий порок, особенно же, как думаю, худой навик клясться.

А почему же так?

Слушай: этот порок имеет немалую привлекательность. **55.** А если человек получает к нему пристрастие, что тогда бывает? Он уже не удерживается, пока не низринется в стремистую бездну.

Что разумеешь под стремниной?

Самая большая из стремнин есть ложная клятва.

60. Приятно было бы слышать, почему это.

А многие и не знают, насколько это худо.

Насколько же именно?

Не часто ли случается, что иной клянется своим спасением?

Очень не редко.

65. Что же это? Боится, чтобы, поступив худо, не потерпеть за это зла, и сам полагает пред Богом собственное свое спасение, решаясь погибнуть, если каким-нибудь образом солжет своему слову.

70. Так мне кажется.

Такое же сделай рассуждение, если когда клянешься и Богом.

Какое же? Желательно видеть.

Ты полагаешь в качестве залога Бога своей веры.

Да, не иначе.

75. И для клянущегося правдиво Бог соблюден, а если клянемся ложно, то в отношении к нам Он утрачен.

Справедливо говоришь.

Но скажи, что значит по твоему мнению не соблюсти для себя Бога?

80. Думаю, что это значит отречься от Бога.

Итак, ложная клятва, как давно уже это доказано, есть отречение от Бога.

Как же избежать клятвы?

85. Приобретем такие нравы, которые бы внушали доверие.

Великое дело сказал ты.

Благонравным менее нужды в клятве; что говорю: менее? Им вовсе не нужна клятва. За них порукой добрые нравы.

90. Действительно так.

Скажи же, что приобретают те, которые много клянутся?

Осмеяние.

А к этому что еще присовокупить? Разве то, что им не верят, когда говорят и правду.

Согласен на это.

95. Итак, послушайся меня и, воспользовавшись врачевствами рассудка, особенно положи в себе преграды этому недугу. Многие же из известных мне одерживали верх над недугами и сильнейшими этого.

100. Какие разумеешь сильнейшие недуги?

Гнев, зависть, невоздержность и тому подобное.

Почему же они сильнее?

Потому что пожелание больше. А к чему пожелание стремительно, к тому и привязанность сильнее.

Совершенно основательно. **105.** Но если болезнь в тебе неудержима, что тогда делать?

По крайней мере, остерегайся непрестанно при всяком случае умножать тяжкие клятвы.

Когда же, какие и при каких случаях дозволишь ты клятвы? Например, дозволишь ли, когда настанет нужда?

Пусть так.

110. Но присовокупи, какая именно нужда. Не та ли, чтобы иных избавить от опасности?

Тогда, по крайней мере, полезна клятва.

Или и себя избавить от обвинений в гнусном преступлении.

115. Да! Но клятва никогда не должна служить мне к приобретению имущества, потому что сие представляется крайне гнусным и весьма легко может вовлечь в ложную клятву. Да

и что, кроме корысти, чаще приводит к ложным клятвам? Как скоро касается дело до денег, **120.** весьма многие оказываются злонравными.

Кто не согласится с этим? И софисты утверждали то же.

Важно ли же это для нас?

Нимало. Но если станем подражать и окажемся худшими, то это для нас будет постыдно.

125. И очень. Каких же клятв особенно избегать должно?

Само собою видно.

Однако же безопаснее услышать от тебя.

Я утверждаю, что должно избегать клятв наиболее ужасных.

Разве боишься о них выговорить?

130. Короче сказать, тех, в которых упоминается Божие имя.

А в которых упоминаются Писание, Христовы страдания и приношения Богу?

И это равно таинственно.

А у нас больше всего в обыкновении так клясться.

О том и проливаю слезы. **135.** Ибо что утверждено обычаем, то обращается в закон. Однако же чего не сможет преодолеть разум?

Какую же дозволишь клятву?

Желал бы никакой не позволять, а в противном случае пусть будет какая-нибудь другая клятва.

Неужели не должно клясться женой, детьми, спасением, **140.** жизнью и будущим беспечальным веком?

Это суть проклятия, хотя почитаются также и клятвой.

Пусть почитаются; только бы мы, поражаемые сей клятвой, не погибали. В таком случае нет опасности для души, **145.** которую погубить есть уже конечная смерть.

Справедливо говоришь. Но у тебя, как скоро закипело сердце, при всяком случае готовы на языке: Бог, святая трапеза, что для тебя всего любезнее, крест, жена, Божия Кровь, своя собственная кровь, **150.** земля и море – словом, всё что ни представит тебе прежде всего твоя негодная опрометчивость при содействии твоего губителя, который производит даже и то, что самая болезнь кажется тебе приятной; и ты (странное неразумие!) **155.** остаешься уверенным, что с твоего гнилого языка льется золото.

Точно так и бывает, как говоришь ты.

Одна волна воздвигает другую, когда в тебе дышат, может быть, гнев, а может быть, и страсть к деньгам. **160.** Ибо много сетей, и человек не почитает страшным делом расточаемых им клятв.

Да, не почитает страшным.

Но его, бедного, душит клятва, если задерживает ее в себе.

Ты как живописец изображаешь эту страсть.

165. Он думает уверить тем самым, чрез что делается более недостойным доверия. Не понятное ли это дело? На что тебе много слов, если имеет силу одно?

Конечно, напрасный труд.

На что же тебе и многие клятвы, если бы имела силу одна?

Думаю, что тогда не было бы нужды во многих.

170. Посему множество клятв есть уже признак, что нет к тебе доверия.

Не иначе; правду ты говоришь.

Поэтому или вовсе не клянись, или клянись как можно реже.

Это лучше всего.

175. Если одна клятва нарушается, то и все будут нарушены.

Прекрасное заключение.

Разве иной скажет: множеству клятв лучше поверят.

Так обыкновенно думают.

Но разве, сложив вместе несколько пылинок, сделаешь из этого золото?

180. Кто ж это сделает? В природе ли это вещей?

А на каком же основании из многого невероятного составится вероятное?

Мне кажется, что никакого нет к тому основания.

Перестанешь ли, наконец, предпочитать всему самое негодное богатство, **185.** то есть всегда и при всяком деле, ешь ли, играешь ли в кости, плывешь ли, путешествуешь ли, в счастье ли ты или в несчастье, продаешь или покупаешь, радуешься или печалишься, находишься в кругу друзей и пирующих, **190.** изрыгать клятвы, подобно пресытившемуся пищей или питьем?

Весьма бедственное дело поступать так.

Не клянешься ли также ради всего, как будто ты уже сам не свой, как скоро другие взяли над тобой верх, **195.** словом ли, делом ли, прикровенно ли или насильственно?

По большей части так бывает на деле.

Этим оскорбляешь ты всех – и Бога и тварей.

Каким же образом всех?

Таким, что все смешиваешь воедино, даже и то, что не равно между собой. **200.** А это вервь от узды.

Что же скажешь на это? Не находим ли, что и Бог иногда клянется?

Так говорит Писание.

Но что совершеннее Бога?

Конечно, не найдешь ничего совершеннее.

205. А если ничего нет совершеннее, то значит, что Бог и клясться не может. Как же Писание говорит, что Бог клянется?

Как скоро Бог говорит что-нибудь, это уже есть клятва Божия.

Как же в Писании говорится, что Бог клянется Самим Собой?

Как? Он перестал бы совершенно быть Богом, если бы сказал ложь.

210. Ты говоришь нечто страшное.

И это в естестве Божиим, чтобы не лгать. Против сего никто не будет спорить.

А что? Ветхий Завет не запрещает клятвы, но требует только истинной.

215. Но тогда и убивать было законно, ныне же не позволено даже ударить.

Почему так?

Тогда подвергалось осуждению совершение худого поступка, ныне же осуждается самое первое движение ко греху.

Так мне кажется, потому что мы простираемся к большему совершенству.

220. А потому целомудренный и не клянется.

Что же? Им, как младенцам, даем одни начатки пищи, чтобы впоследствии могли принимать совершенную пищу?

И справедливо, и весьма умно.

225. Говорят, что и Павел клянется.

Кто это сказал тебе? Верно, какой-нибудь пустослов?

Павел сам говорит: *свидетель ми есть Бог* (Рим. 1:9), и: видит Бог.

Это не клятва.

А что же?

Непререкаемое подтверждение важности сказанного.

230. Дозволь и мне то же.

О, если бы ты и во всем, по мере сил, стал Павлом! Это верное для тебя мерило.

Не уступишь ли чего-нибудь гневу?

Хорошо.

А в гневе, конечно, всякому случается клясться.

235. Неужели по твоему мнению одинаковое зло хуже зла двойного?

Возможно ли это?

Каково тебе покажется, если ничем не раздраженный вдруг начинает клясться?

Это весьма худо.

240. А если я раздражен и сделаю еще новое зло?

И это также худо. Впрочем, меньше худо, если сделано по незнанию.

Но я подлежу ответственности за всякое свое произвольное движение.

Но если клянусь, хотя произвольно, однако же для того, чтобы избавить от опасности?

Пусть дозволяет кто-нибудь другой!

245. А если кто напишет клятву, не произнося ее словом?

Что же значит письмо? Рукописание связывает крепче уз.

Если же по нужде?

Для чего б ты не умер тогда? Надлежало бы прежде принять смерть.

250. А если дана клятва, когда не лежало перед клянущимся Писание?

Что делает клятву священной: страница или Бог?

Очевидно, что Бог.

Ты боишься пергамента, а я больше боюсь Бога. **255.** Многие подвержены этой болезни. Со многими бывает то же, что и с человеком, который бьет и бесчестит господина, а дает свободу или даже готов оказать честь его рабу.

Какое поругание!

Или который бережет царское изображение, **260.** а самого царя свергает с престола.

И это бывает. Но если осталось еще что сказать, присовокупи и то.

Многие говорят: язык произнес клятву, а ум не давал ее. **265.** Но легче во всем другом найти себе извинение, нежели в клятве. Никто и нисколько да не обманывает сам себя. Во всяком случае, клятва дана, а двоедушием сколько еще увеличивается грех!

Вижу и сам.

270. Что такое клятва? Решительная мысль.

В ужас прихожу, слыша слова твои.

Так говоришь; но пока не увижу на опыте, не знаю, верно ли это. Ибо верны дела. И свинья приходит тотчас в ужас, когда слышит крик другой свиньи.

Да.

275. Но это еще не великое дело. Если же слово коснулось сердца, то за это хвалю.

Но что же? Разве нет у меня очистительной купели ⁸⁰?

Есть. Но рассуди.

О чем же должно рассудить?

Она очищает грехопадения, но не всегда очищает и нравы.

280. Когда же может очищать и нравы?

В том одном случае, если [ты сам] предпочистишь их несколько.

Понимаю.

Нужен страх, чтобы впредь не грешить, а то, что многое прощено, еще не достоинство.

Почему же это? Объясни мне.

285. Опасно, чтобы не потребовалось вторичное очищение.

Что же это за очищение? Растволкуй.

Очищение посредством долговременных слез и измождения плоти.

Не желал бы я иметь в нем нужды.

⁸⁰ Крещения. – Ред.

Да! Страшно потерять дар более удобный.

290. Это – Божии скрижали.

Точно, Божии; но ты напиши на скрижалях своего сердца. Хочешь ли знать, что и в этом видна брань завистника, который завидует твоим успехам?

295. Весьма одолжишь, об этом сказав. Ибо много браней терплю от врага.

Слушай.

Говори.

Не без слез выслушивал я, когда ты говорил.

Что такое? Не откажусь, если говорил.

300. Ты говаривал: если вымолвлю какое-нибудь слово, но не подтвержу его клятвой, то стыжусь своих речей, как чего-то неполного.

Никакого нет сомнения, что говаривал так.

И чего недостает, сам ты дополнишь к речи. **305.** Это есть клятва – худое дополнение. Подлинно, страшный пламень!

Но Платон делает вот что. Чтобы не поклясться каким-нибудь богом, из благоговения...

Очень знаю, что скажешь. Был какой-то явор, им одним он клялся, **310.** но и тем не прямо. Хотя знал, чем клянется, однако же не присовокуплял: клянусь таким-то явором. Что же это такое? Какая-то тень клятвы, безыменное указание, клятва и вместе не клятва. **315.** Так мудрецы клялись еще чужим гением. А это не что иное значит, как чем-нибудь да поклясться. Но вот чем закончим наш разговор.

Так скоро грозишь оставить меня, не удовлетворив моей жажде.

Если клятва кажется тебе еще чем-то маловажным, **320.** не хвалю сего. А если считаешь ее такой, какова она действительно, то есть делом весьма ужасным, то отважусь на острое слово и буду заклинать тебя самой клятвой, избегать клятвы.

Победа на твоей стороне.

325. О, если это действительно так, прославлю за сие Тебя, Христе мой, чудодействующего и ныне, как чудодействовал Ты прежде! Тогда все мы единогласно воскликнем: аминь, да будет!

25. На гневливость

Сержусь на домашнего беса, на гневливость, и как кажется мне, что один этот гнев справедлив, если уж надо потерпеть что-нибудь из обычного людям. **5.** И как, принося плод, достойный слова – молчание⁸¹, я уже положил словом клятве преграды и уверен, что из многих корней, от которых прорастает это зло – клятва, самый дикий и черный есть гнев, то при помощи Божией постараюсь истребить и его, **10.** подрезав, сколько можно, острием слова. Но прежде всего прошу не гневаться на слово, ибо эта болезнь столько неудержима, что часто одна тень ожесточает нас против самых искренних наших советников. А мне, вероятно, когда берусь говорить о таком сильном зле, **15.** надо будет употребить не мягкие слова. Когда клокочет, клубясь ярким пламенем, огонь перекидывается с места на место и, после многократных приращений разгораясь, течет вверх с живым стремлением и, что ни встречает на пути, все с жадностью себе присвоивает, **20.** тогда надо угащать его силой, бросая в него воду и пыль. Или когда нужно истребить зверя – страшилище темных лесов, который ревет, мечет огонь из глаз, обливается пеной, любит битвы, убийства, поражения, **25.** тогда окружают его псалями, поражают копьями и из пращей. Так, может быть, и я при помощи Божией одолею этот недуг или, по крайней мере, сделаю его менее жестоким. А для меня

⁸¹ Из сего и подобного сему выражения, встречающегося в конце стихотворения, должно заключить, что стихотворение сие, равно как и другое: «На часто клянущихся», писаны, когда св. Григорий хранил безмолвие во время поста.

немаловажно и это, то есть и малое ослабление великого зла, как немаловажно это и для всякого, обремененного тяжелой болезнью.

30. Вникнем же в недуг сей несколько глубже: что он такое, от чего происходит и как от него уберечься. Заглянем в рассуждения древних мужей, которые углублялись в природу вещей.

35. Иные называют исступление воскипением крови около сердца. Это те, которые болезнь сию приписывают телу, как от тела же производят другие и большую часть страстей. А иные называли гневливость желанием мщения, **40.** приписывая порок сей душе, а не телу; и желание это, если устремляется наружу, есть *гнев*, а если остается внутри и строит зло, есть *злопамятство*. Признававшие же болезнь сию чем-то сложным и потому слагавшие и само понятие оной говорили, **45.** что она есть воскипение крови, но имеет причину в пожелании. Теперь не место входить в рассуждение, справедливо ли сие; впрочем, очень известно, что ум во всем властелин. Его и Господь дал нам поборником против страстей. **50.** Как дом укрывает от града, как в стенах находят убежище спасающиеся с битвы и кустарник служит опорой на склонах крутых и над пропастями, так рассудок спасает нас во время раздражения.

Как скоро покажется только дым того, что разжигает твои мысли, то прежде, **55.** нежели возгорится огонь и раздуется пламень, едва почувствуешь в себе движение [этого] духа, повергнись немедленно пред Богом и, помыслив, что Он твой покровитель и свидетель твоих движений, **60.** стыдом и страхом сдерживай стремительность недуга, пока болезнь внимает еще увещаниям. Воззови тотчас словами учеников: «Наставник, меня окружает страшное волнение; отряси сон» (Лк. 8:24)! И ты отразишь от себя раздражительность, пока владеешь еще рассудком и мыслями **65.** (ибо их прежде всего подавит в тебе эта болезнь), пока она, как не терпящий узды конь, не перегрызла удила и не помчалась быстро, оставляя за собой дорогу, холмы и овраги и гневливостью омрачив путеводные очи. **70.** Разуму легче управлять тем, кто не вышел из подчинения, нежели удержать насилием того, кто восхитил уже над ним власть. Такой, разгорячая сам себя, не остановится, пока не низринет всадника с высоты рассудка.

75. После сего рассмотри, в какой стыд приводит гнев жестоко им поражаемого. Болезни другого рода затаенны, таковы плотская любовь, зависть, скорбь, злая ненависть. Некоторые из этих недугов или вовсе не обнаруживаются, или обнаруживаются мало, и болезнь остается скрытой внутри. **80.** Иногда сама скорее изноет в глубине сердца, нежели сделается заметной для посторонних. А и то уже выгода, если беда сокрыта втайне. Но гневливость – явное и совершенно обнаженное зло, это вывеска, которая против воли тела сама себя показывает. **85.** Если видал ты уловленных этой страстью, то вполне знаешь, что говорю и что хочет изобразить мое слово.

Перед рассерженными надлежало бы ставить зеркало, чтобы, смотря в него и смиряясь мыслью **90.** перед безмолвным обвинителем их страсти, сколько-нибудь сокращали чрез это свою наглость. Или пусть будет для тебя этим зеркалом сам оскорбитель твой. В нем, если достанет охоты посмотреть, увидишь ты сам себя, ибо у страждущих одной болезнью и припадки одинаковы. Глаза налиты кровью и перекошены, **95.** волосы ошетинились, борода мокра, щеки у одного бледны, как у мертвого, у другого багровы, а у иного как свинцовые (и это, думаю, оттого, что так бывает угодно расписать человека этому неистовому и злему живописцу), **100.** шея напряжена, жилы напряжены, речь прерывистая и вместе скорая, дыхание как у беснующегося, скрежет зубов отвратителен, нос расширен и выражает совершенное презорство, всплескивания рук, топот ног, **105.** наклонения головы, быстрые повороты тела, смех, пот, утомление (и кто ж утомляет? никто, кроме беса), кивания вверх и вниз не сопровождаются словом, скулы раздуты и издают какой-то звук, как гумно, рука, стуча пальцами, грозит. **110.** И это только начало тревоги. Какое же слово изобразит, что

бывает после того? Оскорбления, толчки, неблагоприличия, лживые клятвы, щедрые излияния языка клокочущего, подобно морю, когда оно покрывает пеной утесы. **115.** Одно называет худым, другого желает, иным обременяется и все это тотчас забывает. Негодует на присутствующих, если они спокойны; требует, чтобы все с ним было в волнении. Просит себе громов, бросает молнии, недоволен самым небом за то, что оно неподвижно. **120.** Одно злое дело приводит уже в исполнение, другим насыщает свои мысли, потому что представляет все то сделанным, чего хочется. Мысленно убивает, преследует, предаёт сожжению. Но что из этого сделает? Так слепа и суетна его горячность! **125.** У него безгласен, бессилён, погонщик волов, кто у нас недавно был витией, Милоном, царем. Сам ты безроден и нищий, а того, кто благороден и богат, называешь не имеющим рода и бедняком. Сам ты поругание человечества, а тому, **130.** кто цвет красоты, приписываешь рабский вид. Сам о себе не можешь сказать, кто ты и откуда, а человека прославленного именуешь бесславным.

Не знаю, плакать или смеяться над тем, что делается. Гнев все, даже и небывалое, обращает себе в оружие. Это обезьяна и делается Тифеем, **135.** вертит рукой, ломает пальцы, ищет холма или вершины Этны, чтобы силой руки своей издали ввергнуть в неприятеля вместе и стрелу и гроб. Какой огонь или какой град остановит дерзость? **140.** Если пращи слов истожились, то приводятся в действие руки, начинаются рукопашный бой, драка, насилие. Тот одерживает верх над противником, кто наиболее несчастен и препобежден, потому что одержать верх в худом называю поражением.

145. Не бес ли это? Даже и больше беса, если исключить одно падение; но случилось видеть и падения возмущенных гневом, когда они увлекаются порывом духа. Не явное ли это отчуждение от Бога? Да и что же иное? Потому что Бог кроток и снисходителен, **150.** не хорошо предавать поруганию Божий образ, а на место его ставить неизвестный кумир!

Не так страшно для нас расстройство ума, не так страшны телесные болезни. **155.** Эти недуги, хотя жестоки и мучат меня, пока продолжают, потому что всякая настоящая болезнь страждущему кажется тягостнее всех других болезней, но делают нас несчастными не по собственному нашему изволению; они более достойны сожаления, нежели проклятия. Из зол явное зло менее опасно; вреднее же то, которого не признают злом. **160.** Пьянство есть зло. И кто будет спорить, чтобы оно не было злом? Даже зло произвольное. Предающиеся пьянству знают, чему оно бывает причиной, и, однако же, предаются ему, очевидно, сами делаясь виновниками зла. Но там самое тяжкое последствие зла, **165.** что сделаешься смешным; и один сон вскоре прекратит сие зло. Но скажи, какое другое зло хуже преступившей меру гневливости? И есть ли от этого какое-либо врачевство?

В иных болезнях прекрасное врачевство – мысль о Боге. А гневливость, как скоро однажды преступила меру, **170.** прежде всего заграждает двери Богу. Само воспоминание о Боге увеличивает зло, потому что разгневанный готов оскорбить и Бога. Видал я иногда, и камни, и прах, и укоризненное слово (какое ужасное умоисступление!) были бросаемы и в Того, Которого нигде, никто и никак не может уловить; **175.** законы отлагались в сторону; друг не признан; и враг, и отец, и жена, и сродники – все уравнено одним стремлением одного потока. А если кто станет напротив, то [сам] на себя привлечет гнев, как зверя, выманиваемого шумом. **180.** И защитник других сам имеет уже нужду в защитниках.

Таковыми рассуждениями более всего преодолевай свой гнев; и если ты благоразумен, то не потребуется для тебя большего. А если для умягчения твоего сердца нужна продолжительнейшая песнь, то посмотри на жизнь тех, которые и в древние и в последние времена **185.** своими добрыми нравами приобрели дерзновение пред Богом. В чем первоначально или преимущественно упражнялись наиболее угодившие Богу? Эти Моисей и Аарон, возлюбленнейшие Богом, Давид, Самуил, а гораздо после них и Петр? Моисей с Аароном, **190.** хотя Египет, поражаемый многими казнями, не вразумлялся, щадили, однако же, фараонову дерзость, пока оскорбители, не умевшие уважить долготерпения, **195.** в научение всем ува-

жать его не были погружены в водах, потому что справедливее было презреть дерзкого, а не кроткого. Хвалю Самуила! Ему трудно было однажды перенести обиду, когда Саул разодрал у него ризу, однако же, умоляемый о прощении, **200.** немедленно простил он вину (1 Цар. 15:27–31). Что же может быть снисходительнее этого? Припомни о Давиде и о тех бряцаниях, которыми избавлял он Саула от лукавого духа. Когда же нашел царя неблагодарным, **205.** спасаясь бегством и скитаясь для сохранения жизни, пощадил он Саула, который предан был в его руки, хотя (как знаете вы это) едва спасся сам. А знаком того, что Саул был в его власти, служили отрезанная часть ризы (1 Цар. 24:5) и похищенный сосуд от шлема (1 Цар. 26:12)⁸². **210.** Что сказать о том, как Давид терпел отцеубийцу-сына, незаконно домогавшегося власти? Он оплакивает его умершего и вызывает к нему со слезами и воплем; **215.** возвестившего же о несчастье гонит, приняв как врага, а не доброго вестника, потому что природа вопияла громче обвинений и бралась защитить виновного, так что Давид, опротивев чрез это войску, едва не лишился державы (2 Цар. 19:7). И что еще? **220.** Не терпел ли он и оскорбителя Семеня, который желал ему зла вместо славного возвращения (2 Цар. 16:5-13)? Но дивлюсь и мудрому Петру, когда великодушно и весьма мужественно перенес прекрасное дерзновение Павлово, **225.** в таком городе и при таком множестве читателей и учеников Слова обличаемый в том, что не открыто разделял трапезу с язычниками (Гал. 2:11–13), хотя Петр думал доставить тем пользу учению, потому что единственным его побуждением были **230.** страх Божий и просвещение словом проповеди. Не умолчу и о прекрасной добродетели Стефана, в котором вижу начаток мучеников и жертв. Он был заметан камнями, но и во время побоев (не чудно ли это?) слышан был глас его, **235.** изрекавший прощение убийцам и как о благодетелях возносивший о них молитву к Богу (Деян. 7:60). Не явное ли это уподобление Богу? Не впечатление ли в себе страданий и учений Того, Кто, будучи Бог и Владыка молний, **240.** как агнец безгласный веден был на заклание (Ис. 53:7), терпел столько заплеваний и заушений, когда милосердие Его испытал Малх даже на своем язвленном ухе (Лк. 22:51), и не возопиял, чтобы показать и привести в исполнение Свою власть, не воспрекословил ни в чем, **245.** не сокрушил сокрушенного грехом, но хотя грозит угасить легкий пламень мысли, однако же щадит, как милосердный, чтобы кротостью покорить Себе сродное? Столько имеешь высоких примеров в твоём Владыке! **250.** Сравни же с Его страданиями, что терпишь ты. Хотя бы ты все перенес, и тогда не останется еще многого, если будешь судить о страданиях, приняв во внимание достоинство Страждущего.

Для нас достаточно и сих благородных уроков, то есть законов, начертанных на скрижалях, и нравов, предписанных на горе. **255.** Должно ли же к этому присовокуплять что-нибудь нечистое? Нимало не будет худо и с худого собрать что-нибудь хорошее и любезное. Иных и много опередить не очень похвально; зато как худо, если они опередят тебя многим! **260.** Поэтому упомяну и о язычниках, впрочем кратко.

Стагирский философ⁸³ хотел ударить одного человека, которого он застал в постыдном и худом деле, но, как скоро почувствовал, что в него самого вступил гнев, борясь со страстью как с врагом, остановился и, **265.** помолчав недолго, сказал (подлинно мудрое слово!): «Необыкновенное твое счастье, что защищает тебя мой гнев. А если бы не он, ты пошел бы от меня битым. Теперь же стыдно было бы мне, худому, ударить худого и, когда сам я побежден страстью, взять верх над рабом». **270.** Так рассудил он. Об Александре же рассказывают, что при осаде одного эллинского города, когда неоднократно рассуждал он, что делать с этим городом, Парменион однажды сказал ему: «Если бы я был Александром, то не пощадил бы сего города». **275.** Но Александр отвечал: «И я не пощадил бы, если б я был Парменионом. Тебе прилична жестокость, а мне кротость». И город избег опасности. Но не достойно ли

⁸² У Семидесяти читается: *φакός του ύδατος* (сосуд водный); у св. Григория: *φакός του κράνου*.

⁸³ Аристотель. – *Ред.*

похвалы и это? Один человек, не из числа почтенных граждан, злословил великого Перикла и до самого вечера **280**. преследовал его многими и злыми укоризнами. Но Перикл молчал, принимая это оскорбление как почесть; когда же ругатель устал и пошел домой, велел проводить его со светильником и тем угасил его гнев. **285**. А другой, когда оскорбитель ко множеству оскорблений присоединил такую угрозу: «Чтоб самому мне несчастно погибнуть, если тебя, негодного, при первом удобном случае не предам злой смерти!» – заставил его переменить свое расположение такими подлинно человеколюбивыми словами: «Чтоб и мне погибнуть, если не сделаю тебя своим другом!»

Но чтобы не одно древнее вошло в наше слово и не осталось без внимания то, чему сами мы свидетели, **290**. справедливо будет упомянуть о Констанции, который, как сказывают, произнес однажды достопамятное слово. Какое же это? Один сановник хотел раздражить его против нас ⁸⁴, **295**. потому что не терпел многих преимуществ, какие были даны нам. Ибо Констанций, сколько известно, был благочестивейший государь. Сановник между прочим сказал и такое слово: «Какое животное так кротко, как пчела? **300**. Но и она не щадит тех, которые собирают ее соты». Царь выслушал это и отвечал: «Неужели же не знаешь, превосходный мой, что жало не безвредно и для самой пчелы? Она жалит, но в то же время и сама погибает».

Столько имеешь у себя врачебных средств от сего недуга, **305**. но всех важнее, как сказано, заповедь, которая не позволяет тебе отвечать обидой даже и тому, кто ударил тебя. Ибо ветхозаветным предписано: *т убий*, но тебе повелено даже и *не гневаться* (Мф. 5:22), а не только не бить и не отваживаться на убийство. **310**. Кто запрещает первое, тот не дозволяет и последнего. Кто истребил семя, тот воспрепятствовал прорасти ему в колос. И не смотреть с худым пожеланием значит отсесть любоддеяние. Не клясться – вот предохранительное средство от ложной клятвы. Так и не гневаться значит поставить себя в безопасность от покушения на убийство. **315**. Ибо рассуди так: гневливость доводит до слова, слово – до удара, от удара бывают раны, а за ранами, как знаем, следует и убийство, и таким образом гневливость делается матерью жестокого убийства.

Кто получил когда-нибудь награду за то, что он не убил? **320**. Но не гневаться есть одно из похваляемых дел. Воздаянием за первое служит то, что избегаешь опасности, а вознаграждением за последнее обещан тебе участок земли драгоценной. Послушай, чего желает кротким Христос, когда перечисляет блаженства **325**. и определяет меру будущих надежд (Мф. 5:5). На сей конец дает Он тебе и сообразные с сим законы. Тебя ударили в ланиту? Для чего же допускаешь, чтобы другая твоя ланита оставалась без приобретения? Если первая потерпела сие произвольно, не велика ее заслуга, и тебе, если хочешь, остается сделать нечто большее, **330**. а именно произвольно подставить другую ланиту, чтобы сделаться достойным награды. С тебя сняли хитон? Отдай и другую одежду, если она есть у тебя; пусть снимут даже и третью: ты не останешься без приобретения, если предоставишь дело сие Богу (Лк. 6:29). Нас злословят? Будем благословлять злых (Лк. 6:28). **335**. Мы оплеваны? Поспешим приобрести почесть у Бога. Мы гонимы? Но никто не разлучит нас с Богом (Рим. 8:39), Он – единственное неотъемлемое наше сокровище. Проклинает тебя кто-нибудь? Молись за клянущего (Мф. 5:44). Грозит сделать тебе зло? И ты угрожай, что будешь терпеть. Приступает к исполнению угроз? **340**. Твой долг – делать добро. Таким образом приобретешь две важных выгоды: сам будешь совершенным хранителем закона, да и оскорбителя твоего кротость твоя обратит к кротости же и из врага сделает учеником, преодолев тем самым, что он взял над тобой верх.

345. Итак, видишь ли? Всего более желай, чтобы тебе вовсе не гневаться, потому что это всего безопаснее. А если не так, старайся, чтобы исступление твое прекращалось прежде

⁸⁴ Против православных.

вечера, и не давай во гневе твоём заходить солнцу (Еф. 4:26), как тому, которое отвне твоим очам посылает лучи свои, **350.** так и тому, которое сияет внутри мудрых; а последнее солнце заходит для тех, у кого ум уязвлен, озаряет же совершенных и добрых и видящим дает большую силу озарять.

Скажешь: что же, не сама ли природа дала нам гнев? **355.** Но она дала также и силу владеть гневом. Кто дал нам слово, зрение, руки и ноги, способные ходить? Все это даровали Бог и природа, но даровали на добро; и не похваляю тебя, который употребляешь их во зло. То же надобно сказать и о других душевных движениях. **360.** Это Божии дары – под руководством и управлением разума. Раздражительность, когда не преступает меры, служит оружием соревнованию. Без сильного желания неудобопостижим Бог. Но знаю и наставника в добре – это рассудок. **365.** Если же все это обращено будет на худшее, то раздражительность произведет оскорбления и злодеяния, пожелание распалит нас к гнусному сластолюбию, а рассудок не только не подавит сего, но еще поможет своими ухищрениями. Так добрые дарования отдаются во власть нашему растлителю! **370.** Но не хорошо Божий дар мешать со злом.

Если в Писании слышишь, что Бог гневается и уподобляется или рыси, или медведице, которая от любви приходит в ярость, или воспламененному от вина и упоения, или мечу, сверкающему на злых, **375.** то не принимай сего за совет предаваться страсти. Иначе это будет означать, что ты изобретаешь для себя зло, а не освобождения от него ищешь. Слушай Писание с добрым, а не с худым намерением. Бог не терпит ничего подобного тому, что терплю я. Никто не говори этого! **380.** Он никогда не выходит Сам из Себя; это свойственно существам сложным и тем, которые большей частью в борьбе сами с собой. Но Бог, как очевидно, есть естество неизменяемое. Почему же Он таким изображается? По законам иносказания. Для чего? Чтобы устрашить умы людей простых, – **385.** какую цель имеет и многое из выраженного словом. Разумей, что речь здесь не прямая, и тогда найдешь смысл. Поскольку сами мы бьем, когда приходим в гнев, то поражение злых представили в виде гнева. Таким же образом имеем мы зрение, слух, руки; **390.** и поелику имеем в них нужду для приведения чего-либо в исполнение, то приписываем их и Богу, когда Он совершает по нашему представлению то же. Притом слышишь, что от гнева Божия терпят злые, а не добрые, и терпят по законам правосудия. Но твой гнев не полагает себе меры **395.** и всех делает равными. Поэтому не говори, что твоя страсть дана тебе от Бога и свойственна Самому Богу. Или если думаешь о себе, что и ты подражатель Богу, то подражай; но прежде пусть ветры развеют болезнь твою.

А если ты читал что-нибудь о гневе мужей благочестивых, то найдешь, что гнев их всегда был справедлив. **400.** И я думаю даже, что это был не гнев, а наказание, справедливо положенное на злых. И это наказание не было для них злом, напротив того, удары были весьма полезны для требовавших многого очищения в жизни, **405.** потому что иглистая ветвь сама призывает на себя острие железа, – полезны, говорю, были как до закона, так и при законе, пока он не приобрел надлежащей силы, как несовершенно еще укоренившийся в людях.

Так угасишь ты в себе эту болезнь, утоляя ее предложенными тебе рассуждениями, подобно тому **410.** как иные заговаривают змей. Но вот вторая забота: как удерживаться, чтобы не воспламенялся в тебе гнев от чужого гнева, как огонь от огня? Ибо равно худо как самому первоначально предаваться злу, так и прийти в одинаковое расположение с предавшимся худому стремлению.

415. Во-первых, прибегни немедленно к Богу и проси, чтобы Он нещадно сокрушил разящий тебя град, но вместе пощадил и нас, которые не обижали других.

А в то же время положи на себя знамение креста, которого все ужасается и трепещет **420.** и ограждением которого пользуюсь я во всяком случае и против всякого. Потом изготовься к борьбе с тем, кто подал причину к сему гневу, а не кто предался ему, чтобы тебе,

425. хорошо вооружившись, удобнее было победить страсть. Ибо неготовый не выдерживает нападения. А кто хорошо приготовился, тот найдет и силы победить. И что значит победить? Равнодушно перенести над собой победу.

В-третьих, зная, из чего ты произошел и во что обратишься, не думай о себе очень много, чтобы не смущало тебя высокое и не по достоинству составленное о себе мнение. **430.** Ибо смиренный равнодушно переносит над собой победу, а слишком надменный ничему не уступает. Но те, которые, чтобы сколько-нибудь остановить свое превозношение, сами себя называют землей и пеплом, как от них же мне известно, суть Божии друзья. **435.** А ты, как будто совершенный, отказываешься терпеть оскорбления. Смотри, чтобы не понести тебе наказания за самомнение. Где же тебе согласиться потерпеть что-нибудь неприятное на самом деле, когда не можешь снести благодушно и слова?

В-четвертых, знай, добрый мой, что и жизнь наша ничто, **440.** и мы все не безгрешные судии о добрых и худых делах, но большей частью и всего чаще носимся туда и сюда и непрестанно блуждаем. Что гнусно для нас, то не гнусно еще для Слова; **445.** а что не таково для меня, то, может быть, таким окажется для Слова. Одно, без всякого сомнения, гнусно – это злонравие. А здешняя слава, земное богатство и благородство – одни детские игрушки. Поэтому о чем сокрушаюсь, тем, может быть, надлежало бы мне увеселяться, **450.** а при чем поднимаю вверх брови, от того – более смиряться, нежели сколько теперь превозношусь, надмеваясь неблагоприятно.

В-пятых, будем иметь больше рассудительности. Если нет ни малой правды в том, что говорит воспламененный и ослепленный гневом, **455.** то слова его нимало нас не касаются. А если он говорит правду, то значит, что сам я нанес себе какую-нибудь обиду. За что же жалуясь на того, кто объявил остававшееся доселе скрытым? Гнев не умеет сохранять верности. **460.** Ибо если прибегает он часто и к неправде, то удержит ли в себе тайну?

После сего уцеломудришь себя в гневе, рассуждая так: если эта вспышка не есть зло, то несправедливо и обвинять ее. А если зло, что и действительно, в чем и сам ты сознаешься, **465.** то не стыдно ли терпеть в себе то, что осуждаешь в других, когда терпишь от них сам, и не вразумляться примером своего врага? Притом если и прежде не пользовался добрым о себе отзывом тот человек, который горячится и дышит дерзостью, то и теперь порицание падет, очевидно, на него, а не на тебя. **470.** А если он человек превосходный, то не почтут тебя здравомыслящим, потому что мнение большинства всегда склоняется в пользу лучшего. Но ты делал ему добро? Тем паче его осудят. Но он обидел тебя? Ты не делай ему зла. Но его надобно остановить? Что же, если в большее придет еще неистовство? **475.** Он первый начал? Пусть вразумленный и словом, и благонаравием твоим как можно скорее сокрушит свою ярость, как волна, вскоре рассыпающаяся на суше, или как буря, не встречающая никакого сопротивления. Это обидно! – Точно, обидно, если и ты падешь с ним вместе. Неужели и на укоризны больных станем отвечать укоризнами? **480.** Не равнодушно ли переносишь ты исступление беснующихся, разумею таких, которые невольно изрыгают злословие? Почему же не перенести сего от безумного и пришедшего в сильную ярость? Конечно, должно перенести, если сам ты в здравом уме. **485.** Что сказать о пьяных, у которых рассудок потемнен вином? Что, если мимо тебя пробежит бешеная собака? Что, если верблюд по естественной своей наглости закричит во все горло и протянет к тебе шею? Пойдешь ли с ними в драку или по благоразумию побежишь прочь? **490.** Что, если непотребная женщина будет стыдить тебя своими срамными делами? А у непотребных женщин это обыкновенное дело; им всего кажется стыднее знать стыд; и они знают одно искусство – вовсе ничего не стыдиться. О [Диогене-]Синопце рассказывают, что, приходя к живущим в непотребных домах, **495.** старался их раздражать. С каким же намерением? С тем, чтобы их оскорблениями приучить себя без труда переносить оскорбления. И ты, если размыслишь об этом, станешь презирать оскорбления.

Скажу тебе один искусственный способ. Хотя он и не достоин внимания тех, которые предпочитают кротость; однако же скажу, **500.** потому что может погашать неприятность. Смотрел ты иногда на кулачных бойцов? Прежде всего оспаривают они друг у друга выгодное место, того и домогаются, чтобы одному стать выше другого, потому что это немало содействует к одержанию победы. Так и ты старайся занять выгоднейшее положение, **505.** а это значит, пришедшего в ярость старайся низложить шутками. Смех – самое сильное оружие к препобеждению гнева. Как в кулачных боях, кто в сильной стремительности и ярости по-пустому сыплет удары, тот скорее утомляется, нежели принимающий на себя эти удары, **510.** истощение же сил – неискусный в бою прием; так и тому, кто оскорбляет человека, который не сердится на его нападение, но смеется над ним, всего более бывает это огорчительно; напротив того, если встречает он себе сопротивление, это приносит ему некоторое удовольствие, потому что доставляется новая пища гневу, **515.** а гнев ему весьма приятен и ненасытим.

Заключением моих советов тебе пусть будет следующее. Какое существо по преимуществу кротко? Бог. А у кого природа самая раздражительная? У человекоубийцы, который (да будет тебе известно!) **520.** сверх других наименований, выражающих его лукавство, называется и гневом. Какую же часть намерен ты избрать? А избрать ту и другую невозможно. Рассуди и то, кто будет осмеян и кто похвален. Ибо и это немаловажно для рассудительного. **525.** Что еще сказать? Заклинаю тебя, гнев – друг пороков, неприязненный мой защитник и покровитель, надмевающий меня и предающий во врата адовы, покорись ныне Богу и слову. Покорись, гневливость, это воскипение, эта полнота человекоубийцы, **530.** это очевидное безобразие лица, это обуревание мыслей, это упоение, эти шпоры, понуждающие низринуться в тартар, этот легион бесов, это многосложное зло, расторгающее узы и путы на ногах, – покорись, ибо Христос, Которого не вмещает вселенная и **535.** Который Своим кормилом непогрешительно движет целую вселенную, уделяя жизнь и человекам и Ангелам, а призывающим Его усердно дарует разрешение и от лукавых духов и от страстей, Христос хочет, чтобы ты немедленно бежала отсюда и, войдя в свиней (см.: Мф. 8:32), **540.** скрылась в бездну! Готово принять тебя это стадо, низвергающееся в глубину. Но не касайся нас, о которых имеет попечение Сам Бог!

Вот слово моего безмолвия! А вы, разрешившие слово, если изречете что-нибудь достойное вещания, вещайте и мне. А если слово ваше достойно молчания, то не произнесите и для меня. Тогда и слух свяжу для слова, как связал слово.

26. На человека высокого родом и худого по нравственности

Некто человек крайне худой, но происшедший от добрых родителей, хвалился своими предками перед другим, который незнатен был родом, но внушал удивление делами. Этот, с большой приятностью улыбнувшись, дал следующий замечательный ответ: «Мне укоризна – род, **5.** а ты – укоризна роду».

Соблюдай это в памяти, и ничего иного не будешь предпочитать добродетели. Если кто укорит тебя за то, что ты дурен лицом или что имеешь неприятный запах, неужели скажешь на сие: **10.** у меня отец был пригож или всегда умасался благовониями? Если кто назовет тебя трусом и не имеющим мужества, неужели возразишь: у меня предки приобретали много победных венцов в Олимпии? Подобным образом, если уличают тебя в том, что ты порочен и неразумен, не говори мне о своих родителях и не указывай на мертвых. У иного гусли вызолочены, а он играет на них нестройно; другой же берет какие ни попадутся ему гусли и выигрывает на них благозвучную песнь. **15.** Кого же из них, дорогой мой, признаешь ты гуслиаром? Конечно, того, кто в искусственных своих бряцаниях соблюдает гармонию? Но

ты родился, как говоришь, от золотых родителей, а сам нехорош. Неужели же поэтому думаешь о себе высоко? И знаменитость рода поставляешь в этом одном – в давних **20.** мертвецах, в рассказах старух? Верно, ты шутишь! Я смотрю на тебя одного: добродетелен ли или порочен ты? А что до происхождения, все мы – то же брение, у всех одинаковая кожа, хотя надмеваемся и превозносимся богатством, славой, величием отечества, **25.** как будто отец и род придают мне что-то лишнее. Меня не восхищают ни сказки, ни гробы, но смотрю на тебя одного, добрый мой. Все мы одна персть, все мы приходим от одного Творца. Не природой, а насилием разделены смертные на два разряда. По-моему, тот и раб, кто негоден, тот и свободен, кто совершен. **30.** А если в тебе есть гордость, какое тут отношение к роду? По отцу ли славен лошак, и укоришь ли его за то, что произошел от осла? Нимало. Но какая слава и ослам от лошаков? Орлы рождают и кидают своих птенцов. Для чего же ты, умалчивая о себе, говоришь мне о своих предках? **35.** Лучше быть добродетельным, происходя от худого рода, нежели благородному быть человеком самым порочным. И роза выросла на грубом растении, хотя она и роза. Если же ты на нежной земле вышел терном, то годишься только в огонь. Как же, будучи порочным, столько величаешься предками? **40.** Ты – ходящий в колесе осел, а думаешь носить голову наравне с конем.

27. О том же⁸⁵

Если бы привел я к тебе обезьяну, постаравшись нарядить ее львом, пришел ли бы ты в страх при виде ее? – Как это возможно? – А что? Не смешнее ли еще был бы для тебя ворон, эта самая некрасивая из птиц, **5.** если бы он, окрасившись чем-нибудь белым, стал представлять из себя лебедя? – Для меня он очень смешон. А если человек низкий по нравам величается благородством, уважать ли мне его? Как ни блистателен лик, писанный на картине, я не предпочту его живому человеку. **10.** Пусть напишут себя другие; для меня нравы заменяют род. Да и подлинно, что с вами сделалось, смертные человеки? Нет коня, который бы не родился конем; нет птицы, которая бы не летала на крыльях. Смотри на быка, кто скажет, что это дельфин? **15.** Каждая вещь за то и признается, что она в действительности. Но вот два забавных явления на поприще нашей жизни – живая тварь, пресмыкающаяся по земле, превозносится до звезд, и грамота делает худонравного благородным! Какого покупаешь себе коня, доброго ли и скорого **20.** или ни к чему не годного, а только известного породой? – Конечно, доброго. Не проворных ли выбираешь и псов? – Да. – Что ж? Не то же ли наблюдаешь и во всем? – Конечно, то же. – А себя, когда ты всех порочнее, называешь благородным? Напрасно так шутишь. **25.** Пусть отвес покажет твою прямизну, тогда поверю. Ты укоряешь меня низостью рода, хотя я человек свободный. Я смеюсь над твоим недугом, если ты, будучи всех порочнее, думаешь знатностью рода прикрыть свою худую нравственность. Тех, от кого приходишь, признали благородными, может быть, за богатство, а не за нравы. **30.** А ты присовокупи и добрую нравственность. Что тебе за польза происходить от знатного рода и быть человеком самым порочным? Кто благороден по отцу, а низок по нравам, того почитаю для добрых дел смердящим мертвецом. Одно благородство – иметь добрые нравы.

28. На богатлюбцев

Увы! Увы! Каких зол исполнены злые! Но они, бедные, и не знают даже этого, не знают, чтобы к своему спасению воспользоваться чем-нибудь, или словом каким, или советником, или памятованием о Боге; **5.** а все это – врачевства для недужных. Но вот жалкая болезнь!

⁸⁵ В ТСО стихотворение № 27 публиковалось без названия в цикле «На человека, высокого родом...», под № 2. — *Ред.*

Они почитают себя совершенно здоровыми. Так, помешанные в уме и исступленные само расстройство ума признают его крепостью и без крыльев летают, без волов пашут землю, **10.** не имея вблизи себя воинской дружины подают другим помощь, не пlying, плавают, одни без противника вступают в борьбу, обогащаются, царствуют, выигрывают тяжбы; и все это – дело болезни. А посоветуй что-нибудь, скорее сам потерпишь зло, нежели убедишь словом, **15.** чтобы попользовались каким-нибудь врачевством от недуга. Ибо кто станет лечиться и искать спасения, когда уверен, что он не болен, но здоров? Больному свойственно заботиться о врачевании, но больному не до крайности. А кто праведника почитает больным, **20.** тот примет ли его советником в страдании?

Ты богат и употребляешь все меры, чтобы никто не был тебе соседом. Хочется тебе завладеть полем, но оно принадлежит ближнему, а не тебе, – и это беда! Надобно, чтобы на тебя одного все смотрели. **25.** Если телу твоему нанесен удар, это ужасно. Что ни есть у ближнего – все гвоздь тебе в глазу. И хорошо, если бы это было так действительно! Тогда, может быть, перестал бы ты пожирать непрерывно все больше и больше, как пламень, как горный поток, как заразительная болезнь, не останавливаемая никакой преградой. По моему мнению, **30.** тебе нет никакой пользы в том, что имеешь уже у себя, пока не будет приобретено тобой что-нибудь из желаемого. На помощь рукам готова у тебя и клевета. Понес я потерю? Ты мой заимодавец, а вскоре потом и мой истязатель. Грозят пытки, оковы; **35.** бедному жаль своего тела; все отдает, только бы избавиться и, нехотя, щедр на все, что ни есть у него. Что ж, разве не обязан ты отчетностью по службе в городе или на корабле? Еще не дружи ты морскому разбойнику? И называют тебя по имени, какого не бывало на свете, только бы, устранив, попользоваться от тебя чем-нибудь. **40.** Да и вол твой сделал когда-то обиду моим волам. Что ж это за обида? – скажи мне. Вол такого бедняка, а мычал громче и еще как будто вызывал на драку или уже и одолел. И тень от твоих деревьев, падая на мои деревья, причиняет им вред. **45.** И мальчик твой ходил по моему полю. Терпи, или представлены будут на это свидетели; и тогда пропали у тебя и вол, и мальчик, и сад. Это – открытое насилие. А если злой человек по случаю и умен, то его выдумка еще правдоподобнее. **50.** Приняв на себя вид заступника других, не допускает сделать какое-нибудь зло, но покровительствует людям, чтобы поработить их, и потом пожирает, как лев, который, отогнав зверей от бедного животного, не оказывает ему милости, но сам прибирает к себе, как легкую добычу.

55. Для чего изнурять себя? Простое дело – довольствоваться тем, что имеешь. А при неумеренном приобретении велик и труд: ссоры, тяжбы, обманы, ложные клятвы, кроме же всего прочего заботы, как мгла, всегда приносят им что-нибудь чуждое. **60.** Если ты, сидя за столом с людьми, которые не ниже тебя чином, не наблюдаешь меры и огорчаешь тем, что полными горстями хватаешь всего, то не похвалят тебя. То же надобно сказать и о приобретении, потому что жадность везде отвратительна. **65.** Но не так представляется тебе, у которого разум подавлен. Одним уже владеешь, другого желаешь, третьего надеешься; а для иного есть у тебя сводники и подговорщики вроде тех, которые услуживают растлителям плоти. Ты чтишь золото; снедь моли — **70.** одежды похоронены у тебя в сундуках; всегда окружен ты скупщиками хлеба, торгуешь самым безвременьем. Одни плачут, другие питаются надеждой, потому что надежда есть легкая греза наяву. А ты на одни житницы кладешь печать, а другие предусмотрительно открываешь, **75.** соображаясь, как думаю, с течением обстоятельств. Увы! Увы! Ты берешь подать с несчастья бедных, собираешь плоды с чужого невзгодья; затруднительное положение других для тебя своего рода жатва.

Кто же ты, отваживающийся на такие дела? Почему так поступаешь? И на что надеешься? **80.** Может быть, настоящая ночь застигнет тебя уже мертвым, похитив из среды всего тобой возделываемого. Как это ужасно! Другие все, и тело, и имущество, приносят в дар Богу, от Которого все, а ты всего домогаешься, все тебе надо иметь. **85.** Что же приобретаешь? Какие страшные сокровища? У тебя на столе груды угощений – это отрада узкой гор-

тани, о которой все твои заботы; у тебя раздутие чрева, болезнь пресыщения, ибо таковы плоды неумеренности в пище; **90.** у тебя огромные дома, в которых большая часть стоит пустой, с золотыми потолками, и блестит картинами; у тебя слуги, наряженные наподобие женщин; у тебя тенистые и прохладные убежища; у тебя пьянство, хоры поющих, дружные рукоплескания, **95.** при которых растлевается красота образа Божия. Ты надмеваешься своим блеском, перед всеми в городе высоко носишь свою голову, хвастаешься высокостью своего чина, а чины – это борьба зависти и самовластия. **100.** Ибо никто не позволяет другому думать о себе высоко, но сам себя ставит выше всех и заносится пред другими больше, чем у змеи один ряд чешуи надвинут на другой. Но пусть так! Что же еще у тебя драгоценного? Роскошь женщин в убранстве дорогими камнями и золотом, которые то сплочены вместе, то блестят отдельно; **105.** цепи на руках и ногах – это приятное бремя, не для доброй цели помогающее красоте, которая домогается того, чтобы нравиться многим мужчинам.

Что же еще? Может быть, хочешь оставить детей богатыми и владельцами приобретенного отцовской наглостью. **110.** Это значило бы еще что-нибудь, если бы сбылись твои надежды. А теперь никто не знает, где истлеет твой прах и до чего прострется вред приобретения. Ты трудишься и подолгу, может быть, не спишь, и ночи наравне с днями проходят у тебя в заботах; **115.** оттого больше имеешь горестей, нежели наслаждений; берешь грабительский процент, из одного процента выращаешь другой и, сколько с чего взять, высчитано у тебя по пальцам. Но это сберегается не для тебя и не для кого ты надеешься, а достанется кому-нибудь, может быть человеку для тебя постороннему, **120.** и то еще хорошо! Случится, что достанется и твоему неприятелю – одному из тех, которые худо говорят о тебе и о твоём добре, которых ты не удостаивал даже своим куском. Может быть, один из потерпевших от тебя зло, тот, **125.** кто тебя и дом твой со слезами и воплем орошал соленым питием, будет питаться чужими трудами, как жирный и по верхам смотрящий петух, не одобряя многого в том, что теперь изображаешь на стенах дома, **130.** а с наследником твоим, если и встретится, не разломит и хлеба. Так суетны мечты человеческие! Для этого, если можешь что выдумать, присовокупляй к приобретенному, мучь себя, делай насилия, не оставляй без испытания никаких худых мер, обыщи глубины земли и моря, стриги, как говорится, и с мертвых волосы, **135.** *пожри мрежи* (Авв. 1:16), поклоняйся руке своей, которая столько собрала тебе золота, для прибыли ни во что поставь все – и врагов, и друзей, и родных, и благодетелей.

Это ничем не разнится от морского отлива **140.** или от Харибды, поглощающей пловцов. Еще немного – и богатство будет изbleвано, потечет, как излишнее бремя из пресыщенного чрева. Еще немного подождать – и наступит суд, или еще здесь, что гораздо лучше, или если не здесь, то в будущей жизни. **145.** Прекрасная нищета предпочтительнее худо приобретенного богатства. Лучше быть смиренным, нежели надменным и болезнь почитать здоровьем.

Надобно бы, чтобы все у тебя, как рассказывают о Мидасе, обращалось в золото, чтобы и тебе потерпеть одинаковую с Мидасом участь **150.** и за худое желание справедливо мучиться голодом. Между породами ехидн, какие водятся в египетской пустыне, есть так называемая дипсада. Каково ее угрызение, показывает самое наименование ⁸⁶. Оно дано гаду по той неутомимой жажде, какой, страдая, умирает угрызенный. **155.** Кому сообщился этот яд, тот, встретив реку, с отверстым ртом весь погружается в нее и пьет, пока не расторгнется его внутренность от принятого внутрь бремени, и только вместе с жизнью прекращается жажда. Не знаю, слышал ли ты, любезный, **160.** что некогда небо дождило хлеб народу, когда шел он по пустыне, в которой, как и естественно, не было средств к пропитанию? Этот дар, как Божий, подаваем был щедро и неоскудеваемо. **165.** Но неумеренных постигло и наказание: всякий излишек тотчас делается смрадным, а мерой служила потребность дара (Исх.

⁸⁶ От греч. διψάω – жажда. – *Ред.*

16:20). Справедливо было бы, чтобы то же самое случилось всегда со всяким несправедливым человеком, то есть чтобы он или расседался от сильного своего желания, или вместе со своим несправедливым приобретением делался смердящим. Это одно, может быть, остановило бы таких людей!

Что ж? Почему не пустишь в прибыльный оборот и собственное своего тела? **170.** Почему не избереешь жизни начальника разбойников, не подламываешь стен, не тревожишь гробов, если у тебя одна забота – разбогатеть, а как и откуда, о том вовсе нет слова? Есть мера красоте, есть и зрению, **175.** и бегу, и силе, и пению, и пляске, и речам, – все это дело труда, а не хищничества. А приобретению нет никакой меры. Но чужой овладевает имуществом трудившегося и приобретающего честно или законно получившего отеческое наследство, овладевает тот, **180.** в ком немного остается дыхания жизни, кто, может быть, не успеет и узнать всего, что поступило в его собственность.

Не отдать ли тебе одному целую землю? Но если отдадим это, не останется ли еще чего? Что будешь ты делать? Не употребишь ли усилий приобрести и то? **185.** Непрестанно будешь трудиться, потому что ты нищий, пока не получил остального? Но ты на чемнибудь остановишься! Подумай же об этом теперь. Можешь пользоваться своей собственностью, а если не знаешь меры, то знай, что подливаешь яд во все, что ни имеешь теперь у себя. Все, что приходит к тебе несправедливо, – огонь для тебя; **190.** оно губит с собой и то, к чему присовокуплено. Как не утоляет жажды морская вода и любви – продолжительное зрение на любимый предмет, напротив того, любовь воспламеняется вдвое, так для ненасытных приобретаемое ими делается отравой, **195.** которая непрестанно возбуждает в них пожелание еще большего.

Любителям спокойной жизни или и бедным дал бы я совет – пожертвовать чем-нибудь людям злонравным, как зверям бросают пищу или как бесам суеверные люди делают возлияния, **200.** если бы только таким средством можно было приобрести спокойствие, и стало наконец возможным иметь у себя нечто даже бедным, которые непрестанно трепещут и одной тени злых людей. Но теперь, исключая одних злых, от всего знаю врачевство, например: от голода – пищу, от невоздержания – скудость, **205.** от водяной болезни – выпуск воды, от чужого глаза – тьму, от слез – рассудительность или друга, от скорби – время; и пловцам в затруднении спасительны показавшийся на берегу огонь или пристань, и утомившемуся – умещение членов. **210.** Но для порочных нет другого врачевства, кроме Божия суда и ран. Но и того не чувствуют злостивые, в пресыщении презирают они и суд. Содейственный их [диавол] покрывает им умы мраком, а хребет – медью, чтобы [тот] подобно железной наковальне не умягчался и среди бедствий.

215. Они тотчас прибегают к примерам. Что сие значит, Христе мой? Для чего Ты людям порочным даешь видеть преткновения добродетельных, чтобы в них находили они убежище своему злонравию? На доброе дело, хотя оно и велико, никто не обращает внимания; **220.** а худое дело, как оно ни мало, для людей безрассудных и злонравных делается какой-то вывеской. Для добрых дел они – железо, а для худых – воск и легко отпечатлеваются на себе все худое. Я не целомудрен, говорит порочный. **225.** Что ж, разве не найдутся мне подобные? И увь! Он наименует кого-нибудь из мудрых. Я убийца? Что ж, разве и в этом не найдутся мне подобные и из древних, и из новых? Я обогащаюсь несправедливо? А иной захватывал во власть свою целые народы и города. Кто же не знает, **230.** сколько хуже клятвы отречение? И потому выставляет на вид чье-нибудь отречение, чтобы прикрыть тем свои меньшие раны.

На это хочу сказать тебе одну басню (если только и среди бедствий можно шутить), басню очень приличную твоим лжеумствованиям. **235.** Смеялся некто над совой. И сова от каждой насмешки увертывалась ловким ответом. Какая у тебя голова! – говорили ей. А какая у Зевса? – отвечала она. – Какие светлые глаза! – Точно как у светлоокой. – Голос

неблагозвучен! – А у сороки еще неблагозвучнее. – **240.** И ноги тонки! – А каковы тебе кажутся у скворца? Но без труда отразив все это, как ни была умна сова, уступает в одном. Ей говорят: ты такая умная, посуди же: у каждого есть что-нибудь одно, а у тебя все вместе и все чрез меру: и глаза светлы, и голос груб, и ноги тонки, и голова велика. **245.** И дорогая сова, выслушав это, пошла со стыдом.

А от тебя не дождешься и сего, напротив того, птица в басне гораздо умнее тебя. Все есть в одном, – в том и беда твоя. **250.** Раз или два увлечься и пасть, и притом в чем-нибудь неважном, – это еще извинительно. Уступим нечто и омрачению плоти. Ни в чем не претываться свойственно одному Богу. Но падать намеренно, хвалиться худым делом, **255.** падать многократно, падать в пороки важные и не стыдиться сего, но смеяться над этим, не хотеть уцеломудриться и наказаниями, какими вразумляются люди самые жалкие, но с открытой головой кидаться в опасность, – **260.** это самая ужасная и злокачественная болезнь. Рассмотрю свои дела, рассмотрю и то, что тебе предписано делать и не делать. А в тех делах обрати внимание на время и на то, чему они служат образом. Тогда вера едва начиналась; люди, как младенцы, **265.** имели нужду в поддержке и в нежной пище, потому и падающие находили себе извинение. Но тебе не простительно падать, потому что ты принял совершенное слово, и Христос много пострадал за твои грехи. Напротив того, тебя за прежние грехопадения ожидает казнь. **270.** Что говорю: за прежние? И за те, в которые ввергаешься ныне.

Не упоминаю еще о тамошних надеждах; правосудие находит многое, чем наказать и здесь. У тебя есть дом, жена, дети, есть еще что-нибудь особенно любезное (ибо при всем своем самолюбии привязан ты к этому), **275.** а также самое имение, роскошь, свобода и в заключение всего собственное тело твое. А посему, имея у себя это, то есть такое бремя жизни, плыви осторожно.

«Но что же? Разве и у тебя нет болезней и бедствий? Не скудна ли и не бездомна ли и твоя жизнь?» **280.** Опять ты хватаешься за чужие бедствия. Что тебе до этого? Это мои несчастья, потому что сам ты называешь их несчастьями. Неужели ты, страдая, менее чувствуешь болезнь, если страдает в одно с тобой время и ближний? Но послушай еще: у нас с тобой и страдания неравны. **285.** Из этого иное сам я избрал для себя, а не по неволе стражду. Добровольно хочу быть нищим и скитальцем, чтобы освободиться от уз и не на земле иметь свое постоянное жилище. Для тебя все это дорого, а для меня напротив. **290.** Не ставь же льву в образец долгохвостую обезьяну. Ты считаешь это бедствием? Оно и действительно для тебя бедствие. А для меня, хотя и болезненно, потому что и я, как человек (не отрекусь от этого), имею перстный состав, ношу в себе следы [райского] древа и доставленного им удовольствия, **295.** однако же я переносу это и даже терплю с любовью. Мое страдание лучше твоей крепости. Посмотрим еще на сие и так. Оба мы терпим зло. Но твое страдание есть наказание за твое злонравие. Твой обвинитель – твоя нравственность, **300.** это горькое, внутреннее и ясное доказательство. А для меня бедствие есть некоторое очищение даже и от случайного очернения. Не говорю еще о том, что огорчительное бывает иногда испытанием и борьбой, в которой за победу можно получить венец.

305. Как выслушаешь это? Как воспользуешься моими словами? Ни один человек, если он в здравом уме, не обманывает врача, иначе болезнь неприметно погубит его. И то и другое – недуг: и презреть Бога, и подавленному бременем пороков потерять надежду на милость. **310.** Но прими мое слово, и не подвергнешься ни одному из сих недугов. И презрение, и отчаяние в надежде – равно худы. Бог – Судия, но и Отец. Ты боишься Его, как судии, **315.** но смело надейся на Него, как на милосердного. Открой свою болезнь, проси спасения, пролей слезы на раны свои. Подавай и нищим, прекрасным твоим заступникам: они богато одаривают нас тем именно, в чем имеем мы нужду, то есть Божиим милосердием и упованием на Бога. **320.** Но если подаешь им, то подавай из своего, а чужим не покрывай ни святой трапезы, ни нищего. Нищий есть творение Божией руки, а потому не должен быть презираем;

и святая трапеза – досточтима. Не обманывай Бога, как недалновидного Судию, **325.** чтобы Он еще больше на тебя не прогневался. Ты учишь красть искоренителя кражи.

Если убедительно это для тебя, тем лучше. А если не убедительно, то перестань, по крайней мере, хотя уже и поздно, творить насилие. Во всем, и в добром и в худом, есть своя сытость. **330.** Я похвалю в тебе и это, потому что для порочного весьма важно остановиться в пороке.

Примешь ли это или не примешь, но напомним тебе гроб. Это предел всех худых дел; и у тебя будет такой же конец, как и у всякого, хотя пройдешь за Геракловы **335.** столпы или за каспийские ворота, присвоив себе достояние и ближних, и соседей. И твою могилу, как думаю, раскопает кто-нибудь подобный тебе нравом, с твоей походки перенявший ходить криво, еще худший ученик такого мудрого учителя.

340. Помни также неотвратимый и грозный день, за которым и мрак, и пламень, и тар-тар – эти истязания здешних худых дел для отыскания в нас образа Божия, который завален сетями змия и хитреца, **345.** обольщающего нас зловредным сластолюбием.

А я домогаюсь, как мне избежать бедствия, на каких спастись крыльях, в каких глубинах земли и моря, или какими ухищрениями и в каком конце вселенной, **350.** каким обложить себя мраком или облаком вместо покрова, какими молитвами умилоустивить Бога? Везде для меня три этих бедствия – и время, и место, и удобный случай ко греху. Поставлю пред собой Божий закон. Какой же именно? **355.** Переходите из города в город, ибо предадутся некоторые бегству, – говорил апостолам, когда гоним был, Вседержитель Бог. Обойду все города до последнего огнища, избегая жестокого нападения лукавых. **360.** А там и не желающих постигнет казнь. В горних обителях не будут они беспокоить и не изринут оттуда нищих, как делают ныне, а разве сами в прохлаждение пламени попросят нескольких капель сожаления. **365.** Да убедят тебя в этом богатый и Лазарь (Лк. 16:19–31), из которых один наказан единственно за то, что вел роскошную жизнь, когда другой страдал и от недостатка пищи, и от ран, потому что богач, подобно тебе, отгонял от себя Лазаря; а другой почтен, потому что претерпел все сие.

370. Конец слову, но выслушай его с трепетом. Многое именуется грехом и действительно грех, но идолослужителем (а это есть самый тяжкий грех в мире) называется тот, кто ничего не знает и не ставит выше денег (Еф. 5:5), потому что и идолослужению **375.** по болезни своей всего скорее подвергнется он, если наступит время получить чрез это прибыток, потому что кланяется богатству – этой Хамосовой мерзости. Итак, отринем, отринем идольские кумиры и будем чтить единого Бога, Которого знаем.

29. На женщин, которые любят наряды

Не стройте, женщины, на головах у себя башен из накладных волос, не выставляйте напоказ нежной шеи, не покрывайте Божия лика гнусными красками и вместо лица не носите личины. **5.** Женщине неприлично показывать мужчинам открытую голову, хотя бы золото вплетено было в кудри или несвязанные волосы, как у скачущей менады, развевались туда и сюда нескромными ветерками. Ей неприлично носить наверху гребень **10.** наподобие шлема или видную издали мужчинам и блестящую башню. Неприлично и то, чтобы сквозь тонкий лен просвечивали твои волосы, вместе покрытые и открытые, и, сияя как золото, где сбегало покрывало, выказывали мастерство твоей трудившейся руки, когда, **15.** поставив перед собой слепого наставника – бездушное изображение своего лица, с его помощью писала ты свою красоту.

Если природа дала вам красоту, не закрывайте ее притираниями, но чистую храните для одних своих супругов и не обращайтесь на постороннего жадных очей, **20.** потому что вслед за очами неблагочинно ходит и сердце. А если при рождении не получили вы в дар

красоты, то избегайте второго безобразия, то есть не заимствуйте красоты у рук – красоты, которую доставляет земля, которую распутные женщины покупают, и покупают за несколько оболгов, **25.** красоты, которая стирается и стекает на землю, не может удержаться на тебе во время смеха, когда веселье приводит в трепет щеки, красоты, которую изобличают в подлоге ручьи слез, увлажняющий ланиты страх и уничтожает капля росы. Теперь блестят и полны прелестей твои ланиты, но вдруг **30.** (к великому смеху) являются они двухцветными, где темными, а где беломраморными. Ибо тебе, подсурмившейся и подрумянившейся, возможно ли удержать на себе обличаемую в подлоге красоту? Она была бы прилична на неподвижных статуях, но у тебя накладная личина разрушается от многих причин. **35.** Одно тело дано тебе Богом, а другое есть произведение твоей руки; одно ветхо, другое ново. Это луг, на котором растут попеременно цветы двух родов, и приятные и неприятные. Это двухцветная одежда, по которой идут многие полосы. Поэтому или не расписывай своего тела, или, расписав, постарайся сберечь; **40.** не прибегай к постыдным пособиям прикрашивать свой вид. Не трудись над Пенелопиной тканью, в которой надобно ночью распускать, что соткано днем: будучи внутри Гекубой, не будь снаружи Еленой.

Если и достанет у тебя хитрости сокрыть что-нибудь от супруга, **45.** хотя и не удобно Божий образ закрыть смертной личиной, то смотри, чтобы прогневанный Бог не сказал тебе так: «Отвечай, чуждая Мне тварь! Кто и откуда этот творец? Я не пса живописал, но создал собственный Мой образ. Как же вместо любезного Мне образа вижу идола?»

Но уступим нечто твоей болезни. Впрочем, если явно, **50.** что ты живописная картина, в которой один лик наложен на другой, то знай, что ты ставишь позорный столп, издали видимый людям, когда пишешь одушевленный образ Алкиноя. Твои прелести – бесплодный Адонисов сад, цвет полипа, письмена на песке. **55.** Но походя на галку, описанную в басне, и зная, что эта птица, гордившаяся чужими перьями, вскоре ощипана и предана осмеянию, как и ты не подумаешь о последнем позоре, о пагубной красоте? Или надеешься, что твоя блистательная наружность не изменится? Но в скором времени **60.** увидишь, сколько приносит горестей чужая красота.

Спрашиваю, что пользы в накладной красоте, когда старость покроем морщинами лицо, дотоле цветущее, когда дряхлых членов нельзя закрыть никакими прикрасами и остаток плоти походит на что-то обожженное огнем и вынутое из пепла? **65.** Тогда уже поздно оплакивать обманчивую красоту, когда оставшееся, по множеству морщин, не дает места обезьяне. Такова прелесть подкрашенных членов! Но поставь теперь, превосходная, изображение своего лица, каким было оно прежде. Я не почту его верным, да и тебе прежде всего надобно пожелать, **70.** чтобы не было глаз ни у одного из тех мужчин, которые прославляли тебя некогда и не могли отвести от тебя очей, когда ты с гордой поступью расхаживала перед ними.

Смеха достойно и то, что, стараясь утаиться от мужчин, мужчин же вводишь в тайны своей красоты. **75.** Ибо те составы, которыми ты восхищаешься, приготавливали мужчины – грабители собственных своих домов, строители безумной своей страсти. Это изобретения не целомудрия, но распутства, и распутство видно во всем том, на что ты ухищряешься для мужчин. Рассказывают о гордом павлине, что когда, изогнув шею в виде круга, **80.** поднимает свои золотистые и звездами усеянные перья, тогда начинает приветливо скликать своих жен: удивительно будет для меня, если и ты подкрашиваешь свое лицо не для похотливых очей.

Если ты к супругу своему питаешь такую же любовь, какую и он к тебе с тех пор, как цветущей девой ввел тебя в брачный чертог, **85.** то сие приятно ему. Но если стараешься понравиться взорам других, то сие ненавистно твоему супругу. Лучше тебе внутри своего дома скрывать прелести, данные природой, нежели неблагочинно выставлять напоказ прелести поддельные. Ибо супругу довольно и природной твоей красоты. **90.** А если красота выставлена для многих, как сеть для стада пернатых, то сперва станешь любоваться тем, кто

тобой любуются, и меняться взорами, потом начнутся усмешки и обмен словами, сначала украдкой, впоследствии же с большей смелостью. Но остановись, говорливый язык, **95.** и не произноси того, что последует за этим. Впрочем, скажу за несомненное, что всякая шутка женщины с молодым мужчиной уязвляет как острое жало. Здесь все неразрывно идет одно за другим, подобно тому как железо, притянутое магнитом, само притягивает другое железо.

100. О, как бы хорошо натирать белилами и румянами (и еще в избытке) не женщин, но тех безрассудных мужчин, которые, ежедневно имея перед собой этот срам, сами себе застилают глаза туманом и услаждаются грехом! Они поражают злословием прекрасных женщин, сами же своими срамными делами уподобляются свиньям; **105.** а может быть, и действительно попали бы в темные свинные хлевы, если бы Цирцея помазала их тем составом, которым она людей превращала в зверей; ибо они не гнушаются прикрасами и сами подкладывают в огонь сухие дрова, когда надлежало бы их убавлять, а не прибавлять. И есть мужья, которые стараются превзойти друг друга в нарядах жен, **110.** чтобы одному пред другим иметь преимущество в неразумии. Часто и при недостаточном состоянии употребляют они все усилия, чтобы возбудить наглость своих жен. Но ты, верно, никогда не давал меча своего врагу и горному потоку не открывал пути на свои нивы.

Говорят, что по похищении небесного огня **115.** пришла к людям Пандора наказать за один огонь другим, за благодетельный – губительным. А чтобы она как можно более воспламенила людей, демоны украсили ее разнообразными красотами, и каждый из них приложил что-нибудь от себя; все же это, совокупив воедино, **120.** пустили они к людям это многосложное обольщение, это любящее пиры, увлекательное, бесстыдное, сладкоречивое услаждение, эту никогда не потухающую головню. Не верю я басням, однако же скажу с твоего позволения: не будь и ты многоличной Пандорой. **125.** Пандорин род – бесстыдные женщины. Но ты – Христов образ, и сияй целомудрием и благоразумием.

Но вот уже не басня; послушай моих советов, какие изреку тебе из пребожественного слова. Или не знаешь, как и древле твоего праотца обольстило своей **130.** доброцветностью человекоубийственное древо, и как хитрость врага и убеждение супруги и обольстили, и немедленно изринули его из зеленеющего рая? С сего-то времени, дочь моя, такой отеческий закон – никогда не полагаться на доброзачность. **135.** Ибо всякая красота для меня кратковременная прелесть: ее приносит весна, и тотчас губит холодная зима, или преждевременно истощает болезнь, или истребляет немилосердное время, ведя за собой круг всепоедающих лет.

Очень смешно, **140.** когда женщина, имея некрасивую наружность, знает это и, гордясь своим безобразием, презирает Данаю. Но еще гнуснее (так говорят знающие, я неспособен к такому злоречию), когда все имеют общий недостаток, однако же желают скрывать его одна от другой. Что опаснее такой болезни? **145.** Плотник понимает работу плотника, искусный певец узнает искусного в пении, и вор видит вора. А женщины не хотят, чтобы другие понимали в них то, что сами понимают в других. Так справедливо то, что порок ослепляет глаза.

Но смешны мужчины, когда, **150.** любуясь доброцветностью движущихся картин, оказывают уважение лицам, над которыми сами смеются. Думаю же, что они любуются не столько картинами, сколько прихотливостью мужчин, чему доказательством служат краски.

Рассказывают, что один скитался по утесам, влюбившись в пустой и не имеющий вида отголосок, называемый эхом. **155.** А другой воспылал любовью к собственному своему изображению и бросился в источник, чтобы обнять подобие губительной своей красоты. И еще одна уязвилась любовью к прекрасным струям реки, в безумной страсти не могла отойти от милых берегов, лобзала воду, черпала ее руками и ловила пену, **160.** но и водами не могла угасить в себе пламенеющей любви. Так слепа и непреклонна любовь!

Нимало не удивительно, если и ты, расцвеченная, розоперстая, одетая в роскошные ткани и носящая высоко голову, сведешь с ума молодого человека, и даже не одного, но вся-

кого, для кого расписываешь себе лицо. **165.** Верю, что один мудрый муж своим искусством ввел в обман тельца, изобразив красками на доске телицу. Необычайна такая любовь — **170.** живые звери стремятся к бездушным изображениям! Но и ты иногда ухищряешься возбудить то же в молодых людях. Орфей увлекал за собой зверей, а ты влечешь мужчин, у которых зверонравны ум и женонеистова жизнь.

Если ты и не покоряешься плотской похоти, а служишь только похоти очей, то и эта воздушная любовь есть уже болезнь.

Но совершенно ли ты неуязвима? Готов я этому верить, но и то уже нехорошо, если молва приписывает мне и не сделанный мною грех. **175.** В таком случае, хотя сама ты и благоразумна, но многим другим дашь урок неблагочиния. Порок течет быстро. Другие употребляют искусство, чтобы прикрыть и скверную свою жизнь, а у тебя и на целомудрии лежит какая-то чернота. Если и целомудренные станут любить наружную блистательность, то других женщин **180.** не убедишь иметь целомудренное сердце.

По учению нашего закона, не должно с похотливым желанием и очей устремлять на чужую жену, потому что бесстыдный взор — начало бесстыдной любви, и только избегающий такого взора избежит и греха. **185.** Как же ты, открывающая перед мужчинами пояс любви,охранишь себя вдалеке от греха прелюбодеяния?

Но (старость говорлива) расскажу тебе басню, которая очень идет к вашему позору. По одному древнему преданию, в роде человеческом не различалось прежде, кто хорош **190.** и кто худ, но многие, хотя были добродетельны, почитались беззаконниками, и, наоборот, многие, хотя были безрассудны, слыли добрыми; самых бесчестных людей сопровождала слава, и совершенных преследовало бесславие, но ни тем, ни другим не было правосудия. **195.** Но не скрылся от Царя Бога царствующий в мире грех, и, восскорбев об этом, возвестил Он наконец такое слово: «Несправедливо, чтобы слава Моя была и на добрых и на злых: от сего грех еще более усилится. Посему дам им верный отличительный признак, **200.** по которому легко узнать, кто порочен». Сказав сие, ланиты у добрых покрыл он румянцем, так что при виде чего-либо постыдного тотчас разливается под кожей кровь; особенно женщин наделил Он румянцем в большей мере, потому что и кожа у них прозрачней, и сердце нежнее. **205.** Но у злых Бог сгустил кровь и сделал неподвижной во внутренности, так что и от стыда нимало не приходит она в обращение.

Куда же причислю тебя, изукрасившая свои ланиты? Для меня не важен твой румянец, хотя и до чрезмерности покрывает он твою наружность, ибо это румянец бесстыдства, **210.** порождение того румянца, который в древности потоплен содомским огнем. Не расписывай себе лица, распутная женщина, не подделывай своего цвета; я признаю ту одну красоту, которую дала природа, потому что богатство, оставленное мне отцом, лучше того, которое собрала рука моя беззаконно, **215.** пусть оно мало, но обильнее последнего. Так и законную жену предпочитаю любодейце. Родные дети, хотя и некрасивы лицом, милее красивых, но усыновленных. Помня это, сохраняй тело свое таким, каково оно по природе, **220.** и не желай, чтобы тебя почитали инаковой, нежели какова ты в действительности.

Кельты испытывают в струях Рейна, законно ли рождены их дети ⁸⁷. И часто золото пробуются на углях. Так о целомудрии твоего сердца заключаю по неукрашенной красоте твоего лица. Да не кладет на тебя своей печати темный велиар! **225.** Он или совершенно обратит тебя в пепел, или очернит своим дымом и за краткое наслаждение покроем позором. Не для благородных дорого золото, перемешанное с драгоценными камнями и сквозящим своим блеском поражающее взоры, **230.** в виде цепи разложенное по персям, жемчужным бременем отягчающее и обезображивающее уши или увенчивающее голову. Не для благо-

⁸⁷ По германскому обычаю, муж, подозревавший жену в неверности, рожденного ею младенца погружал в воды Рейна в уверенность, что законнорожденный младенец не потонет, а незаконнорожденный немедленно пойдет ко дну.

рожденных дороги эти золотые одежды, эти хитрые произведения из тонких нитей, то багряные, то золотистые, то прозрачные, то блестящие. Не губительные для ланит составы, не подрумяненные уста **235**. украшают женщину. Ее красота не в том, чтобы поверх расписанных веждей носить черную бровь, заворачивать внутрь увлажненные зрачки, изнеженным голосом привлекать к себе благосклонный слух, руки и ноги **240**. стянув золотыми вожделенными и приятными для тебя узами, представлять из себя что-то рабское, тело и голову умащать роскошными благовониями (на трупы слетаются вороны) ⁸⁸, жевать во рту что-нибудь не употребляемое в пищу ⁸⁹, держать в непрерывном движении подбородок **245**. и, как бы из презрения к целомудренным, из зубов и из увлажненных уст точить пену. Не восхищайся блистательностью седалищ, не старайся выказывать себя сквозь искусно сделанные и сквозящие створки, высматривая тех, которые на тебя смотрят. **250**. Не гордись ни множеством слуг, ни служанками – этими подобиями твоего сердца. Вестники весны – ласточки, плодов – цветы; по служанкам можно заключать о госпоже. Размысли обо всем этом. Хотя не важно неприличие чего-нибудь одного, однако же все вместе и одно при другом – несомненная пагуба.

255. Один цвет любезен в женщинах – это добрый румянец стыдливости. Его живописует наш Живописец. Если хочешь, уступлю тебе и другой цвет: придай своей красоте бледность, изнуряя себя подвигами для Христа, молитвами, воздыханиями, бдениями днем и ночью. **260**. Вот притирания годные и незамужним и замужним! А красильные вещества побережем для стен и для таких женщин, в которых производит бешенство и помет молодых людей. Они пусть и скачут, и смеются бесстыдно, а нам не позволено даже и смотреть на распутных женщин.

265. Лучшая драгоценность для женщин – добрые нравы, то есть сидеть больше дома, беседовать о Божием слове, заниматься тканьем и пряжей (это обязанность женщин), распределять работы служанкам и избегать с ними разговоров, на устах, на глазах и на ланитах носить узы, **270**. не часто переступать за порог своего дома, искать себе увеселений только в обществе целомудренных женщин и в одном своем муже, для которого ты с Божия благословения разрешила девственный пояс. Да и вольностям мужа полагай меру, чтобы тем самым уверить его, как далеко ты держишь себя от чужих мужчин.

Да погибнет тот, **275**. кто первый начал раскрашивать Божию тварь, потому что он первый примешал к краскам бесстыдство. Как иногда бесстыдные скоморохи, недостойные имени мужей, выставляют наружу изображение скрытого внутри безобразия, и за сим, естественным образом, следуют у них пляски, **280**. гнусное кривлянье благообразных членов, нравящееся людям безрассудным, так и сии женщины, надев на себя снаружи чужой образ – этот смехотворный, а не священный покров стыдливости, предаются потом движениям, достойным своего испещренного лица. **285**. У них нет покоя ни дверям, ни ключам, ни зеркалам, ни притираниям, ни уборщикам; весь дом приходит в содрогание. И все это от тщеславного желания расписать себе лицо. Но целомудренная красота, которая не знает убранств, не требует и таких беспокойств. Если же ты настолько гордишься накладной красотой, **290**. то не можешь иметь и здравого понятия о красоте неподдельной. Привлекательна была наружность у Есфири (Есф. 2:7), но что было плодом ее чрезвычайной красоты? Спасение целого народа. Расписывала себе некогда очи зверонравная блудница Иезавель (4 Цар. 9:29–37) и блуднической кровью омыла свои студодеяния. **295**. Но от тебя не требуют утолять гнев царя, тебе нет доли и с блудницами: береги же свое целомудрие.

⁸⁸ Сим св. Григорий, вероятно, делает тот намек, что умащать благовонием прилично одни трупы.

⁸⁹ Здесь указывается на обычай любящих щеголять женщин жевать дерево или другое что-нибудь твердое, чтобы, непрерывно возбуждая во рту слюну, поддерживать свежесть уст и не давать губам пересыхать.

Как не приходишь ты в трепет, когда преклоняешь перед иереями свою главу – это позорище, на котором появляются разные личины? Как не содрогнутся эти руки, которыми ты расписывала свою достойную слез красоту **300.** и которые потом простираешь к таинственной Трапезе? Даже и к мученикам, в память которых усердный народ, чья драгоценную кровь, составляет хвалебные лики, являешься ты с лицом, обольщающим многих, подобно базарному шуту, который влечет за собой по городу толпу, **305.** или подобно укротителю зверей, который из темных нор вытаскивает змей? Послушайся моих советов, женщина, и не поддавайся мысли накладывать руку на лицо свое. С такими женщинами, дочь моя, не плавай на одном корабле, **310.** не ходи на общий совет, не живи под одной кровлей. Другим предоставь излишества, а ты бойся и похвалу выслушать из уст мужчин, – в этом слава женщин.

Если жизнь твоя совершенно свободна от уз, живи для одного Христа, отказавшись от всего, будь светлой, мудрой, **315.** рассудительной девой и чистым женихом своего сердца имей Слово. А если овладела тобой любовь к тому ребру, от которого ты отделена, то и заботься об этом одном милом ребре, питая к нему добрую, благородную, а не порочную любовь; **320.** с другими же страстями не будь знакома и во сне. И ты предстоишь великому Богу и не скроешься, если что-нибудь изнеженное примешаешь к низкому. Много свидетелей на то, что и при грязных одеждах возможна неблагоприличная роскошь, а при пышных – благопристойность. **325.** Знай, что для тебя важнее один рубец, нежели самые глубокие раны для миролюбцев. Уважай жемчуг. Капля не так заметна на замаранной, как на чистой и одноцветной одежде.

Если убедил тебя этим, то доставил тебе пользу. А если ты решила стоять в своем, **330.** то блистай еще вдвое, когда хочешь, и золотом, и янтарем, и серебром, и слоновой костью. Дозволяю это новописанным красотам. А у меня приготовлен столп, и я сделаю на нем надпись: приходи сюда всякий, кому угодно, и любуйся этой красотой.

30. Мысли, писанные одностишиями⁹⁰

Бога имей началом и концом всякого дела.

Самая лучшая польза от жизни – умирать ежедневно.

Старайся узнавать все поступки добродетельных.

Тяжело жить в бедности, но еще хуже разбогатеть неправедно.

5. Делая благотворения, думай, что подражаешь Богу.

Милости Божией ищи себе милостями к ближним.

Владей плотью и смирай ее как можно лучше.

Обуздывай гнев, чтобы не выступить из ума.

Удерживай око, и язык пусть знает меру.

10. Уши пусть будут замкнуты ключом, и да не любодействует смех.

Светильником всей своей жизни признавай разум.

Смотри, чтобы из-за видимости не ускользнула у тебя действительность.

Все разумей, но делай, что позволительно делать.

Знай, что сам ты странник, и уважай странников.

15. Во время благополучного плавания наипаче помни о буре.

Что дается от Бога, все то должно принимать с благодарением.

Лучше наказание от праведника, нежели честь от порочного.

При дверях у мудрых стой неотступно, а у богатых не стой никогда.

⁹⁰ В греческом каждая мысль составляет стих, и первые буквы стихов следуют порядку греческого алфавита.

Маловажное не маловажно, когда производит великое.

20. Обуздывай наглость, и будешь великий мудрец.

Береги сам себя, а над падением другого не смейся.

Приятно возбуждать к себе зависть, но весьма постыдно самому завидовать.

В жертву Богу преимущественно перед всем прочим приноси душу.

О если бы кто соблюл сие! Он спасется.

31. Мысли, писанные двустихиями⁹¹

Все с себя сбрось и тогда пересекай житейское море, но не пускайся в плавание, как грузный корабль, которой готов тотчас потонуть.

Помни непрестанно страшную смерть, как будто она у тебя перед глазами, и встретишь ее менее грозной.

5. Непрестанно созидай ум свой в храм Богу, чтобы внутри своего сердца иметь невестественную опору – Царя.

Познай себя самого, из чего и каким сотворен ты, доблестный мой, – и чрез сие удобно достигнешь красоты Первообраза.

10. Тебя один день ведет к другому; и тот постоянно влается⁹², кто сам в себе легок; но в сердце человека благоустроенного есть нескончаемый день.

Кто полагается на преходящее и приходящее, тот вверяется потоку, который не стоит на одном месте.

Для меня равно худы и негодная жизнь, и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь то и другое.

15. Нечистому приступить к жертвоприношению значит оскорблять Бога. Но еще более оскорбляет Его тот, кто чтит всякие останки мертвых.

На пути к совершенству никогда не останавливайся. Худо сходить непрестанно в глубину. И ты, который только выходишь из бездны греха, еще стоишь.

20. Тот зрячий слепец, кто не видит, сколько пагубен его грех. Уметь открывать следы зверя – признак острого зрения.

Если, имея нужду во враче своих немощей, скрываешь болезнь, то не спасешься от неисцельной гнилости.

Твое слово – мое дело. Кто сделал недоброе дело, тому сомнительный помощник – красноречие.

25. Пресыщение делает наглым, а я тебе, доблестный мой, желаю позаботиться о том, что вечно питаемую душу удерживает в должных пределах.

Желаю также, чтобы ты богател одним Богом, а целый мир почитал всегда наравне с паутинными тканями.

30. Блага настоящей жизни весьма чужды для человека; человеческая добродетель – вот что одно составляет жизнь.

Приступите, всем вопиет слово неживого Советодавца – Бога, приступите немедленно к познанию пренебесной Троицы!

Вы, на кого в сей жизни наложил свои узы честный брак, приложите ума, как бы вам больше плодов внести в небесные точила!

35. А вы, невесты девы, приявшие в объятия свои Слово великого Бога, старайтесь в дар Богу принести все!

⁹¹ В греческом мысли сии составляют акrostих, именно из первых букв каждого стиха выходят следующие два стиха: *Γνωμαί Γρηγορίου, δίστιχος ἐπέπιΕσθλόν ἀθυρμα νεοίς, και χάρις ἐξοδίη* «Мысли Григория, красноречие в двустихиях, Прекрасная забава юным, и последний дар».

⁹² Влаться (*υ. – сл.*) – волноваться, возметаться. – *Ред.*

Одинокая жизнь – всеозаряющий свет, но надобно устранить сердце от мира и держать себя вдали от плотского.

40. Оскорбительно для веры не в сердце ее иметь, но поставлять в каком-нибудь цвете. Краску не трудно смыть; а я люблю то, что проникло в глубину.

Не надобно иметь ни справедливости неумолимой, ни благоразумия, избирающего кривые пути. Лучше всего – во всем мера.

Умеряй свою смелость, иначе будет она дерзостью, а не мужеством. К признакам целомудрия принадлежит и некоторая веселость.

45. Прекрасно иметь ум, отверстый всегда для Божия слова; чрез сие приобретается ведение небесных законов.

Спешి стать совершенным; не угождай тем, кому всего лучше не угождать; тешить грех – самая бесславная слава.

50. Добродетельному стыдно быть защитником порочных; это почти то же, что собственной ногой стать на стезю порока.

Золото испытывается в горниле, а добродетельный – в скорбях. Часто скорбь бывает легче состояния невредимости.

Легко отречется и великого Бога, кто отрекся отца. И наставника в благочестии уважай, как отца.

55. Моль все поедает; и на гроб не оставляй своего достоинства; лучшая погребальная почеть – доброе имя.

Щади своих ближних, особенно же мертвых, которые все оставили и не могут ничего тебе сделать.

60. Оставив весь мир и всякое здешнее бремя, направляй парус в небесную жизнь.

Непрестанно простирайся на дела более и более совершенные, умудряемый Богом; паче же всего предметом твоих попечений да будет Троица.

32. Двустишия

За хорошим началом следует и прекрасный конец; справедливость сего показывают сами последствия дел.

Вот начало, которое приносит людям хороший конец, – свято трудись над очищением жизни!

5. Окрыляемый учением, не летай без действительных крыльев, потому что без крыльев и птица не летает.

Человеку в жизни наибольшая слава – ведение, но и оно вредит употребляющему его во зло.

10. Смотри, чтобы не уловила тебя в обман суетная слава, – это западня для людей недалеких умом.

Делая хорошее, старайся и стоять в этом, потому что к худому скор переход.

Обуздывай смех и гневу полагай предел, всеми же мерами гони от себя праздное слово.

15. Прежде всего бойся Бога, чти родителей, об иереях говори с похвалой и имей в уважении старцев.

Сыну никогда не входить в спор с отцом повелевает закон, а прежде закона – природа.

20. Чего вовсе не хочешь терпеть от другого, того и сам не желай делать другому.

Для сделавшего тяжкий проступок гнев не тяжек, потому что суд воздает только равным за равное.

Из мудрых уст каплют самые сладкие слова, а горькая гортань изрыгает ругань.

25. Потоки сладости источаются с языка доброглаголивого, а в нескромных устах родятся гнилые речи.

Друзья любят и любимое друзьями, а враги презирают и срамят друзей.

30. Для бедных друзей затворены двери богатых, богатым же всегда приязненны блистательные чертоги.

Вода – прекрасный напиток: она не нарушает ясности мыслей, а выпитая чаша вина мутит ум.

Вино по природе своей незнакомо с целомудрием; тем и производит оно удовольствие, что раздражает.

35. Ум легок и не терпит обремененного чрева, потому что у противоположного с противоположным всегда борьба.

Лучше слегка принять пищи, нежели быть за богатым ужином, но только во сне.

40. Глупец во сне делается богаче и того, кто имеет у себя бездну денег.

Лучше быть бездетным, нежели иметь глупых детей: там один бездетен, а здесь многие худы.

Для всякого умершего человека целая земля есть гроб, потому что все, что из земли, на земле и в землю обращается.

45. Пастух, когда захочет, доит и козлов, но вместо молока выжимает у них потоки крови.

Свинья, когда видит, что готовят ей корм, умеет сдержаться и не хватается прежде времени.

И бесчинных людей принуждай не нарушать приличного и установленного законами порядка.

50. Соблюдая закон, изгонишь вон страх, потому что всякий исполнитель законов – вне страха.

Сведущий кормчий избежит девятого вала, а ум, обогащенный мудрыми мыслями, спасется от всякой беды.

55. Не замышляй ничего противного добродетельной жизни, потому что заблуждение порока очевидно.

Большая наковальня не боится стука, и мудрый ум отражает от себя все вредное.

60. Зайца приводит в страх шум листьев, а человека робкого пугает и одна тень.

Ненавижу бедняка, делающего подарки богатому, как человеку, который сладко говорит, но забывает накормить.

Злонамеренный оратор извращает законы, а благонравный оратор – самая стройная гармония.

65. Богатые смеются укоризнам сирот, они смеются даже и Божию наказанию.

На собственную пагубу хвалится законами, кто незаконно требует соблюдения законов.

70. Обычное дело бедняку не думать о себе высоко, потому что у одних богатых не бывает забот о средствах жизни.

Учи глупых, соображаясь, сколько можно, с их природой; тогда, может быть, сверх чаяния, сделаешь их благоразумными.

От ударов железа воспламеняются и камни; плотно свитый бич образумит сердце.

75. Чего бояться нечестивые – больше, чем всего остального – Креста и приобщения Крещения⁹³.

Весьма худо и давать клятву, и требовать ее; в обоих случаях оскорбляешь правду.

80. Собирай сокровище для нескончаемого века, а настоящий век оскудевает даже прежде своего конца.

⁹³ В переводе ТСО данный стих отсутствует (см.: PG. Т. 37. Col1. 922). – *Ред.*

Не будь привязан к счастью, которое разрушается временем; а что время строит, время же и разрушает.

Неприлично женщинам выказывать в себе мужской нрав; всякое другое правило, кроме стыдливости, чуждо благодетельной женщине.

85. Удовольствие для наслаждающегося им кратковременно; едва наступит, так и улетает, подобно камню.

Для больного никакое богатство не предпочтительнее здоровья; и природа поступает премудро в том, что всегда желает здоровья.

90. Слова неразумного человека – шумный плеск моря, которое бьет в берега, но не напоет береговых растений.

Подарок заставляет и мудрецов видя не видеть; золото – такая же ловушка для людей, как сеть для птиц.

Скорби преждевременно рожают седины; чего лишил нас образ жизни, того не восстановит время.

95. Богатство – самый проворный приспешник в худом, потому что при могуществе всего сподручнее сделать зло.

Никакое приобретение не лучше друга, но никогда не приобретай себе в друзья худого человека.

100. Уважай порядок и предпочитай могуществу, потому что сам он есть могущество и всегдашний охранитель могущества.

Ум озабоченный – это моль, которая точит кости; тело цветет, когда избегает забот.

Никакое пресыщение не бывает целомудренно, потому что огню свойственно сжигать вещество.

105. Вино – это горящая пакля остывшей страсти; а всякое подложенное в огонь вещество усиливает пламень.

Кто боится тяжб, тот избежит и гнева, потому что тяжбы часто воспаляют сердце гневом.

110. Ужасно прибавлять трудов изнемогающему в трудах, однако же труд нередко прекращал труды.

Иной боится тех трудов, какие несут другие; а посмотри: и сам он завален трудами своего рода.

Забойся всегда о вечной славе, потому что настоящая слава ежедневно обманывает.

115. Гнев – не безопасный для всякого советник; что предпринято в гневе, то никогда не бывает благоразумно.

Змея зла, аспид хитер; в этих животных видна порознь злоба, соединенная в одной женщине.

120. Смотря на голые кости, убедишься, что все здешнее не принадлежит нам существенно.

Если молодой рак ходит не прямо, то берет для сего пример с материнской походки.

Делая принуждение природе, и от худых учителей, без сомнения, произведешь хороших учеников.

125. Украшай себя добрыми отличиями жизни и не презирай бедного сироту.

Когда даст Бог, ничего не сделает зависть; а когда не даст, не поможет никакой труд.

130. Рождаешь, ехидна? Не избегай мук рождения: когда ты зачала, то испытаешь, что испытала твоя мать, рождая тебя ⁹⁴.

⁹⁴ По сказанию древних естествоиспытателей, ехидна, рождаясь, прогрызает утробу своей матери. Смысл этой притчи есть следующий: кто делал зло другим, тот жди и себе зла от других; кто досаждал родителям, тот жди и себе досады от детей.

За явную робость никого не признают храбрым; одни победы приобретают похвалу.

135. Сонливый человек – изобретатель грез, потому что сон знаком только с призраками, а не с действительными вещами.

Принуждение убеждает и против воли; оно нередко связывает руки и исполинам.

Когда народная толпа в заблуждении, всякий начинает кричать, и все обращается в беспорядок.

140. Бездельного дела никогда не называй делом, ибо все бездельное достойно презрения.

И у собак, которые сбежались на падаль, уважается порядок.

Когда говорит золото, тогда все другие слова не действительны. Оно умеет убеждать, хотя и не имеет языка.

145. Могут и ныне наслаждаться миром преданные скоропреходящим благам сей жизни.

33. Мысли, писанные четверостишиями

Я – труд Григориев и в духовных изречениях сохраняю четверостишный памятник мудрости.

(1)⁹⁵ Чему отдашь предпочтение – деятельной или созерцательной жизни? В созерцании могут упражняться совершенные, а в деятельности многие. Правда, что то и другое и хорошо и вожделенно; но ты к чему способен, к тому и простирайся особенно.

5. (2) Некто просил у меня решения на вопрос о чем-то духовном. Готов, отвечал я, если ты смыл с себя скверну. Но ты уже имеешь целомудренный ум. Если смыл с себя прежнюю скверну, нужно и теперь очищение. В смрадный сосуд не кладут на сбережение благовонной масти.

3) Не всякому слову противься, не всякому и следуй, **10.** но знай, какому и когда противиться или следовать. Более будь привязан к Богу, чем стой за учение о Боге. Всякое слово можно оспаривать словом, но жизнь чем оспоришь?

4) Или вовсе не учи, или учи доброй жизнью. Иначе будешь одной рукой притягивать, а другой отталкивать. **15.** Меньше потребуется слов, если делаешь, что должно. Живописец больше учит своими картинами.

5) Особенно вам, служители алтаря, советую не быть оком, исполненным тьмы, чтобы не оказаться первыми в порочной жизни. **20.** Ибо если свет темен, чем будет самая тьма (Мф. 6:23)?

6) Безгласное дело лучше неисполнимого слова. Никто никогда не стал высоким без добрых дел, а многие прославились без красного слова. Благодать дается не тому, кто говорит, но тому, кто хорошо живет.

25. (7) Наилучший дар Богу – добрые нравы. Хотя бы ты все принес Ему, однако не принесешь ничего достойного. Приноси то, что дает и бедный. Чистый не берет себе доли из цены блудницы.

(8) Ничего не обещай Богу (Еккл. 5:4), даже и малости, **30.** потому что все Божие прежде, нежели принято от тебя. И что еще скажу? Не отдав обещанного, ты крадешь это сам у себя. Какой же необычайный примешь на себя долг? Да уверят тебя в этом Анания и Сапфира.

(9) Настоящую жизнь почитай торжищем. Если пустишься в торговлю, то останешься с прибылью, **35.** потому что за малое получишь в обмен великое и за скоропреходящее – вечное. А если пропустишь случай, другого времени для такого обмена уже не будет.

⁹⁵ Нумерация в скобках показывает порядок стихов этого произведения в издании ТСО. – Ред.

(10) Тебе предлежит длинный путь, но еще большая награда. Представляя себе вдруг весь труд, не откажись от всего. И море переплывешь не все вдруг. **40.** А и это не редко бывает искушением неприязненного.

(11) Не слишком себя обнадеживай и не вовсе теряй надежду. Одно ослабляет, другое низлагает. В чем-нибудь преуспевай, другого держись, сколько ни есть, а к иному не будь завистлив; недоконченное не сделает бесполезным труд совершенного тобой пути.

45. (12) Не берись горячо за все, но держись того, что избрал. Лучше прибавлять доброго, нежели убавлять у него что-нибудь. Не тех называем худыми, которые стоят низко, но тех, которые, поднявшись высоко, низко падают.

(13) И от малой искры возгорается великий пламень, **50.** и семя ехидны бывало нередко пагубным. Видя сие, уклоняйся и того, что производит малый вред. Теперь вред не велик, но со временем делается он большим.

(14) Разбирай больше сам себя, нежели дела ближних: одно доставляет пользу тебе, другое – ближним. **55.** Лучше вести счет делам своим, нежели деньгам: последние текут, а первые постоянны.

(15) Пусть непрестанно трудится твой ум, напечатлевая в себе божественные мысли и глаголы жизни. А на язык будь скуп, потому что он весьма способен **60.** делать вред и чем скорее движется, тем меньше приносит пользы.

(16) Меня обольщало зрение, однако же я удержался, не поставил в себе кумира греху. И кумир был поставлен, но мы избежали искушения. Все это степени борения с неприязненным врагом.

65. (17) Залепляй воском уши от гнилого слова и от неблагоприличных извитий усладительного пения. Но отвержай слух для всего доброго и прекрасного. Между словом, слышанием и делом расстояния невелики.

(18) Не обольщайся чрез меру приятностями запахов, **70.** мягкостью осязания и вкусом. Уступив им над собой верх, произведешь ли что мужественное? Различны между собой услаждения, приличные женам и мужам.

(19) Чрево говорит: дай. Охотно дам, если, получив просимое, сохранишь целомудрие. А если жертвуешь сим дольнему, **75.** то получи от меня грязь, да и ту не в избытке. Когда же сделаешься воздержным, тогда дам и в избытке.

(20) Для людей здравомыслящих достоин смеха как вообще всякий смех, так еще более смех блудный. Неумеренный смех бывает и до слез. **80.** Лучше быть угрюмым, нежели рассеянным.

(21) Красотой почитай благолепие души, – не то, что могут написать руки, а время разрушить, но то, что усматривается взором целомудренного ума. А подобно сему и безобразием признавай душевную гнусность.

85. (22) Тебе предстоят скорби, удовольствия, надежды, опасения, богатство, нищета, слава, бесславие, престолы; пусть течет все это, как хочет. Человека, утвердившегося на добром основании, не касается ничто непостоянное.

(23) Возвышайся более жизнью, нежели мыслью. **90.** Жизнь может сделать тебя богоподобным, а мысль доведет до великого падения. И жизнь устрой не по малой мерке. Как бы ни высоко взошел ты, все будешь еще стоять ниже заповеди.

(24) Не за всякой славой гонись, и гонись не слишком; лучше быть, нежели считаться добрым. А если не можешь себя умерить, **95.** лови славу, но не суетную и не новую. Что пользы обезьяне, если примут ее за льва?

(25) Хвали другого, но не думай высоко о себе, когда тебя хвалят, ибо опасно, чтобы не оказаться тебе ниже похвал. И другого хвали, не торопясь, **100.** но прежде дознай опытно, чтобы не понести тебе стыда, когда окажется он худым.

(26) Лучше о себе слышать худое, нежели говорить худо о другом. Ежели кто, желая позабавить тебя, выставляет ближнего на посмешище, то воображай себе, что предметом смеха служишь ты сам; в таком случае слова его всего более огорчат тебя.

105. (27) Не хвались добрым плаванием, пока корабль твой не привязан к берегу. У многих счастливо плывшая ладья разбивалась у пристани. Многих уносил девятый вал. Одно безопасно – не слагать вины на счастье.

110. (28) Тому лучше возметь некоторое дерзновение перед Владыкой, кто живет хорошо и потрудился, нежели тому вызывать Его на суд, кто не отличается добрыми делами, хотя и все у него идет с рассуждением.

(29) Откажись от всего и стяжи единого Бога, потому что ты раздаятель чужого имущества. **115.** А если не хочешь оставить все, то отдай большую часть. Если же и того не хочешь, по крайней мере излишки употребляй благочестно.

(30) Хорошо уберечь что-нибудь от моли и от зависти. Лучше иметь должником Христа, нежели всем обладать. **120.** Христос за один кусок хлеба дарует царство, а питая нищего, ты питаешь и одеваешь Христа.

(31) Приходил нищий и ушел, ничего не получив. Боюсь, Христе, чтобы и мне, который имею нужду в Твоей помощи, по моим же законам, не отойти от Тебя ничего не получившим. Ибо кто не дал, тот и получить не надейся.

125. (32) Всего безопаснее человек неимущий. Он обращен к Богу и на Него одного взирает. Укрой же его в своих объятиях. И мощный орел, как говорят, согревает в гнезде своем мелкую птицу.

(33) Нищета лучше несправедливого приобретения, **130.** равно как и болезнь лучше худого здоровья. Человек не вдруг умирает с голода, но для порочных худая жизнь есть смерть.

(34) Что значат слова «господин» и «слуга»? Какое дурное деление! У всех один Творец, для всех один закон, один суд. **135.** Принимая услугу, смотри на служащего как на сослуживца, и сподобишься большей чести, когда разрешишься от тела.

(35) Что же должны делать рабы, особенно рабы Божии? Да не отказываются они угождать господам. И в свободные и в рабы вписывает жизнь. **140.** Христос пришел в образе раба, но Он освободил нас.

(36) Стыдись наименования порочным, а не низким по происхождению. Знатность рода есть давнишняя гнилость. Лучше начать, нежели заключить собой род, равно как лучше самому быть пригожим, нежели родиться от пригожих.

145. (37) В рассуждении одного Бога и божественного не знай меры в насыщении. Бог еще в большей мере дарует Себя тем, которые приемлют Его. Он Сам жаждет жаждущих Его, непрестанно и преизобильно источая Себя им. А если кто богаче тебя в другом чем, терпи сие равнодушно.

(38) Не заботься во всем и всегда одерживать верх. **150.** Лучше уступить над собой победу с пользой, нежели победить со вредом. И у борцов почитается побежденным не всегда тот, кто лежит внизу, но часто и тот, кто остаетсяверху.

(39) В ином понеси и ущерб: это часто бывает выгодно; как и растение подрезывают, чтобы больше принесло плодов. **155.** А если к тому, что имеешь теперь, присовокупишь что-нибудь не добрым способом, будет значить, что подкладываешь огонь под дрова или здоровому телу сообщаемь болезнь.

(40) Если ты ни в чем не виновен пред Богом и ничем не заслужил наказания, то не имей сострадания и к тем, которые виновны пред тобой. **160.** А если сознаешь себя виновным пред Богом, то оказывай снисходительность и сам, потому что у Бога милость взвешивается милостью (Мф. 6:14–15).

(41) Как скоро обида разжигает твое сердце, вспомни о Христе и о Его язвах, рассуди, что претерпеваемое тобой весьма маловажно в сравнении со страданиями Владыки, и тогда, как водой, угасишь свою скорбь.

165. (42) Плотская любовь, пьянство, ревность и бес равны между собой. К кому пришли они, у того погублен ум. Умерщвление плоти, молитва, слезы – вот целебные пособия! Это составляет врачевство и для моих недугов.

(43) Избегай всякой клятвы. Но чем же уверить других? **170.** Словом и жизнью, удостоверяющей в слове. Ложная клятва есть отречение от Бога. К чему тебе призывать в посредники Бога? Сделай, чтобы посредником твоим были твои добрые нравы.

(44) Что короче сего повеления о милости: таков будь к друзьям и ближним, **175.** какими желаешь иметь их к себе? Но есть другое и короче сего – это Христовы страдания.

(45) Ничего не жалея для верного друга, который показал себя не за чашей, но в бурное время, который ничего не делает тебе в угождение, кроме полезного. **180.** Знай пределы вражде, а не благорасположению.

(46) Глаз другое видит, а себя не видит; даже и другого не видит, если очень слеп. Посему надобно во всяком деле иметь советника. И руке нужна рука, и ноге – нога.

185. (47) Ежели следуешь советам добродетельных, то не стыдись, когда станут осмеивать тебя порочные. А как скоро приходит тебе на мысль что-нибудь гнусное, представь, что многие на тебя смотрят, и устыдись сам себя.

1. Доброго всегда предпочитай недоброму. **190.** Обращаясь с порочными, и сам непременно сделаешься порочным. От худого человека никогда не принимай милости, потому что он старается чрез это найти у тебя извинение своим делам.

2. Хочу, чтобы попользовались чем-нибудь и от неприязненного. Ибо тому, кто избежал его нападений, **195.** советую вперед быть осторожнее. И горького лекарства боюсь, и сладкого не одобряю.

3. Награждай добрых, презирай злых. Но и последним оказывай одну милость, нимало не оскорбляйся их поступками, чтобы великодушием и их со временем сделать добрыми. **200.** Прекрасный дар – милость.

4. Будь милостив ко всем, если это возможно, а еще милостивее к ближним. Для чего говорю сие? Кто поверит, что ты добр к чужим, если несправедлив к тем, кому одолжен?

205. (52) Для чего слагаем во всем вину на бедного врага, когда сами своей жизнью даем ему над собой власть? Укоряя себя самого или во всем, или в большей части проступков. Огонь зажигаем мы сами, а злой дух раздувает пламень.

53) Не слишком поддавайся игривым снам. **210.** Они не должны как пугать всем твой ум, так окрылять его приятными мечтами. Все это бывает часто сетью неприязненного врага.

54) Всякому правому намерению пусть предшествует надежда. Она помогает иногда и в худом; **215.** и потому не справедливо ли, чтобы еще более содействовала в добре? Несносно для меня, что преодолеваюсь злым.

55) Верь, что благоразумие надежнее счастья. Одно есть быстрое течение обстоятельств, а другое – кормило. **220.** Ничего не предпочитай учености, она одна составляет собственность приобретших ее.

56) Если хочешь быть богом, показывай свою деятельность не в том, чтобы делать зло, но в том, чтобы делать добро. Последнее свойственно человеку, который знает, что ему сродно. А убить без труда могут и тригон⁹⁶, и скорпион.

225. (57) Стыдно юноше быть немощнее старца, а старцу – безрассуднее юноши. Впрочем, будь мудр хотя по летам, а совершеннейшие бывают целомудренны и не по летам.

⁹⁶ Тригон – морская рыба группы скатов, с ядовитой иглой на длинном, тонком хвосте.

(58) Непрестанно устрой свое спасение, **230**. особенно же когда приближается конец жизни. Наступила старость, – это провозвестница, которая извещает об исходе. Всякий готовься, потому что близок Суд.

(59) Конец слова: отречение от Бога бывает двоякое: одно – словом, другое – делом. **235**. Смотри, чтобы не уловил тебя враг; он непрестанно угрожает тебе тайными падениями. Бойся, чтобы не сделалось для тебя нужным конечное очищение.

34. Определения, слегка начертанные

Бог есть сущность и первая доброта.

Мир — сопряжение скоропреходящего и умопредставляемого. А то, что каждую вещь делает такой или инаковой, есть *природа*.

Природа невещественная — *Ангел*, первая тварь.

5. Но что такое Ангелы, уклонившиеся от доброго? Это *демоны*. Первый из них, бывший некогда денницей, есть изобретатель и начальник безобразной тьмы.

Вещество же – основа для образов, вторая тварь.

А *красота* в веществе – вид вещества, облеченного в образ.

10. Взаимный предел скоропреходящего и умопредставляемого есть *небо*.

Природа звезд – круговращающийся огонь.

А *свет* есть воспламененное озарение и в душе разум. *Тьма* бывает двоякая, как отсутствие двоякого озарения.

15. *Век* есть протяжение, непрестанно протекающее не во времени.

А *время* – мера солнечного движения.

Земля есть отвердение вещества, окружаемого небом.

Огонь есть естество горящее и стремящееся вниз.

Вода – естество текучее и падающее вниз.

Воздух — наполнение пустоты и вдыхаемый поток.

20. *Я человек* — Божие создание и Божий образ.

Тело – вещество и протяженная дебелисть.

Стихия есть первоначальная часть тела.

Душа – природа оживляющая и движущая; с моей же душой срастворены разум (*λόγος*) и ум (*νοῦς*).

25. *Жизнь* есть сопряжение души и тела, равно как *смерть* – разлучение души с телом.

Ум — это внутреннее и безграничное зрение, а дело ума – мышление и впечатление в себе мыслимого. *Разум* — разыскание впечатлений ума; **30**. его ты выговариваешь посредством органов голоса.

Ощущение есть какое-то принятие в себя внешнего.

Память есть удержание в себе впечатлений ума, отложение памяти – забвение, а отложение забвения есть опять какая-то память, которую называю *воспоминанием*.

35. Под *хотением* разумею наклонение ума и встречу чего-то такого, что в нашей власти; но иного и хотеть не должно.

Движение, куда я хочу, это *свобода*.

Усильное таковое движение называю *рвением*, а произвольность есть насилие воли.

40. Под *суждением* разумею различение предметов.

Вожделение есть пожелание или прекрасного, или не прекрасного; а вождление воспаленное и неудержимое – это *любовь*.

Раздражение есть внезапное воскипение в сердце; раздражение продолжительное – это *гнев*; **45.** а раздражение, в котором человек помнит зло и замышляет сам сделать зло, есть *памятозлобие*.

Терпеливостью называю переваривание в себе скорби; а спокойно встречать обиду означает *негневливость*; древние обыкновенно называли это *кротостью*.

Навык к доброму почитай *добродетелью* **50.** и, обратно, навык к худому – болезнью, противоположной добродетели. И первую признавай даром Божиим, а последнюю – своим изобретением.

Красота есть соразмерность во всем, а *гнузность*, по моему рассуждению, есть поругание красоты.

Мужество есть твердость в опасностях; **55.** *дерзость* есть смелость, где не надлежало бы отваживаться; а какое-то сжатие сердца, когда надлежало бы на что отважиться, есть *робость*.

Не поддаваться удовольствиям – это есть *целомудрие*, а поддаваться удовольствиям – это называю *распутством*.

Не домогаться того, чтобы иметь у себя больше других, это *справедливость*, **60.** а выступать из пределов равенства – это *несправедливость*.

Благоразумие есть опытность в делах.

Под *мудростью* разумей созерцание сущего.

Простота есть какой-то навык быть недеятельным к злу. А *двоедушие* есть коварство нрава.

65. *Удовольствие* есть какая-то разнеженность души.

Скорбь есть грызение сердца и смущение, а *забота* – это кружение, высшая же ее степень – *беспокойство*.

Рассуждение есть противоположение суждений о том, что делать.

Решение есть установление определений ума в одном.

70. Отвержение же определений ума почитаю *беспечностью*.

Зависть есть сокрушение о благоуспешности ближних, а *злоречие*, сверх того, и вредит из зависти. Но упрекать людей порочных есть похвальная страсть.

Стыд есть какое-то сжатие сердца от страха подвергнуться позору, **75.** а презрение стыда есть *бесстыдство*.

Прилежание есть какая-то стойкость в предположенном; ослабление этой стойкости называю *нерадением*. *Леность* же есть неподвижность к чему бы то ни было.

Ревность есть то подражание, **80.** то какая-то скорбь о том, что нежность тайно питают к постороннему любимому предмету; древние называют это *ревнивостью*.

Хвастливостью называю надмение сердца, а *кичливостью* – воспламенение сердца, производимое легкомыслием. *Горделивый*, по моему мнению, любит выказывать себя перед другими. **85.** А *спесью* называю самоуслаждение.

Иметь *смирennemудрие* значит не думать о себе и того, чего бы заслуживал; притворно выказывать свое смирennemудрие есть *насмешка*.

Щедрость – когда просто дает кто другому деньги, а *расточительностью* называю пожирание денег, **90.** *скупость* же есть бережливость на деньги.

Пышность есть блистательность в делах, а *щепетливость* – и о маловажном думать много.

Великодушен, кто все переносит с благодушием, а не переносить и малости – знак *малодушия*.

95. *Любочестие* есть умеренное желание чести, а *суетность* простирается далее меры, желание же пустых отличий есть *тщеславие*.

Казаться таким или иным есть *слава* (*δόξα*), а иное дело – *мнение* (*δόξα*), то есть наши представления о вещах.

100. *Обида* есть неблагородный поступок или неблагородное слово человека неприязненного. Злоречивый старается остудить. Порицание друга, не подвергающее наказанию, есть *упрек*. Обвинение же в чем-нибудь, заслуживающем наказание, есть *жалоба*. Если жалоба несправедлива, то делается *клеветой*. **105.** А если принесена еще тайно, то назову ее *ябедой*. Какой-нибудь безотчетный упрек есть *хула*. А *злозязычен*, кто против всех вооружает свои уста.

Обходительность есть развязность в беседе, а *ловкость обращения* – развязность, кроме слова, в движениях, **110.** *глупость* же есть неумение сказать кстати слово.

Смех есть судорожное движение щек и трепетание сердца.

Неумеренное употребление вина назову *пьянством*, непристойное состояние упившегося есть *опьянение*, а *похмелье* — неприятное следствие вчерашнего упоения.

115. *Убийство* бывает двоякое – или тела, или образа Божия, а в том и другом случае разрушается вожделенная гармония.

Блуд и *прелюбодеяние* также бывают двоякого рода: это или какое-то похищение чужим телом или и демоном, когда любовь, какой обязаны мы к Богу, питаем ко врагам Божиим.

120. Но кто и золото чтит, есть также *идолопоклонник*.

Если приобрести что-нибудь для души есть *польза*, то лишить ее чего-нибудь есть *вред*.

Жалость есть сострадание к несчастью, а *милосердие*, когда оказываем какое-нибудь благодеяние страждущему.

125. Известный навык в делах есть *нрав*, а *поведение* – такой образ действия, в котором выказывается нрав.

Обучение есть образование делом и словом.

Совершенное слово врачует злых, а *несовершенное* губит и добрых.

130. Под *созерцанием* разумей размышление об умопредставляемом, а *деятельность* есть некоторое действие, относящееся к тому, что обязаны мы делать.

Навык есть какое-то постоянное качество, а произведение навыка называю *действием*.

Искусство есть заведенный порядок действия по опыту, **135.** а такой навык, от которого и отступить невозможно, называется *знанием*.

Что само не ради чего-нибудь, тогда как другое ради сего, то называю *концом*, а *цель* есть то, чего домогаемся при конце.

Под *прошением* разумей испрашивание необходимого, **140.** под *молитвой* – испрашивание лучшего, под *обетом* — обещание умиловительной жертвы, а *умиловительная жертва* есть дар, приносимый в честь.

Похвала есть доброе слово о чем-нибудь моем. *Хвала* есть благоговейная похвала Богу. *Песнь*, как думаю, есть мерно сложенная хвала. **145.** Псалом в соединении с пением делается *псалмопением*.

Говорить о чем-нибудь действительном, как оно есть, это *нелживость*, а говорить не так, как оно есть, это *ложь*, говорить же вопреки есть *словопрение*, и что хуже этого в жизни?

Клятва есть уверение при посреднике Боге. **150.** И соблюдение того, в чем клялся, есть *верность клятве*.

Под словом *набожность* разумею и почитание демонов. А *благочестие* есть поклонение Троице. *Отречением* от Бога будет, как унижать Одно из Трех Лиц, так и не чтить соестествия в Боге.

155. *Вера* бывает двоякая: одна по убедительности слова, а другая по какому-то на все готовому согласию. И первая есть *правильная*, потому что начальником слова – Само Слово.

Надежда есть общение с отсутствующим предметом, а прекращение такого общения называю *отчаянием*.

160. *Любовь*, по моему определению, есть единодушие, а *любовь к Богу* – вместе и путь к обожению.

Ненависть есть какое-то отвращение, порождающее вражду.

Лицемерие есть скрытая горечь.

Любить человека значит воздавать честь Создателю; **165.** *служить нищим* значит воздавать честь Обнищавшему ради нас.

Тот *страннолюбив*, кто себя самого признает странником.

Безмятежность жизни есть вожденный мир, особенно же мир душевный, то есть утишение страстей.

170. *Вражда*, по моему мнению, есть разномыслие и раздор. А вражда и война – изобретатели зол.

Чистота есть общение с Богом.

Скверным и *скверной* почитай грех.

Очищение есть омовение нечистот, а *нечистойой* почитаю и отпечатление в себе худого.

175. *Бракосочетание* есть законный, плотский союз.

Девство есть исшествие из тела.

Тот *монах*, кто живет для Бога, и притом для Него единого; а *монастырь*, по моему мнению, есть учреждение, которое имеет целью спасение.

Грех есть уклонение от доброго, **180.** не допускаемое ни законом, ни природой.

Закон есть судебное определение того, что мне делать, а *заповедь* есть Владычнее повеление.

Преступление есть худой поступок при существующем законе. Под *беззаконием* разумю неподчинение законам.

185. *Первый закон* есть иудейство, а *второй* — таинство страдания. Один прикровен и истребляет служение демонам, а другой ясен и разрушает гадания.

Вочеловечение Христово есть новое создание меня, человека; **190.** потому что Бог во плоти пострадал моим страданием. Он вполне воздал за все мои долги; по милости к Еве родился от жены, но от Девы; ибо и первое Его рождение есть от единого Отца;

и Бессупружный произошел от беспупружных. **195.** А *перепись* была во образ последовавшего Божия вписания. *Повитие пеленами* — взамен Адамовой наготы. *Избиение младенцев* — это отмена младенческих прообразований. *Идущая звезда* — это поклонение твари. *Приходящие волхвы* — это вступление язычников в Церковь. **200.** *Крещение Христово* было очищением вод для меня. *Дух* — это засвидетельствованное родство. *Пост* — умщение на борьбу с врагом. *Искушение* было изведанием хитрости Божией. *Терновый венец* и *облечение в порфиру* — **205.** это отнятие державы у врага в открытой борьбе. *Крест* — это победное знамение, и деревянный — в знамение древа. *Гвозди* — это пригвождение моего греха. *Распростертыми руками* Христос все объемлет. А *вкушение желчи* противоположно Адамову вкушению. **210.** Один из *разбойников* спасся — это уверовавший Адам, а другой был худ, хотя и пригвожден ко кресту. *Тьма* от шестого часа — это плач о Страждущем. А *распадение камней* поборают камни. **215.** *Воскресение мертвых* и *вишество* во град — это представление умерших в горняя. *Кровь и вода*, вместе истекшие из ребра, это двоякое крещение купели и страдания, когда принесет опасности время гонений. *Мертвость Иисусова* есть истребление мертвости во мне. **220.** *Воскресение Христово* из мертвых — мое освобождение из ада. *Восшествие Христово в горняя* и меня возводит горе'.

Рассмотрим теперь и то, что за сим следует.

Народ — это собрание богочтителей.

Храм — это освященное место очищения для народа.

225. *Дар Богу* — это очистительные жертвы.

Богоприимная трапеза — это чистое хранилище даров.

Священство — это освящение мыслей, приближающее человека к Богу и Бога к человеку.

Таинство есть неизглаголанное богочестие.

230. Под *благодатным дарованием* разумею Божественное даяние Духа.

Пророчеством называю проповедь о сокровенном.

А *Евангелие* — это проповедь о новом спасении.

Апостольство же есть содействие проповеди.

Оглашение, преподаваемое юным, есть ведение слова.

235. *Покаяние* — обращение к лучшему.

Закливание — изгнание демонов.

Купель есть печать второй жизни.

Просфоры — общение Божия воплощения и Божиих страданий.

240. *Знамение* есть чудное событие, выходящее из ряда обыкновенных.

Огненные языки — присутствие Духа.

Человек душевный далеко не совершен, *человек плотский* крайне предан страстям, а *человек духовный* не далек от Духа.

245. Кто *антихрист*? Зверь, исполненный яда, человек многомогущий.

А что такое *отступление* (2 Фес. 2:3)? Это недавний, всех злейший отступник [Юлиан] или господствующее ныне учение, рассекающее Бога.

250. После него Христос опять придет во славе Отца и с телом, чтобы видели Его богоубийцы. После него воскресение, или сопряжение сложного. После него скончание — разрушение существующего, а может быть, и некое изменение в лучшее. После него суд и страх.

Что же такое *суд*? **255.** Собственная и внутренняя тягота или легкость совести и приравнение жизни к закону.

А бодрость жизни, по моему мнению, есть *блаженство*.

Что же такое *Царство*? Созерцание Бога, Его славословие и песнопение совокупно с Ангелами.

260. *Тьма*, уготованная самым злым, это отпадение от Бога. *А червь и огонь* — потребление вещественной страстности. Если же и иное что лучшее, то и сие не вне возможного Богу.

А что такое случай, Промысл, судьба? *Случаем* было бы нечто совершившееся само собой без всякого к тому основания. **265.** *Промысл* есть кормило, которым все приводит в движение Бог. *Судьба*, как я сам себе представляю, есть цепь Божиих предначертаний.

Таковы мои определения в первом их очерке!

35. На любомудрую нищету

Ты и в болезни весел, роскошествуешь, если только богат; чувствуешь, правда, зло, однако же есть у тебя и врачество от болезни. А другой беден, но воздержен. И он втрое блажен, потому что нет у него ни зла, ни врачевства от зла. **5.** И я богатого, но раболепствующего страстям, тогда разве предпочту нищему и мудрому, когда человека крепкого силами, но помешанного в уме соглашусь предпочесть здравому уму, хотя и худосильному.

36. О том же

Пусть один, имея у себя много врачевства против страданий, тяжело болен; а другой, не имея ни одного врачевства, весьма здоров: которого из них станешь ты ублажать? Очевидно, здорового; а знаю, что то же скажет и всякий. **5.** Так и человека, который имеет нужду в немногом, хотя он и очень беден, предпочти богатому и деньгами и страстями.

37. На терпение

Когда встречаешь человека, который худ и благоденствует, знай, что он блюдетя для конца. А когда видишь доброго в несчастье, разумей, что скорбь служит очищением. Если и не много **5.** привлек он на себя нечистоты, то потребны труды стереть ее так, чтобы не осталось ничего годного к сожжению. Или несчастья бывают также, по Божию попущению, искушением и бранью от неприязненного. В этом да уверит тебя победоносный Иов.

38. О том же

Если, будучи несчастным порождением греха, процветаешь, то знай, что блюдешься для конечных мучений. А если, будучи добродетельным, получишь в удел скорбную жизнь, то знай, что очищаешься, как золото в горниле. **5.** Или если, как новый Иов, изнемогаешь телом в борьбе с завистником, то для того, чтобы после подвига получить тебе победный венец. Посему, и благоденствуя, не услаждай этим мысли, и в горестях не падай духом, все принимая с христороносным сердцем.

39. Счастье и благоразумие

Один златолюбец где-то сказал: «Желаю тебе лучше каплю счастья, нежели бочку ума». Но мудрец возразил ему: «Для меня лучше капля ума, нежели море счастья».

40. О суетности человеческой⁹⁷

Те, кто, как паук, сплетают нити паутины, и в этой жизни издеваются над слабыми, пусть знают, как носятся легко ветрами и разлетаются [во прах] все приятности такой паучей жизни. **5.** Взирайте вы, кто имеет украшенные троны, и от непостоянных преимуществ раздувается, на суд последний неизбежный, от коего ничто никак не сможет утаиться.

⁹⁷ Минь пишет, что это краткое стихотворение присутствовало в лат. переводе Библия как окончание стихотворения Григория, но на греческом не было издано никогда и отсутствует в греческом тексте, которым руководствовались при переводе, в кодексе *Reg. 1277*. Перевод сделан для настоящего издания по PG. Т. 37. Col. 968. — *Ред.*

Книга II. Стихотворения исторические Liber II. Poemata historica

Раздел I. О себе Sectio I. De seipso

1. Стихи о самом себе

В которых св. Григорий Богослов скрытым образом поощряет и нас к жизни во Христе.

Царь мой, Христос! Ты чистыми дланями служителя Твоего Моисея, крестообразно воздетыми на горе, низложил некогда губительную силу Амалика (Исх. 17:11). Ты простертыми руками Даниила связал во рве страшные пасти львов **5**. и ужасные острия их когтей (Дан. 6:28–42). Через Тебя молящийся и во утробе зверя простирающий руки Иона исшел из великого кита (Иона. 2:11); и в ассирийском пламени трех мужественных юношей, как скоро воздвигли они длани, **10**. покрыло росоносное облако (Дан. 3:50). Ты Сам некогда ходил по кипящему морю, усмирял волны и силу ветров, извлекал из моря обуреваемых ветрами учеников (Мф. 14:30); Ты разрешал от болезней и души, и телесные составы многих; как Бог, принявший на Себя естество человеческое, вступал в общение со смертными. **15**. И Богом был Ты от века, человеком же явился нам напоследок, чтобы после того, как Сам Ты стал человеком, меня сделать богом. Будь и ко мне милосердным Богом, Блаженный, и спаси меня! Будь и ко мне милосердным Богом и приди к зовущему! Приди, милосердный Боже, подай мне руку и спаси меня, который стражду от брани, от зверей, от пламени, от ветров и на небо только возвожу взоры! **20**. Ибо для меня и зверями, и свирепой волной моря, и плачевной бранью, и стремлением палящего огня – всем бывают злые люди, губители моей жизни, люди, которые всего более ненавидят любящих Бога, **25**. не боясь суда, угрожающего им впоследствии, не уважая и людей, отвращающихся злочестивца. От них огради меня, Христе, и милостиво соблюди, покрыв Своими крылами! Удали от служителя Твоего, Царь, обременительные бедствия; **30**. да не возмущают ума моего тяжкие заботы, какие мир и царствующий в мире возбуждают в жалких смертных, как ржа железо истневая⁹⁸ в них боговидный образ и лучшую часть человека обращая в нечто сродное персти, **35**. чтобы не душа восторгала горе' тяготешую к земле персть, но персть низлагала на землю крылатую душу, оплототворив злосчастную перстными делами!

Для смертных двое есть врат страшной смерти. Одни источают из сердца мутный поток греха; у них всегда на уме дела вредоносные: **40**. плотоугодие, оскорбительная наглость, губительные замыслы; они, возлюбив свою участь и сами себя поощряя на всякое преступление, услаждаются грехом. Другие же чистыми очами ума видят Бога, отвращаются наглости – сего порождения бесстыдного мира, **45**. живут без скорбей под сенью плоти, ускоренными стопами попирают землю, с легкостью следуя за зовущим Богом и Духом, и воссияют впоследствии, как таинники сокровенной жизни Царя-Христа, когда она явится во свете. **50**.

⁹⁸ Истинити (ц. – сл.) – стирать, сокрушать в прах, разжедать. – Ред.

Но и они, будучи данниками нужды, искушаются худыми терниями жизни, а злобный враг демон для немощных смертных измислил из сего тысячи жал смерти, часто под благовидной личиной скрывая жалкую пагубу, чтобы уловить противоборствующего; он так же готовит гибельный **55.** конец людям, как удочка в воде приносит смерть рыбам, которые, желая жизни, но поглощая только собственную свою пагубу, неожиданно привлекают крючок в свою внутренность. И ко мне этот коварный, так как знал я, что он тьма, **60.** облекшись в прекрасную наружность, приступал в подобии света, в надежде что и я, возлюбивший добродетель, приближусь к пороку, когда и мой легкий ум увлечется в пагубу.

Меня не связало супружество – этот поток жизни, эти узы, тягчайшие из всех, какие налагает на людей вещество, как начало трудов. **65.** Меня не пленили прекрасные волны шелковых одежд; не любил я продолжительных трапез, не любил пресыщать прожорливое чрево – эту погибельную мать плотоугодия; не любил я жить в огромных и великолепных домах; не расслаблял я сердца музыкальными звуками, нежно потрясающими слух; **70.** меня не упоевало негой роскошное испарение благовонных мазей. И серебро и золото предоставлял я другим, которые, сидя над несметным богатством, любят предаваться заботам и не много находят для себя услаждения, но много труда. Для меня приятен кусок хлеба, у меня сладкая приправа – соль, а стол приготовлен без трудов **75.** и питье трезвенное – вода. Мое лучшее богатство – Христос, Который непрестанно возносит ум мой горе, а не поля, засеянные пшеницей, не прекрасные рощи, не стада волов или тучных овец, не дорогие служители – один со мною род, но отделенный от меня древним мучительством, **80.** которое на рожденных одной землей (землей или Богом) наложило двоякое именование – благородства и рабства, что подтвердил и недобрый закон. Ни к чему не нужны мне ничтожная честь, которая проходит скорее разливающегося дыхания, и скорогибнущая слава; **85.** не важно для меня получить от царя награды при дворе; никогда не обольщало меня желание судейского места, на котором, заседаая величаво, мог бы я высоко поднять вверх брови; не важно для меня иметь могущество в городах или между гражданами, увеселяться самыми лживыми и ничтожными грезами, **90.** которые как приходят одна за другой, так и улетают, или хватать руками мимотекущий поток, как нечто твердое ловить тень и сжимать ее руками, простирать длани к туману и осязать его. Таков человеческий род, таково и человеческое счастье: оно подобно самым неприметным следам корабля, **95.** которые нарезаются спереди и исчезают сзади! Одна слава была для меня приятна – отличаться познаниями, какие собрали Восток и Запад и краса Эллады – Афины; над сим я трудился много и долгое время. Но все сии познания, повергнув долу, положил я к стопам Христовым, **100.** чтобы они уступили Слову великого Бога, Которое затмевает Собою всякое извятие⁹⁹ и многообразное слово ума человеческого.

Но, избежав иного, не избежал я невероятной вражды неприязненного, который с лицом дружелюбным строит мне козни. Откровенно поведаю всем мое бедствие, **105.** чтобы другие могли спастись от ухищрений пресмыкающегося зверя.

Услуживая родителям, которые обременены были старостью и жестокой скорбью, потому что из детей остался у них я один – слабая надежда, небольшое мерцание уже несуществующего великого светила, – услуживая родителям, думал я исполнить угодное Тебе и законам Твоим, Царь мой Христос, **110.** потому что Ты, Блаженный, даруешь детей смертным, чтобы имели в них помощь и ими, как жезлом, подпирали дрожащие члены. А из всех, которые чтут Тебя, мои родители особенно заботятся о благочестии; избегнув опасности скорбной жизни, **115.** они привязали корабль свой к Твоим чистым заповедям. Ты для них начало и конец. Матерь моя, наследовав от отцов богоугодную веру, и на детей своих наложила золотую сию цепь. В женском образе нося мужское сердце, **120.** она для того только касается земли и заботится о мире, чтобы все, и самую здешнюю жизнь, преселить в жизнь

⁹⁹ Извятие (*ц. – сл.*) – здесь: изощренность. – *Ред.*

небесную и на легких крыльях воспарить горé. А родитель прежде, служа идолам, был дикой маслиной, но привился к стеблю маслины доброй **125**. и столько принял в себя соков благородного корня, что закрыл собой дерево и многих напитал медоточными плодами; он сед волосами и вместе сед умом, приветлив, сладкоречив; это новый Моисей или Аарон, **130**. посредник между людьми и небесным Богом; непорочный внутренно, чистыми тайноводствами и нашими жертвами, какие закаляют ум, приводит он в общение смертных и великого бессмертного Бога. От такого родителя и от такой матери произошел я. Соревновать им невозможно; а что соревнуют они друг другу, это не тревожит меня. **135**. Заботясь о них и облегчая их труды, питал я ум свой надеждами, что делаю самое полезное дело, исполняю долг природы.

Но несомненно, что путь нечестивых исполнен пагубы, потому что и из доброго произошло для меня злое. **140**. Непрестанные и тяжкие заботы, день и ночь снедая душу и тело, низводят меня с неба к матери моей – земле. Во-первых, управлять слугами – подлинная сеть пагубы. Жестоких владык они всегда ненавидят, **145**. а богобоязненных бесстыдно попирают; к злым неснисходительны, добрым неблагоприятны, но на тех и на других дышат неразумным гневом. А сверх того надо заботиться об имуществе, всегда иметь на плечах царское бремя [налогов], переносить сильные угрозы сборщика податей; **150**. потому что подать, возрастая с имением, унижает для людей цену самой свободы, а на устах лежат узы. Надо проводить время среди волнений многолюдного собрания, близ высоких седалищ, с которых решаются людские распри, надо выслушивать громкие возражения противника **155**. или по закону терпеть скорби в запутанных сетях. Вот бремя, вот труд! А злые берут преимущество пред добрыми; блюстители законов могут быть куплены той и другой стороной. И если злой имеет у себя больше достатка, то он и лучший. Кто же с такими людьми, **160**. без помощи Божией, избежит множества лжи и хитросплетений? Ибо необходимо или опрометью бежать и оставить все злым, или очернять свое сердце, подобно как приближающийся к злему дыханию истребительного огня носит на себе печальные знаки или пламени, или дыма. **165**. Но это еще сносно. Моя рана болезненнее. После того, как единокровный мой [брат] оставил жизнь, сколько я терпел, и сколько надеюсь еще терпеть! Кто встретил неожиданные потери, тот [уже] не ожидает лучшего. При жизни брата и я имел некоторую славу у людей; **170**. богатство же или могущество никогда не уловляло моего сердца. А как скоро он умер, один я терплю скорби и горести.

Из имения, каким владел брат, иное поглотила разверзшаяся земля, когда и сам он покрыт был развалинами Nikeи, а иное демон предал расхищению руками негодных людей; **175**. только сам, заваленный обломками, избежал он смерти, потому что небесный Бог простер руку Свою над домом, в котором он находился. О Кесарий мой – досточтимое имя! Как утренняя звезда блистал ты тогда при дворе царском, занимая первое место по мудрости и кроткому нраву, **180**. имея у себя многих сильных друзей и товарищей; для многих изобретал ты врачевства от тяжелых телесных недугов; многих своими благодеяниями избавлял от нищеты; но теперь ты умер и насытил многих псов, которые отовсюду обступили меня и лают, а из родных никто не подает мне помощи. **185**. Немногие меня любят, и те любят, как враги; уважают, пока еще ничего не получили, а получив, ненавидят. Так с высокого развесистого дуба, порываемого усилиями ветра, и здесь и там, отовсюду вокруг похищаются ветви; так с обширного виноградника, у которого разрушена ограда, **190**. мимоходящие путники без милосердия собирают гроздь, и в одиночку пасущийся в лесах вепрь наносит ему вред зубами. А мне – многослезный труд; нет сил в моей руке ни насытить, ни отогнать всех.

С тех пор, как и первый раз, отрешившись от житейского, **195**. предал я душу светлым небесным помыслам, и высокий ум, восхитив меня отсюда, поставил далеко от плоти, скрыл в потаенных местах небесной скинии, осиял мои взоры светом Троицы, светозарнее Которой ничего не представляла мне мысль, Троицы, **200**. Которая с превознесенного престола

изливает на всех общее и неизреченное сияние, Которая есть начало всего, что отделено от вышнего временем, – с тех, говорю, пор я умер для мира, а мир умер для меня. Я дышащий мертвец; мое могущество – кончившаяся греза; моя жизнь в ином мире; я воздыхаю под деблою плотью, **205.** которую мудрые прекрасно называют мраком ума. Отрешившись от здешней жизни, от омрачающего зрения, от всего, что, пресмыкаясь по земле, блуждает и вводит в заблуждение, желаю чище приникнуть ¹⁰⁰ в постоянное, чтобы не в смеси (как обыкновенно доселе) с неясными образами, **210.** которыми зрение даже самого острого ума вводится в обман, но чистыми очами видеть самую истину. Впрочем, сие возможно впоследствии; а здешнее – ничего не стоящий дым или прах для того, кто эту жизнь обменял на жизнь великую, жизнь земную – на жизнь превыспреннюю, жизнь скоропреходящую – на жизнь постоянную.

215. За сие-то и напали на меня все, не хотят отойти от меня, спеша, как на готовую добычу. Увы, увы, мой Кесарий! И ты – горсть праха, ты, который отражал от меня все беспокорства, давал мне возможность избегать всякого бремени, почитал брата, как не почитал никто другой, **220.** уважал меня, как иной уважает любимого отца!

Но я не столько сетую о потере имущества, которое желал сделать общим достоянием нуждающихся, потому что и сам я здесь пришелец и скиталец и все предоставляю руке Всевышнего – подательнице благ; **225.** не столько сетую об обиде, ненавистной всякому смертному, хотя она и кроткого человека всего скорее может привести в гнев; не столько сетую о единокровных, которых скрывает от меня гроб, похитив преждевременно, когда они возбуждали удивление всех земнородных, сколько плачу о душе своей, ибо вижу, **230.** что эта прекрасная и великая царица, дочь благородных царей, изнемогает под тяжестью неразрешимых оков. Враги пленили ее силой оружия, подвергли трудному рабству; и она потупляет в землю печальные очи. Таково мое страдание; вот рана, которую ношу в сердце!

235. Есть древнее сказание, что если злая ехидна наложит зубы и нанесет губительную рану, уязвленный только тому охотно пересказывает о сем, в кого безжалостная ехидна со своим палящим ядом влила ту же пагубу, потому что только такой человек знает нестерпимость боли. **240.** Так и я поведаю о своем мучении только тем, у кого одинаковая со мной любовь, одинаковое страдание и подобная скорбь. Только тот примет рассказ мой с любовью, пожелает знать лучшие тайны слезящего сердца, кто, возжелав подъять на рамена бремя креста и имея свою часть в ограде **245.** великого Царя, предпочитает путь прямой и сострадательный к падшим. Но я возбудил бы смех, рассказывая о своих горестях другим, особенно в ком вера слегка напечатлелась на поверхности сердца, **250.** в чью внутренность не проникла крепкая любовь к Царю, кто живет на земле, помышляя единственно о том, что однодневно. Но да погибнут такие люди, потому что на всех, и на добрых, и на злых, равно изошряют они язык – эту уготованную стрелу!

А я не прекращу сетования, пока не избег плачевного порабощения греху, **255.** пока ключом ума не замкнул безумных страстей, которым жестокий сатана отверз ныне все входы, хотя они не имели ко мне доступа прежде, когда покрывала меня Божия рука, и грех не имел поблизости такого вещества, которое бы легко и скоро воспламенялось, как солома от приближения огня не только возгорается, **260.** но, раздуваемая ветром, образует высокий пламенный столп.

Мне надлежало бы прежде всего укрыть свою плоть в пропастях, горах и утесах; там, бегая от всего, от самой этой жизни, от всех житейских и плотских забот, живя один вдали от людей, носил бы я в сердце всецелого Христа, **265.** к единому Богу вознося чистый ум, пока не облегчила бы меня смерть, наступив вместе с исполнением надежд. Так надлежало бы! Но меня удержала любовь к милым родителям; она как груз влекла меня к земле; даже

¹⁰⁰ Приникати (*ц. – сл.*) – кристально смотреть, всматриваться наклонившись (Пс. 13:2; Лк. 24:12). – Ред.

не столько любовь, **270.** сколько жалость – эта приятнейшая из всех страстей, проникающая всю внутренность и все составы костей, жалость к богоподобной седине, жалость к скорби, жалость к бесчадию, жалость к заботливости о сыне, с какой, непрестанно предаваясь сладостным трудам, трепещут за него, как за глаз своей жизни и как за обремененного печалью. **275.** Предметом его занятий были прежде книги, которые Дух начертал языком святых мужей, а также из доброго письмени просиявающая благодать Духа, и сокровенная польза, открываемая одним очищенным. Ему приятны были молитвы, воздыхания, бессонные ночи, **280.** ангелоподобные лики, которые, стоя на ногах, призывают Бога в псалмах и в песнопениях возносят к Нему сердца, из многих уст воссылая общие славословия. Ему приятны были изнурение виновника зол – чрева, умерение смеха, неподвижность языка и очей, обуздание **285.** неистового гнева. А ум сдерживал блуждающую и всюду озирающуюся мысль, обращал же ее ко Христу небесными надеждами; ум стоял выше всего, возводя образ к Царю. И Богу угодно было такое стремление. Вместо богатства и несносного шума, **290.** который беспокоит меня в ночных сновидениях (потому что призраки ночи подобны дневным заботам), у меня перед очами были Божие сияние, пресветлое ликостояние и слава душ благочестивых. **295.** Но теперь в душе моей, которая прежде любила беседовать со всеми добродетельными, погибли все украшения, остались же внутреннее желание и безнадежная скорбь.

О сем плачу и ясно не знаю, что принесет завтрашний день. Приведет ли меня Бог обратно к прежним правилам жизни, освободив от горестей и сняв с меня все бремя, **300.** или прежде нежели увижу ясное небо, прежде нежели приложен будет пластырь к ранам, изринет меня отсюда погруженным в скорби, несчастливцем, который желает света после глубокой ночи? Тогда кто поможет сетующим напрасно? Здесь врачество для людей, а напоследок все будет заключено.

305. Седая голова и покрытое морщинами тело преклонились уже у меня к вечеру скорбной жизни. Но доселе не испивал я столь сильных и многочисленных горестей. Не страдал я столько и тогда, как, отправляясь в Ахаию из Фаросской земли, встретил я море, обуреваемое ярими ветрами **310.** при восхождении осеннего тельца¹⁰¹, которого особенно боятся пловцы, и немногие из них осмеливаются при нем отвязать корабельный канат. Двадцать дней и ночей лежал я на корме корабельной, призывая в молитвах царствующего в горних Бога; пенная волна, **315.** подобная горам и утесам, то с той, то с другой стороны ударяла в корабль и нередко низвергалась в него; от порывистого ветра, свистящего в канатах, потрясались все паруса; эфир в облаках почернел, озарялся молниями и повсюду колебался от сильных ударов грома. **320.** Тогда предал я себя Богу и избавился от ярого моря, усмиренного святыми обетами. Не страдал я столько и тогда, как колебались основания обширной и трепещущей Эллады, не видно было пособия в бедствии, а я трепетал оттого, что душа моя **325.** не была еще освящена небесным даром, ибо благодать и озарение Духа привлекаются на людей купелью¹⁰². Не страшился я столько и тогда, как болезнь пожирающим своим дуновением наполнила мои уста, стеснила проходы дыхания и пути жизни; и тогда как, в потемнении ума вертя прутом, **330.** поранил и окровавил я себе изогнутый угол ресницы, как убийца, утратил для себя свет; великий плач последовал за жестокой ошибкой, и я не мог своими руками возносить духовной жертвы Богу до тех пор, пока слезами не измыл повреждения, **335.** потому что для нечистого опасно прикасаться к чистому, равно как и слабое око устремлять на огнистое солнце. Много потерпел я бедствий. Кто перескажет все то, как призывал меня Бог, и отягощая на мне руку Свою, и благоволя ко мне? Но доселе не встречал я таких несчастий, какие напоследок приразились к моей злополучной **340.** душе.

¹⁰¹ В Средиземноморских широтах созвездие Тельца восходит в ноябре. – *Ред.*

¹⁰² Св. Крещения. – *Ред.*

Она желала бы увидеть когда-нибудь день свободы, совлекшись всего и обнажившись, избежать огня, уловления могущественным миром, чудовищной пасти змия, который готов уловляемого им поглотить своим зевом; **345.** а мой ум составляет сладкую пищу для велиара. Кто даст главе моей или веждам текущий источник, чтобы потоками слез очистить мне всякую скверну, сколько должно оплакав грехи? Ибо для смертных и для душ очернившихся самое лучшее врачевство – слезы, **350.** обгоревший пепел и безопасное на земле вретисце. Пусть всякий, взирая на меня, приходит в трепет, приобретает новые силы бежать от черной египетской земли, и горьких тамошних дел, и царя фараона, шествует же в божественное отечество! Пусть не остается он пленником на бесплодных равнинах Вавилона, **355.** сидеть на берегах реки, отложив в сторону все песенные органы и заливаясь слезами (см.: Пс. 136:1), но спешит в пределы святой земли, избежав ассирийского рабского ига, которое обременяло его доселе, и положит своими руками основание великого храма! **360.** С тех пор как я, злосчастный, оставил сию священную землю, не прекращалось во мне желание возвратиться туда; мучительное страдание повергло меня в старость, потуплены в землю мои глаза, скорбь растет в сердце, **365.** стыжусь смертных и бессмертного Царя; такова моя одежда и таково мое сердце, что не смею ни возвести взоров, ни отворить уст. Одной бедностью своей привлекаю к себе милосердие Царя, Который, благоволя ко всем земнородным, отвергает надменных.

Злые разбойники, как повествуется, поймав одного путника, который из святого града Иерусалима шел в известный городок Иерихон, причинили ему много оскорблений, всего изранили, нанеся бесславные удары, **370.** совлекли покрывавшие его одежды и по жестокосердию оставили едва дышащим. В скором времени нашли его другие путники, но левит и иерей прошли мимо, не оказав милосердия; когда же подошел один самарянин, он сжалился над бедным, **375.** взяв его, обвязал струпы, оставил врачевство для ран и плату попечителю (Лк. 10:30–35). Весьма чудно, почему самарянин, увидев его, сжалился, а не сжалились те, которые были лучше самарянина. Не знаю ясно, что таится под сим образом **380.** и какие тайны сокрывает Бог в Своей премудрости. Но да помилует меня в этом! И я таким же подвергся бедствиям. Ненавистник душ, похититель жизни, подобным образом истерзал и меня, когда выходил я из священного града; и меня лишил он благодати Христовой, и оставил нагим, как прежде Адама – причину персти и падения, **385.** когда вкушение низложило его на землю, из которой он произошел. Но умились ко мне, Царь; спаси от смерти меня, которого оставили иереи, как скоро увидели изнемогающим; введя в уготованный для всех дом, обвяжи мои струпы и, когда восстановятся мои силы, пошли опять во святой град, где бы мог я опять быть в безопасности; **390.** охрани от злых грабителей, от трудного пути, от ран и от таких мимоходящих, которые имеют безжалостное сердце, хотя и хвалятся благочестием!

Два человека, как слышу, вошли в храм: высоко о себе думающий фарисей, будто бы он всех угоднее Богу, и мытарь, **395.** у которого сердце сокрушено было внутренно раскаянием в неправедных прибытках. Один подробно перечислял посты, законные десятины, сравнивал себя с мужами древними и укорял словами мытаря; а другой, заливаясь слезами, ударяя руками в перси, **400.** не смея возвести даже очей к престолу великого Бога, то есть к широкому небу, и ни на кого не взирая своими рабскими очами, но стоя вдалеке, молился и взывал: «Будь милостив, умились над рабом Твоим, обремененным грехами! Меня не спасут ни закон, ни десятины, ни добрые дела; **405.** и укоряющий не лжет; я стыжусь и храма, потому что касаюсь его не преподобными ногами. Но Твоя благодать, Твое милосердие да излиются на меня, оскверненного; сию одну надежду, Царь, подай жалким беззаконникам». Так говорили они. Бог услышал обоих и помиловал того, **410.** кто оказался изнемогающим, а велеречивого поставил ни во что (Лк. 18:10–14). Как видел, так и рассудил их Ты, Боже

мой, Который и мне подаешь смелость, потому что и я пред Тобой – тот же негоднейший мытарь, так же тяжело вздыхаю и уповаю только на Твою помощь.

Если отец мой и почтенная мать **415.** воздали Тебе за меня слезами, вздыханиями и молитвами; если они уделяли Тебе хотя малую часть стяжаний, чествовали Тебя чистыми и святыми жертвами (а я сам ничего такого не сделал, что было бы достойно Тебя), то умоляю: вспомни о них и помоги мне. Удали от меня злые заботы, **420.** чтобы терния не подавили меня своими отраслями и не остановили в шествии божественным путем. Ты, защита моя, проведи меня невредимым, ибо Твой я служитель, Твое я достояние, Ты для меня от начала единый Бог, Тебе посвятила меня мать, **425.** нося меня еще во утробе своей. Тогда еще, желая на коленях своих держать сына и подражая священной Анне, взывала она: «Царь мой, Христос! Даруй мне увидеть сына, и юный плод чрева моего заключишь Ты в Своей ограде». Так вещала она; и Бог внял ее молению; в ниспосланном от Бога сновидении **430.** наречено матери мое имя; а потом дал Ты ей и сына, и она во святилища Твои принесла меня – нового Самуила, если только был я когда-нибудь Самуилом. А теперь сопричтен я к мерзким и наглым сынам достославного служителя Твоего Илия, которые с неразумным сердцем приступали к чистым жертвам, **435.** жадными руками касаясь священных котлов, за что и имели несчастный конец жизни (1 Цар. 4:17).

Но мать моя с лучшими надеждами отделила Тебе часть рожденных ею. Она руки мои очистила Божественными книгами и, обнимая меня, сказала мне такое слово: **440.** «Приводил уже некто к алтарю возлюбленного, богодарованного сына, готового стать священной жертвой. Наилучший отец приводил доброго сына, плод поздно рождающей Сарры и корень потомства, какое начертывали надежда и Божие обетование. Авраам был жрец, и Исаак – славный агнец. **445.** А я, как обещала, приношу Богу тебя – дар живой: исполни же материнское желание. Ты рожден у меня по молитвам моим; о том теперь и молюсь, чтобы ты был совершен. Это доброе богатство даю тебе, сын мой, для сей и для будущей жизни; но последнее гораздо лучше». **450.** Таково желание матери; и я покорялся ее желаниям, будучи еще отроком; юная душа моя принимала в себя новый образ благочестия; печать соблюдалась по мановению Христа, Который явно беседовал с рабом Своим, связал меня любовью к целомудрию, обуздал мою плоть, **455.** вдохнул в меня горячую любовь к Божественной мудрости и к жизни монашеской – начатку жизни будущей, к жизни, не ищущей ребра, которое бы любило плоть свою, лстивыми же словами доводило до горького вкушения, к жизни, приносящей в дар Богу чистую любовь и не разделяющей рожденного всецело от Бога между женой **460.** и Христом, Который, стезей узкой и трудной, чрез тесные и не для многих проходимые врата, в торжественном сопровождении приводит к Богу меня – бога, из земли сотворенного, а не рожденного и из смертного ставшего бессмертным, – приводит, **465.** с великим Божиим образом привлекая и помощника моего – тело, подобно тому как камень магнит притягивает черное железо.

Увы! Какое тяжкое отмщение потерпела ты, душа моя! Тщеславные смертные, подлинно стали мы подобны легкому дуновению ветра; **470.** или, как туда и сюда стремящийся поток Еврипа, надмеваясь пустотой, вращаемся мы на земле. Ни худое, ни доброе – ничто не бывает у людей до конца одинаковым. Пути добрых и злых идут между собой весьма близко; и злой не знает, чем он кончит впоследствии, **475.** и добрый не твердо стоит в добродетели; но как порок ослабляется страхом, так добродетель завистью. И Христу угодно, чтобы с тем и с другим боролся наш однодневный род, чтобы мы, взирая на Его могущество, устремляли взор горе! Тот у нас совершен, кто идет прямым путем, **480.** не озирается на пепельную пустыню Содома, погибельным огнем пожираемого за наглость, но стремительно бежит на гору и забывает об отечестве, из страха, чтобы не стать притчей и соляным камнем (Быт. 19:26).

Собственными своими страстями свидетельствую я о человеческой растленности. **485.** Когда был я отроком и несколько разумения имел в груди, тогда, следуя какому-то прикровенному разуму и похвальным обычаям, восходил я горе к светозарному престолу и не блуждающими стопами шел по царскому пути. Но теперь, когда собрался я с разумом и касаюсь уже предела жизни, **490.** как бы от упоения не тверды стали стопы мои, и меня, несчастного несут то вправо, то влево ¹⁰³; меня изнуряет брань с пресмыкающимся змием; она тайно и явно похищает у меня всякую хорошо придуманную мысль. То простираю ум к Богу, то опять увлекаюсь в худую слитность мира; **495.** и не малую часть души моей исказил смутный мир.

Но хотя покрыл меня собой черный грех, хотя враг мой, подобно каракатице, изрыгающей черноту свою на воды, явно излил на меня темный яд, **500.** однако же я столько еще могу разобрать и рассмотреть, что наилучшим образом вижу: кто я, чего желаю достигнуть и где нахожусь, несчастный, сколько раз падал я на землю или в разверстые под землей бездны. Не обольщаюсь убеждениями, не пленяюсь словами, придуманными в защиту страстей, **505.** не утешаюсь измерением чужих пороков, как совершеннейший в сравнении с другими. Большому, которого режут железом, приятно ли видеть, что режут и других и что они ощущают еще сильнейшую боль? Что за приобретение порочному оттого, что другой и его порочнее? Кто отличается добротой, от того может получить пользу и добрый и худой, **510.** потому что зрячий – приобретение для слепого. Но усладиться тем, что видишь порочных, есть признак еще большей порочности.

Если кто почитает меня хорошим, когда я худ, это тяжело для меня, и я внутренно проливаю тайные слезы. Лучше, будучи хорошим, во мнении других оставаться худым, **515.** нежели, будучи худым, иметь славу доброго и быть для людей обманчивым гробом, который внутри полон зловония от гниющих мертвецов, а снаружи блистает белизной и приятными для взоров красками (см.: Мф. 23:27). Убоимся великого Ока, которое видит и под землей, и в великих глубинах моря, видит все, что скрывается **520.** в человеческом уме. Пред ним ничего не разделяет время; для Бога все – настоящее. Как же сокрыл бы от Него кто-нибудь свое беззаконие? Где же укроем самих себя в последний день? Кто поможет тогда? Где утаимся от Божия ока, когда дела всех различит очистительный огонь, пожирающий легкое и сухое естество греха?

525. Сего-то греха боюсь и трепещу день и ночь, видя, как душа ниспадает от Бога на землю, больше и больше сближается с перстью, которой желал я избежать. Так на берегах осенней реки гордящуюся сосну или вечнозеленый чинар, **530.** подрывшись под корни, погубил соседний ручей. Сначала поколебал он все опоры и на стремнине поставил высокое дерево, а потом наклонил к реке держащееся еще на тонких корнях и, **535.** сорвав со стремнины, бросил в середину водоворота, повлек с великим шумом и отдал камням, где бьет непрестанно дождь; и вот, от сырости сгнивший, ничего не стоящий пенек лежит у берегов. И на мою душу, цветущую для Христа Царя, **540.** напал жадный, неукротимый враг, низложил ее на землю и большую часть погубил; а то небольшое, что осталось еще, блуждает там и здесь. О если бы опять воскресил ее Бог, Который создал не сущих, а потом и разрушившихся воссоздаст и приведет в иную жизнь, **545.** чтобы встретили или огонь, или светоносного Бога! Но все ли впоследствии встретят Бога? Этот вопрос отложим до другого времени.

Царь мой, Христос! Хотя неприязненные люди называют меня мертвым и бессильным, втайне издеваются надо мной, кивая головой, смеются моему бедствию, **550.** но Ты не оставь меня пасть под ударами противников. И во-первых, подкрепи снова в небесных надеждах и мне, угасающему, мне – жаждущей лампаде в светильнике, удели несколько влаги, несколько

¹⁰³ Греч. выражение *δοχμια βαίνω* – (дословно «иду косо, поперек») дорев. переводчик перевел как «иду излучинами». – Ред.

капель еля, чтобы, когда огонь возгорится, **555**. опять совокупился обновленный во мне свет и я сподобился светлой жизни. А во-вторых, сними с меня всякое бремя и отдай его бурным ветрам, а мне даруй легкое дуновение.

Довольно смирил Ты сердце мое. Наказываешь ли Ты меня за горький грех, или укрощаешь скорбями, как укрощают молодого коня, **560**. гоняя по непроходимым местам, или останавливаешь превозношение моего ума, так как оно весьма удобно рождается в тех из благочестивых, которые имеют легкий ум и самую благодать Божию обращают в повод к кичению, или моими бедствиями, Спаситель мой – Слово, **565**. хочешь Ты вразумить смертных, чтобы они возненавидели порочную жизнь, которая непостоянна, приводит к гибели всякого, и доброго и злого, поспешали же к иной жизни, к постоянной, неразвлекаемой, а для благочестивых и лучшей; но в великих глубинах премудрости Твоей сокрыто сие, **570**. что значат в продолжении превратной жизни преподаваемые смертным уроки, и благие и горестные, во всяком же случае самые полезные, хотя и скрывается это большей частью от дебелости нашего ума. Ты премудро движешь кормилом мира, куда ни обращаешь его; и им только спасаемся мы от опасных утесов, переплывая великое и наполненное подводными камнями море непостоянной жизни.

575. Но я, утружденный и сокрушенный всякого рода бедствиями, преклоняю пред Тобой колена. Пошли ко мне Лазаря, который бы увлажненным перстом прохладил скорее язык, иссохший в пламени; и меня – богатого страданиями, не удерживала бы долее бездна **580**. и не поставляла вдали от Авраамова лона (см.: Лк. 16:26). Прости надо мной мощную руку Свою, подай врачевство от горестей, покажи на мне все прежние чудеса, всю силу знамений. Скажи, и иссякнет немедленно кровавый ток. **585**. Скажи, и дух легиона взойдет в стадо свиней, низринется в море и отступит от меня (см.: Мк. 5:9). Удали несносную проказу (см.: Лк. 5:13); пусть свет проникнет в невидящие очи; пусть уши услышат голос (Мк. 7:32–37); распрости сухую мою руку (Мф. 12:10); разреши узы языка (см.: Мф. 9:33); **590**. утверди немощные стопы ног (Деян. 3:7); насыть от малого хлеба (Мф. 14:17–21); укроти страшное море (Мк. 4:39); облистай светлее солнца (Мф. 17:2); укрепи отяготевшие силы; воскреси из мертвых смердящего (Ин. 11:39); и, **595**. видя меня доселе бесплодной смоковницей, не иссушай (Мф. 21:19).

Другие полагаются на что-нибудь иное – на благородство крови, на прах и настоящую пышность; они ищут себе какого-нибудь ничтожного помощника. Я один оставлен Тебе единому, **600**. Царь царей, Тебе, властвующему над всеми! Ты моя величайшая сила! У меня нет попечительной супруги, которая бы избавила меня от неисцельных забот и своими ласками уврачевала сетующего. Не веселят меня милые дети, при которых ободряется старость и снова начинает ходить юношескими стопами. **605**. Не утешают меня ни единокровные, ни друзья: одних похитила жестокая смерть, другие, любя спокойную погоду, приходят в трепет при малом волнении, застигающем друга. Одно у меня было чудное утешение. Как жаждущий олень в прохладном источнике, так я находил его в сообществе мужей совершенных **610**. и христоносных, живущих на земле превыше плоти, любителей вечного Духа и благого служения, не связанных узами супружества, презрителей мира. Но и они, ратоборствуя за Тебя, разделились и стоят один за одно, другой за другое; **615**. ревность Божия незаконно расторгла закон и согласие любви, от которой осталось одно имя.

Как иной, спасаясь от льва, набегает на лютого медведя и, убежав от медведя, с радостью укрывается в доме и опирается рукой о стену, но там неожиданно поражает его змея (Ам. 5:18–19), **620**. так и мне, избежавшему многих страданий, нет врачевства от бедствий. Что ни встречаю, все то болезненнее прежнего. Везде ищу помощи и, повсюду от Тебя обременяемый, к Тебе опять обращаю взоры, Блаженный, к Тебе, моя помощь, к Тебе, Вседержитель, Нерожденный, Начало и Отец Начала — **625**. бессмертного Сына, великий Свет равного Света, Который, по неисследимым законам, из Единого исходит в Единое; к Тебе, Сын

Божий, Премудрость, Царь, Слово, Истина, Образ Первообраза, Естество равное Родителю, Пастырь, Агнец, Жертва, Бог, Человек, Архиерей; к Тебе, **630**. Дух, исходящий от Отца, Свет нашего ума, приходящий к чистым и творящий человека богом! Умилосердись надо мной; даруй и мне, как здесь в преклонные лета, так и в будущей жизни, когда вступлю в общение со всецелым Божеством, радостно восхвалять Тебя немолчными песнопениями!

2. Клятвы Григория

Поклялся я самим Словом ¹⁰⁴, Которое для меня есть высочайший Бог, Начало от Начала – от бессмертного Отца, Образ Первообраза, естество, равное Отчему, Бог, пришедший с небес и вступивший в человеческую жизнь, **5**. – поклялся я, ни умом, замыслившим вражду, не унижать великий Ум, ни чуждым словом – Слово. А если бы, последовав внушениям богоборных времен, стал я рассекать Божество пресветлой Троицы; **10**. если бы мой ум обольстился высоким престолом или подал я руку искательству других; если бы предпочел я Богу смертного помощника, привязав корабль свой к хрупкому камню; если бы в счастье возгордился я сердцем или опять, встретившись с напастями, уныл духом; **15**. если бы стал я судить суд, уклонившись сколько-нибудь от закона; если бы человеческой гордости отдал я предпочтение перед преподобными; если бы, видя, как злые наслаждаются тишиной, а добрые разбиваются об утесы, уклонился я от правого пути; если бы зависть иссушила мое сердце; **20**. если бы посмеялся я падению других, хотя и не святых, как будто бы сам стою неподвижной ногой; если бы от умножившейся желчи пал мой ум; если бы язык побегал без узды и похотливое око увлекло за собой сердце; если бы возненавидел я кого напрасно; если бы коварно или явно стал я мстить своему врагу; если бы отпустил я от себя нищего **25**. с пустыми руками или с сердцем, жаждущим небесного слова, – то Христос да будет милосерд к другому, а не ко мне; мои же труды до самой седины да развеивает ветер!

Таковыми законами связал я жизнь свою. **30**. А если в желаемом достигну конца, то по Твоей благодати, Нетленный!

3. О добром пути из Константинополя¹⁰⁵

В Тебе, Божие Слово, упокоиваемся мы, находясь дома; Тебе посвящаем свой досуг; Ты – мое сидение; Ты – мое пробуждение и мое стояние; Ты также – мое шествие. И теперь по Твоему мановению шествую прямой стезей. Но пошли мне какого-нибудь Ангела-путеводителя, благоуспешного предстателя, который бы вел меня столпом огненным и облачным, рассек море, остановил реки словом, обильно препитал небесным и дольным хлебом, руками же изображая крест, обуздal дерзость врагов, не пожигал меня зноем в полудни, не причинял мне страха в ночи! А неровную и крутую стезю содейлай для меня, служителя Твоего, гладкой и удобопроходимой, как и прежде неоднократно, покрывая Своей рукой, на суше и на море спасал Ты меня от опасностей, от жестоких болезней и от всего неприязненного, чтобы, совершив все благоуспешно и согласно с надеждами, потом получив счастливый конец пути, опять возвратился я к друзьям и сродникам и с радостью встречен был дома радующимися, а по успокоении от труда поклонился Тебе, моля о том, чтобы и окончательный путь мой был спокоен и легок!

¹⁰⁴ У Биллия начинается здесь стихотворение 17-е под заглавием: «Клятвы» или «Клятвенные обеты». Впрочем, сам Биллий в толковании своем замечает, что стихотворение сие в рукописи соединено с предыдущим. В ТСО стихотворение № 2 присоединено как часть к произведению «Слово 12, блаженства и определения духовной жизни» в цикле «Песнопения таинственные». – *Ред.*

¹⁰⁵ В ТСО это стихотворение присоединено к «Молитвам шествующего в путь» под № 4. — *Ред.*

4. К себе

Да проповедуется Троица, и другой кто-нибудь да примиряет людей, как должно. Я оставляю престол, но не престану вещать к Богу.

5. К церковному народу храма Анастасии¹⁰⁶

Желаю, желаю тебя, любезнейший, не отрицаюсь, желаю слов моих рождающих порождение, о любезный мне народ Анастасии, когда-то прежде умиравший от мертвых слов, **5.** отсюда слово мое вышло, словно искра, обьяв всю Церковь светом, чтоб веру прежнюю теперь восставить глаголама новыми. У кого теперь красота моя, у кого престолы мои? Как стал я бесчаден при детях живых? **10.** Слава Тебе Отче! Если же что и плохое случится, то равно накажи и мое дерзновение, но кто же как должно тогда воспоеет Тебя, Троица?

6. К нему же

Дороги Сиона скорбят, желают народа – законопоклонника в дни праздничные, скорблю и я, не видя народ, стекающийся к моим речам, как некогда было по обыкновению. **5.** Константинополь [стекался весь,] и из иных мест здесь были, – те, кому воссияла любезная мне Троица. А теперь я, словно ревуший лев, предаюсь стенаниям. Детей моих похитили другие, напав внезапно и увлекши их правдоподобными речами. **10.** Но если дойдет мой плач к Тебе – Троица, как прежде, и я вновь возопию к Тебе, то сделай так, чтобы скорей эти звери бежали бы прочь.

7. Поздравление к недружественным

Наконец-то я умер для зависти, соiereи! Теперь и на Востоке и на Западе, у врагов и у друзей кончилась ко мне зависть. Я удалился; скажите мне доброе слово; по крайней мере, я всем скажу мое прощальное слово. Если на мое место найдете другого, почитайте его. Дух досточтим для меня, Его защитника. Но теперь я уже не средостение брани.

8. На завистников¹⁰⁷

Троица, спаси меня, и вновь взываю [я к Тебе,] Троица! Тебя ведь явно променяли на зависть. Народ, законы, трапеза, кафедры, престолы, слова – истинных догматов защитники. **5.** Как же это? Что же это? И куда проистекающие реки, Бога моего – могущественнейшего Духа, чуждый народ воспитуя прекрасно, плоть затем растопляя многими подвигами, утекли? Рукоплещите зрители, умерли и тот, кто поливает, и те, кто жаждут слова. Если же что из них обратно вернешь мне Христе мой, то великое вернешь, если же нет, то и за то Тебя благодарю.

9. На тех же

Проходил, пришел, иду. Смесь радости и страха у меня, испытываю глубину своей души, не должен ли я Тебе чего-либо, Христе мой, но скорее иду, словно животное, преследуемое в сей жизни, **5.** особенно же врагами и друзьями, совместными жертвоприношени-

¹⁰⁶ Стихотворения № 5 и 6 переведены на русский язык для настоящего издания по PG. Т. 37. Col. 1022–1024. — *Ред.*

¹⁰⁷ Стихотворения № 8 и 9 переведены на русский язык для настоящего издания по PG. Т. 37. Col. 1025–1026. — *Ред.*

ями и противлениями [друг против друга], в руки ваши впасть лучше, чем страдать в лапах зависти. Ибо ни на что доброе уже не надеюсь. Умереть вместе с худшими – великая прибыль. **10.** Радуйтесь, наполняйтесь [чревом], гордитесь снами, ведь мало будете радоваться, и я буду причастник заблуждения, не уклоняюсь.

10. К константинопольским иереям и к самому Константинополю

Иереи, приносящие бескровные жертвы, и служители великой Единицы в Троице! Законы! Цари, украшающиеся благочестием! Знаменитый град великого Константина, **5.** младший Рим, столько преимуществовавший пред другими городами, сколько звездное небо пред землей! Взываю к вашему благочестию. Каково поступила со мной зависть? За что разлучила со священными чадами меня, который подвизался долгое время, озарял их небесными **10.** учениями и из камня источал им поток? Какое в этом правосудие? Мой был труд, я подвергался опасности, в первый раз запечатлевая в городе благочестие; а теперь другой веселит сердце свое моими трудами, неожиданно вступив на чужой престол, **15.** на который возведен я был Богом и добрыми Божиими служителями. Вот следствия страшного недуга! Так поступили Божии служители, которые, питая друг к другу достоплачевную вражду, о Царь мой Христос! не дружелюбны ко мне; потому что я не дерзкий воитель, не держался ни той, ни другой стороны, **20.** ничего не захотел предпочесть Христу. В том мой грех, что я ни в чем не прегрешал, подобно другим, и, как малый корабль, не вступаю в бой с кораблем тяжело нагруженным. За это ненавидят меня и люди легкомысленные, которые не благочестно отворяли святилище это друзьям – угодникам времени. **25.** Но да покроется сие глубоким забвением! А я, удаляясь отсюда, буду утешаться спокойствием, столь же охотно оставляя и царский двор, и город, и священников, сколько прежде желал сего, когда Бог призывал меня и ночными видениями, **30.** и ужасающими страхованиями холодного моря. Посему радуюсь, что избежал зависти, и после великой бури привязываю вервь в тихой пристани. Там чистыми представлениями ума восторгая сердце, так же буду приносить в дар и безмолвие, как и прежде приносил слово. **35.** Таково слово Григория, которого воспитала Каппадокия и который всего совлекся для Христа!

11. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою

Цель этого слова – изобразить ход моих несчастий, а может быть, и счастливых обстоятельств жизни, потому что один назовет их так, другой иначе, в каком сам, думаю, будет расположении духа. **5.** А наш произвол – ненадежное мерило в суде. Мерная же речь, забавляя, врачует от скорби, а молодым людям служит и уроком, и услаждением – одним словом, приятным наставлением.

И слово мое к вам, некогда моим, а теперь для меня чужим, – к вам, **10.** и единоверные со мной, и не право мыслящие, ежели есть они; потому что всякий стал ко мне благорасположенным, как скоро сомкнул я уста. Вы, именитое око вселенной, обитатели, сколько вижу, нового мира, облеченные красотами суши и моря, **15.** ты, новосозданный Рим, отечество новых знаменитостей, град Константинов и столп Державы! Выслушайте человека самого нелживого, который во многих переворотах жизни, где и узнается многое, немало понес трудов.

20. Все ветшает, ветшает даже прекрасное со временем; в остатке – или ничего, или самая малость. Где смыло землю стремительным потоком проливных дождей, там остаются одни мелкие камни; **25.** посему нимало не удивительно, если скажу то же о людях обыкно-

венных, которые и прежде не бывали в числе добрых, но походили на бессловесных, поникших в земле. Страшный же, изрытый пропастями овраг – это мы, то есть наше, забывшее чин свой, сословие (говорю сие со слезами); это мы, не на добро восседшие на высоких престолах; **30.** мы, председатели народа, учителя прекрасного; мы, которым дано в удел питать души божественной пищей, но которые сами истаиваем голодом; мы, врачи немощей и в то же время мертвецы, заражающие непрестанно новыми и новыми недугами; мы, путеводители по стезям, может быть, обрывистым, **35.** по стезям, по которым никого еще не водили, даже не ходили и сами; мы, не последовать которым – правило самое короткое и вместе урок, всего прямее ведущий ко спасению; мы, которых эта возвышенность ¹⁰⁸обличает в худых нравах, а эта решетка ¹⁰⁹отделяет от прочих не жизнью, но высокомерием. **40.** Но почему решился я передать это слову, тогда как не люблю разглашать многое без уважительной причины, пусть слышит это всякий и теперь, и в последующие времена.

А рассказ об обстоятельствах моей жизни, хотя потребует и длинное слово, необходимо начать несколько выше, **45.** чтоб не дать укрепиться лживым обо мне речам, потому что злые люди любят на пострадавших слагать вину в том, что сами сделали им худого, чтоб этой ложью еще более причинить им зла, а себя избавить от обвинений. **50.** И это пусть будет введением в слово.

Отец мой был прекрасный и весьма добрый старец, простой нравом, образец для жизни, истинный патриарх, второй Авраам. Добродетели его были действительные, а не мнимые, какие видим ныне. **55.** Прежде жил он в заблуждении, а потом стал другом Христовым, потом сделался пастырем, и даже какой-то мощью пастырей. Мать же моя, выражусь коротко, ни в чем не уступавшая такому супругу, ему равновесный талант, происходя от благочестивых родителей, сначала превосходила его благочестием **60.** и по телу только была женщина, а по нравам превышала мужчин. Оба по жизни составляли для всех общий предмет разговоров.

Чем подтвержу слово, объявляя о следующем? В свидетели рассказываемого мной представлю ее же – мою родительницу, эти уста истины. **65.** У нее было в обычае – лучше скрывать и явное, нежели из славолубия хвалиться сокровенным. И в этом руководил ею великий наставник – страх. Она, желая видеть в доме своем рождение дитяти мужского пола, что, конечно, вожделенно для многих, **70.** открыла желание свое Богу и просила исполнить оное. И как сердце было неудержимо, предваря дарование усердием, отдает она Богу дар, который желала получить. А потому и дорогой обет не остался без исполнения; **75.** благоприятным же началом сего послужило ей видение, показавшее тень желаемого, – ей ясно представились и мой образ, и мое имя.

И этот дар ночи стал действительностью, потому что родился у них я. И если достоин я обета, **80.** это дар даровавшего меня Бога. А если не соответствую обету, мой это грех. Так вступил я в жизнь сию; так я, несчастный, стал сопряжен с брением и с этим составом, которые владеют мной и которыми с трудом владею сам! По крайней мере, нельзя не благодарить за то, что **85.** в залог всего прекрасного получил я такое рождение. А как скоро вступил в мир, тотчас делаюсь ему чуждым, и отчужден прекрасно, потому что посвящен в дар Богу, как агнец или любимый телец, **90.** жертва благородная и разумная, помедлю говорить, как новый Самуил, разве и сие скажу из уважения к ревности принесших меня в дар.

От пелен воспитанный во всем прекрасном, потому что имел совершеннейшие образцы для себя дома, **95.** тогда еще приобрел я какую-то старческую степенность; и как облако к облаку, малопомалу скоплялось во мне усердие к усовершению. Я возростал, а вме-

¹⁰⁸ Архиерейской кафедры в храме. – *Ред.*

¹⁰⁹ Решеткой нередко отделялось место для архиерея и сослужащих ему в храме. – *Ред.*

сте преуспевал во мне и разум. С радостью читал я книги, в которых проповедуется о Боге, **100.** и имел общение с мужами, которые совершенны по нравам.

Таково было начало. Но не знаю, какую стезю избрать мне для слова при описании последующего. Скрыть ли мне те чудеса, какими возбуждал меня Бог, приняв ревность мою за доброе начало **105.** (ибо так влечет Он обыкновенно людей ко спасению), или со всем усердием изречь их перед всеми? Одно не благодарно, а другое не без кичливости. Лучше молчать. С меня довольно и того, что знаю это сам. Иначе будет противоречить слову видимое теперь, **110.** как недостаточное в сравнении с тогдашней ревностью. Но что необходимо, то сделаю известным для многих.

Еще не опушились мои ланиты, но мной владела какая-то пламенная любовь к наукам. И не совсем чистые учения старался я придать в помощь учениям истинным, **115.** чтобы не превозносились ничему не обучившиеся, кроме суетного и пустого краснословия, которое состоит в громкости и благозвучии, и чтобы сам я мог не запутываться в хитросплетениях лжеумствований. **120.** Но мне никогда не приходило на мысль предпочесть что-либо нашим урокам.

Однако же чему всегда подвергается пламенность молодых людей, которая легко передается беспорядочным стремлениям, тому подвергся и я, пустившись в путь, как полный отваги молодой конь. Совершенно не благовременно, **125.** когда еще не утихло море, когда, по словам знающих дело, грозил опасностью какой-то хвост тельца ¹¹⁰ и плыть было делом дерзости, а не благоразумия, оставил я Александрию, где пожал уже несколько познаний, **130.** и рассекал море, несясь прямо в Элладу. Когда огибали мы Кипр, бунтующие ветры всколебали корабль. Земля, море, эфир, омраченное небо – все слилось в одну ночь. На удары молний отзывались громы, **135.** плескались канаты у надутых парусов, мачта гнулась, кормило потеряло всю силу, и ручку руля насильно вырывало из рук, вода стеной стояла над кораблем и наполняла собой подводную его часть. Смешались плачевные крики корабельных служителей, начальников, хозяев корабля, путешественников, **140.** которые все, даже и не знавшие прежде Бога, единогласно призывали Христа, потому что страх – самый вразумительный урок. Но ужаснейшим из всех бедствий было **145.** безводие на корабле, который от сильных потрясений расселся, и сквозь дно пролились в глубину все, какие были на нем, сокровища пресной воды. Надобно было умереть, борясь с голодом, бурей и ветрами. **150.** Правда, Бог посылает скорое от этого избавление. Вдруг появились финикийские купцы, и хотя сами в страхе, но по нашим мольбам, узнав о крайности бедствия, с помощью багров и при могучих ударах руками, как люди сильные, вскочили они на корабль, **155.** и сажают нас, почти уже мертвых плователей, походивших на рыб, которые оставлены морем на суше, или на угасающий светильник, которому недостает питания. Но между тем ревущее море в продолжение многих дней непрестанно больше против нас свирепело. **160.** После многих поворотов не знали мы, куда плывем, и не видели себе никакого спасения от Бога.

Когда же все боялись смерти обыкновенной, для меня еще ужаснее была смерть внутренняя. Негостеприимно убийственные воды лишали меня вод очистительных ¹¹¹, **165.** которые соединили бы меня с Богом. Об этом проливал я слезы, в этом состояло мое несчастье, об этом я, несчастный, простирая руки, возносил вопли, которые заглушали сильный шум волн, терзал свою одежду и, ниц распростершись, лежал подавленный горестью. **170.** Но вот что хотя маловероятно, однако же совершенно не ложно. Все плившие на корабле, забыв о собственном бедствии и в общем несчастье став благочестивыми, со мной соединяли молитвенные вопли. Столько были они сострадательны к моим мучениям!

¹¹⁰ В ноябре месяце, когда при заходе солнца восходит созвездие Тельца.

¹¹¹ Св. Крещения. – *Ред.*

175. Ты, Христе, и тогда был моим великим Спасителем, и теперь избавляешь от волнений жизни. Когда не представлялось никакой доброй надежды, ни острова, ни твердой земли, ни вершины гор, ни горящего светильника, ни звезд – путевых указателей мореходам, ничего — **180.** ни большого, ни малого не было в виду, что тогда предпринимаю? Какое окончание моего затруднительного положения? Отчаявшись во всем дольном, обращаю взор к Тебе, моя жизнь, мое дыхание, мой свет, моя сила, мое спасение, к Тебе, Который устрашаешь, поражаешь, улыбаешься, врачуешь **185.** и к горестному всегда присоединяешь полезное. Напомнив же Тебе о всех прежних чудесах, в которых познаем Твою великую руку, о море разделенном и о путешествующем по оному Израиле (Исх. 14:21), о врагах, побежденных воздеянием рук (Исх. 17:8-13), **190.** об египтянах, сокрушенных небесными карами, о твари, рабски повинующейся вождам, о стенах, разрушенных звуком труб и обхождением (Нав. 6:19), а к чудесам, прославленным издревле, присовокупив чудеса и надо мной совершившиеся, сказал я: **195.** «Твой я был прежде, Твой и теперь. Ты двукратно примешь меня, как одно из дорогих для Тебя достояний, как дар суши и моря, очищенный и материнским обетом, и чрезмерным страхом. Для Тебя буду я жить, если избегну сугубой опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь меня. **200.** И теперь ученик Твой обуревается. Пробудись или пройди по водам, и прекрати опасность» (см.: Лк. 8:24). Так говорил я, и бушевание ветров прекратилось, море опало, корабль понесся прямо. И вот приобретение моей **205.** молитвы. Кто ни был на корабле, все сошли с него, благоговея пред великим Христом, получив от Бога сугубое спасение. Между тем, миновав Родос, в скором времени, при попутном ветре, взошли мы в эгинскую пристань, потому что **210.** корабль был эгинский.

Потом Афины и науки. Но пусть другие скажут, что было там, как жил я в Божьем страхе, стараясь первенствовать между знавшими то, что есть самое первое; **215.** и когда другие молодые люди между своими собратствами в порывах юности и отважной стремительности предавались излишествам, проводил я тихую жизнь. Подобно тому источнику, который, как сказывают, и среди горьких вод моря остается сладким, не увлекался я за теми, которые вели к пагубе, **220.** но сам привлекал друзей к совершеннейшему. А мне Бог и в этом оказал благодеяние, соединил меня узами дружбы с человеком самым мудрым, который один и жизнью и словом всех был выше. Кто же это? Весьма легко узнаете его. **225.** Это Василий – великое приобретение для настоящего века. С ним вместе мы учились, и жили, и размышляли. Если должно чем и похвалиться, то я составлял с ним чету не бесчестную для Эллады. У нас все было общее, **230.** и одна душа в обоих связывала то, что разделяли тела. А что преимущественно нас соединяло, так это Бог и стремление к совершенству. Когда приобрели мы столько взаимной доверенности друг к другу, что высказали один другому и глубины сердечные, **235.** тогда соединились между собой еще теснейшими узами любви, потому что одинаковость чувствований и взаимную привязанность делает более неразрывной.

Что же потом? – Возвращение в отечество и избрание рода жизни. Много уже времени посвящено было наукам. Мне почти исполнилось тридцать лет. **240.** Здесь-то узнал я, сколько любили нас товарищи и какое имели о нас мнение. Время приближалось, приближался и трудный подвиг. Нужны стали объятия и слезные напутственные речи, в которых припоминались сердечные воспламенения друг к другу. **245.** Принужденно и с трудом, однако же уступили Василию, когда представил он многие причины своего отъезда. А у меня и теперь еще текут слезы, при воспоминании о тогдашнем смущении. С великой поспешностью окружили меня все **250.** – чужеземцы, близкие знакомые, сверстники, учителя; к заклинаниям и слезам присоединили даже и насилие – дружба внушила им отважиться и на это. Меня крепко держали, говоря: «Что ни будет, не выпустим отсюда! **255.** Почтенные Афины не должны лишиться тебя. Они по общему приговору отдадут тебе первенство в словесности». Один дуб разве мог бы противиться стольким слезам и убеждениям, и я уступил, впрочем не совершенно. Меня влекло к себе отечество. **260.** Оно одно почти под солнцем было

сильно верой. Там посвятить себя любомудрию казалось мне прекраснейшим делом. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостью и временем. Поэтому не долго пробыл я в Афинах, скрылся оттуда почти тайно и пустился в путь.

265. Показал я образцы своего красноречия, удовлетворил недугу людей, которые требовали от меня этого, как долга. Но в виду у меня были не рукоплескания, не говор удивления, ни упоения, ни поклонения, которыми в толпе молодых людей восхищаются софисты. **270.** Я выше всего поставил для себя то любомудрие, чтобы и все прочее, и ученые труды свои повергнуть пред Богом, как иные оставляли поместья свои пастухам или, собрав свое золото, кидали в морскую глубину. **275.** Однако же, как сказал я, покорился я воле друзей. И сие послужило как бы предуготовительным упражнением к будущим подвигам или преддверием важнейших таинств.

Наконец, нужна была мужественная решимость. Во внутреннее судилище собираю друзей, то есть помыслы свои – этих искренних советников. **280.** И когда искал я лучшего из лучшего, страшный круговорот объял мой ум. Давно было решено мной – все плотское низринуть в глубину, и теперь это всего более нравилось. **285.** Но когда стал я рассматривать самые пути божественные, не легко было найти путь лучший и гладкий. И тот и другой из них, как это часто бывает с нами, когда решаемся на какое-либо дело, казался по чему-нибудь или хорошим, или худым. Если же состояние мое изобразить каким-нибудь сравнением, то я походил на человека, который задумывает отдаленное какое-то странствование, **290.** но, избегая плавания по морю и трудов мореходных, отыскивает путь, на котором было бы больше удобств. Приходили мне на мысль Илия Фесвитянин, великий Кармил, необычайная пища, достояние Предтечи – пустыня, нищетолюбивая жизнь **295.** сынов Иоанадавовых. С другой стороны, пересиливали любовь к Божественным книгам и свет Духа, почерпаемый при углублении в Божие Слово, а такое занятие – не дело пустыни и безмолвия. Много раз колебался я туда и сюда, **300.** и наконец умирил свои желания, и скитающийся ум установил на середине, а именно следующим образом.

Я примечал, что люди, которым нравится деятельная жизнь, полезны в обществе, но бесполезны себе, и их возмущают бедствия, **305.** отчего мягкий нрав их приходит в волнение. Видел также, что живущие вне мира почему-то гораздо благоустроеннее и безмолвным умом взирают к Богу, но они полезны только себе, любовь их заключена в тесный круг, а жизнь, какую проводят, необычайна и сурова. **310.** Поэтому вступил я на какой-то средний путь между отрешившимися и живущими в обществе, заняв у одних собранность ума, а у других – старание быть полезным для общества.

Присовокупилась и важнейшая причина – признательность к людям достопочтенным, разумею родивших меня, у которых был я в долгу. **315.** И как всего благочестивее первую честь по Боге воздавать родителям, которым обязаны мы и тем, что познаем Бога, то я лелеял их старость, поддерживал всеми силами, водил их за руку, **320.** чтобы самому иметь счастливую старость, угождая их старости. Ибо что сеем, то и пожинаем. И для меня составляло это часть образования в любомудрии – не показывать и вида, что тружусь для жизни превосходнейшей, но в большей мере быть, а не казаться угождающим Богу. Поэтому хотя признавал я, что надобно любить тех, которые ведут жизнь деятельную, **325.** в удел от Бога получили честь посредством Божественных таинств руководить народ, однако же сам по видимому принадлежа к обществу, больше имел привязанности к жизни монашеской, потому что она состоит не в телесном местопребывании, но в обуздании нрава. **330.** Церковная же кафедра была для меня досточестна, но как стоял я вдали, то казалась она тем же, чем и солнечный свет бывает для слабых глаз. Скорее мог бы надеяться я всего иного, только не того, что, среди многих переворотов в жизни, получу ее сам.

Но человеку нельзя ни о чем важном говорить решительно. **335.** Зависть всегда полагает преграды нашим парениям. Не бери примеров далеко – посмотри на мою жизнь. Я рас-

полагал собой так, но меня настигла страшная буря. Отец мой в точности знал мои мысли, но не понимаю почему **340**. – может быть, побужденный отеческой любовью (а любовь при власти сильна), чтобы удержать меня духовными узами и почтить лучшим из того, чем обладал сам, – против воли возводит на один из низших престолов ¹¹².

345. При этом принуждении (и доселе не могу назвать сего иначе, да простит меня Божий Дух за такие чувствования!) так сильно восскорбел я, что забыл все – друзей, родителей, отечество, род, **350**. и, как вол, уязвленный слепнем, ушел в Понт, надеясь там в божественном друге найти себе врачество от горести. Там в сожителстве с Богом трудился он, покрытый облаком, как один из ветхозаветных мудрецов. **355**. Это был Василий, который теперь с Ангелами. Он облегчил скорбь моего сердца. Между тем добрый отец, изнемогающий от старости и желания иметь меня при себе, много убеждал сына почтить последние дни его жизни. **360**. А во мне и самое время ослабило чувство бедствия. И я опять (чего бы никогда не надлежало делать) пускаюсь в глубину, убоявшись слезных отеческих угроз. Опасно было, чтобы нежность не обратилась в клятву, ибо таково бывает прогневанное простодушие.

365. Не много времени прошло после этого, и новое треволение; не умею сказать, сколько оно было свирепее прежнего. Но не будет излишним все пересказать друзьям. Брат мой занимал в свете высокую должность. Брат мой, – о, как ты силен, злобный демон! – **370**. брат мой, когда ему вверена была государственная казна, умирает на должности. На имущество и останки умершего кинулось множество псов; все расхищали домашние, сторонние, друзья. Когда дуб упал, кто не запасает себе дров? **375**. Но сколько касалось это собственно до меня, то я не боялся еще стечения дел; потому что был свободной птицей, которой нетрудно улететь вверх. Однако же необходимо было вместе с прекрасным родителем нести на себе все – и доброе, и худое, **380**. и разделять с ним если не имение, то заботы. А кто занес первый шаг над пропастью и поскользнулся однажды, тот не в состоянии уже удержаться и падает в обрывистую глубину; так и для меня, как скоро вкусил я зол, из одной беды выростала другая.

385. В это время (умолчу о том, что было дотоле, опасаясь подать мысль, что произношу хульное слово на человека, которого теперь только ублажал я с благословениями) пришел ко мне возлюбленный из друзей **390**. Василий (со скорбью выговариваю слово, однако ж скажу). Он стал для меня другим отцом, возложившим на меня бремя еще более тягостное. Но от одного должно было терпеть, хотя поступал со мной и властительно: терпеть же от другого ради дружбы, приносившей мне вред, а не освобождение от бедствий, не было необходимости.

395. Не знаю, кого винить за случившееся со мной; оно все еще, как недавнее, приводит меня в волнение; винить ли больше себя за свои грехи (а они часто и сильно меня угрызали) или тебя, превосходнейший из людей, упрекнуть в превозношении, до которого довел тебя престол? **400**. Если все прочее принять во внимание, то, может быть, и сам ты не пожелал бы (как и не желал дотоле по своей великой доброте) взять надо мной перевес. А если бы и пожелал, то, вероятно, удержал бы тебя какой-нибудь благомыслящий судья, хорошо знающий обоих нас. **405**. Что же с тобой сделалось? За что вдруг бросил ты меня в такую от себя даль? Да погибнет в мире закон дружбы, которая так мало уважает друзей! Вчера мы были львы, но теперь я стал обезьяной, а ты почти что лев. **410**. Если бы так смотрел ты на всех своих друзей, то (скажу горделивое слово) не надлежало бы, по крайней мере, тебе смотреть так на меня, которого, бывало, предпочитал ты прочим друзьям, пока не вознесся за облака и не стало все ниже тебя.

¹¹² В сан пресвитера.

Но к чему волнуешься, сердце мое? Удержи коня силой, **415.** и пусть речь опять идет своей тропой. Лжецом для меня стал этот во всем прочем неживейший друг. Не раз слышал он, как я говаривал: «Теперь все надобно переносить, хотя бы случилось что и худшее. Но как скоро не станет родителей на свете, **420.** тогда мне будет полная возможность оставить дела и от бездомной жизни приобрести хотя бы ту выгоду, что легко буду гражданином всякого места». Он слышал это и хвалил мое рассуждение. **425.** Но при всем том, вместе с отцом моим, насильно возводит меня на епископский престол, в другой раз запнув меня в этом.

Не приходи в беспокойство, пока не узнаешь всего. Если бы враги мои потратили много времени, выискивая, чем довести меня до бесславия, то, думаю, не иной, а этот же самый нашли бы они способ. **430.** Хочешь ли узнать, какой? Скажет тебе всякий, кому только поступок сей казался неприличным. Как же вел я себя с другом, об этом знает Понт, знает Кесария, знают все общие наши друзья. **435.** Низко было бы укорять меня в этом. Вспоминать о сделанном добре прилично тому, кто им пользовался, но не прилично тому, кто его сделал. Но каков он был ко мне, пусть уверят в том самые дела!

На большой дороге, пролегающей **440.** чрез Каппадокию, есть место обычной остановки проезжих, с которого одна дорога делится на три. Место безводное, не произрастающее и былинки, лишенное всех удобств, селение ужасно скучное и тесное. Там всегда пыль, стук от повозок, слезы, рыдания, собиратели налогов, орудия пытки, цепи; **445.** а жители — чужеземцы и бродяги. Такова была церковь в моих Сасимах! Вот какому городу (подлинно, это великодушие!) отдал меня тот, кому было мало пятидесяти хореепископов. И чтобы удержать это за собой, когда другой отнимал насильно, **450.** установил новую кафедру. А я у него (потому что и мы были некогда сильны) стоял в первом ряду воинственных друзей. И конечно, раны за дело святое не страшны, потому что, кроме прочего, исчисленного мной, овладеть этим престолом невозможно было без пролития крови. **455.** Он служил предметом спора для двоих состязающихся епископов; между ними открылась страшная брань, а причиной тому служило разделение нашего отечества, по которому два города делались начальственными над другими меньшими. **460.** В предлог представлялось попечение о душах, а истинным побуждением было любоначалие, не осмелюсь сказать: сборы и поборы, отчего весь мир приходит в жалкое колебание.

Что справедливо было бы сделать мне, скажите пред Богом? Терпеть? Принять на себя все удары бедствий? Идти невзирая ни на что? **465.** Погрязнуть в тине? Идти туда, где не мог бы я упокоить и этой старости, непрестанно насильственной рукой гонимой из-под крова, где не было бы у меня хлеба, чтобы разломить его с пришельцем, где я, нищий, принял бы в управление народ также нищенствующий, **470.** не видя никакого средства оказать ему услугу и изобилуя только тем, что есть в городах худого, где я должен был обирать терния, а не розы с терний, пожинать одни бедствия, не прикрытые никакими выгодами? Требуя от меня великодушия в другом чем, если хочешь, **475.** а это предложи тем, которые меня премудрее! Вот что принесли мне Афины — общие упражнения в науках, жизнь под одной кровлей, питание с одного стола, один ум, а не два в обоих, удивление Эллады и взаимные обещания как можно дальше отринуть от себя мир, **480.** а самим жить общей жизнью для Бога, успехи же в слове принести в дар единому премудрому Слову! Все рассыпалось! Все брошено наземь! Ветры разносят давние надежды! Куда бежать? Разве вы, дикие звери, примете меня к себе? **485.** У них, думаю, более верности. Вот каково, скажу короче, было мое положение!

Но после того как я, хотя не подклонился духом, подклонил, однако же, выю, что сказать мне? С которой бы стороны ни стал я изображать всю свою болезнь, везде для меня жало. **490.** Опять я беглец, опять укрываюсь в гору, предаваясь любимому мною образу жизни, услаждаюсь им. Какую же пользу приносит мне это? Оказалось, что был я нерешительный беглец. Во всем ином умея быть терпеливым, не имел я в этом мужества, не вынес отеческого гнева. **495.** Первым покушением отца моего было утвердить меня в Сасимах. Но

как не имело оно успеха, пускается он в новое плавание **500.** и простирает ко мне руки, касается моей бороды, прося, чтобы я не оставался на низшей степени, но, трудясь вместе с ним (потому что его обременяла уже плоть), облегчал его труды. И каких не употребил он убеждений? «Тебя, любезнейший из сыновей, – говорил он, – умоляет отец, юного молит отец-старец, служителя молит тот, кто и по естеству, и по двоякому закону твой владыка. **505.** Не золота, не серебра, не дорогих камней, не участков возделанной земли, не потребностей роскоши прошу у тебя, чадо, но домогаюсь того, чтобы сделать тебя другим Аароном и Самуилом, досточестным предстателем Богу. Ты, сын, принадлежишь Даровавшему тебя. Не обесчести меня, **510.** чтобы и к тебе был милосерд единый наш Отец. Прекрасно мое требование, по крайней мере, оно отеческое. Ты не живешь еще столько на свете, сколько прошло времени, как я приношу жертвы Богу. Сделай мне эту милость; сделай, или другой предаст меня гробу. **515.** Такое наказание определяю я за непокорность. Подари немногие дни останку моих дней, а прочей своей жизнью располагай, как тебе угодно».

Когда выслушал я это и душа высвободилась несколько из-под обременявшей ее тяготы, как солнце из-за облаков, **520.** что тогда происходит, чем оканчиваются мои страдания? Рассудил я сам с собою, что нет еще беды, во избежание кафедры, исполнить желание отца. «Ибо это, – говорил я, – не удержит против воли меня, которого не связывают ни наречение, ни обещание». **525.** Вот до чего довел меня превозмогший страх!

Но когда родители мои переселились из этой жизни, сподобившись жребия, к которому давно поспешали, я не на добро остался свободным. **530.** Правда, что вовсе не касался я данной мне церкви, ни разу не совершал там служения Богу, не молился с народом, не возложил рук ни на одного из клириков, но что касается церкви отцовской (несколько людей благоговейных напали на меня и не преставали заклинать, **535.** угрожая успехами множества людей богомерзких), то имел я о ней некоторое попечение в продолжение краткого времени (не отрицаюсь от сего), но имел как человек посторонний о церкви чужой. Это самое всегда говорил я епископам, от глубины сердца прося у них, как дара, поставить кого-нибудь епископом сего малого града. **540.** По всей справедливости утверждал я, во-первых, что не принимал этой церкви в управление по гласному наречению, а во-вторых еще, что у меня давняя мысль бежать и друзей и дел. **545.** Но я не мог их убедить, и одни по великой ко мне привязанности, а другие, может быть, по высокому мудрию хотели взять надо мной верх. Поэтому пошел я сперва беглецом в Селевкию, ко храму прославляемой девы Феклы, рассуждая, что, может быть, таким средством, **550.** когда утомит их время, убедятся отдать бразды [правления] другому. Там провел я немало времени. Но опять встретив свои бедствия, не нашел ни одной из выгод, каких ожидал. И дела, которых думал я избежать, как к сроку, **555.** явились ко мне в великом множестве.

Но здесь, конечно, самое трудное в моем слове. Впрочем, скажу, хотя буду говорить и очень известное, скажу, чтобы вы, когда нет с вами меня, имели по крайней мере это слово во врачевство от скорби, **560.** в укор врагам и в свидетельство друзьям, от которых я, ничем их не обидев, сам потерпел обиду.

Природа не произвела двух солнц, но два Рима, это два светила для целой вселенной, древняя и новая держава. **565.** Они тем только различаются между собой, что один там, где воссиявает солнце, а другой на западе. Но что до красоты, они в красоте не уступают друг другу; и если спросить об их вере, один с давнего времени шел добрым путем, и идет еще доньше, **570.** весь Запад связуя спасительным словом, как и должно первопрестольному в целом мире граду, который чтит всецелое согласие Божества; а другой (говорю это о моем, а потом уже не моем Риме) был прежде правошествен, но теперь не таков, напротив же того — **575.** погряз в бездне погибели после того, как легкомысленный и исполненный всех зол город Александрия – эта безумная кипучесть, послал от себя мерзость запустения – Ария, который первый сказал, что не достойна поклоняема Троица, неразделимую сущность рассекши

на неравные части, **580**. в одном естестве разграничил пределы достоинству, отчего и мы разошлись по разным путям.

Однако же, как ни злосчастен был этот город, доведенный до такого состояния и по закону времени **585**. (ибо всякий застаревший обычай обращается в закон) от неверия погибший жалкой смертью, в нем было еще малое семя жизненного дыхания, были души, совершенные в слове веры, был народ, правда малочисленный, но многочисленный пред Богом, **590**. Который приемлет в счет не множество, но сердца; в нем было надежное насаждение, был самый драгоценный останок.

К ним благодать Духа послала меня: обо мне думали, что значу нечто пред Богом, как человек, известный жизнью и словом, хотя всегда вел я сельскую жизнь. **595**. Меня приглашали многие и из пастырей, и из овец; приглашали быть помощником народу, защитником слову, души безводные, но еще зеленеющие освежить струями благочестия, **600**. с питательностью елея подлить света в светильник, а многооборотливые словосплетения борзых языков, которыми рубится простота веры, – эти паутинные ткани, гнилые узы, смешные для крепких, но связывающие легкомысленных, **605**. разрешить и расторгнуть твердым учением, чтобы мог избежать сетей всякий, кто попал в них.

Так, не по доброй воле, но насильно увлеченный другими, пришел я туда быть защитником слова. Ибо носилась молва о каком-то сборище **610**. епископов, которые вводят в Церковь новоявившееся еретическое учение¹¹³. То срастворение с нами Бога Слова, в какое вступил Он, Сам не изменившись, но прияв на Себя человека, имеющего душу и ум, доступного свойственным телу страданиям, **615**. целого прежнего Адама кроме греха, – это, говорю, срастворение рассекается в новом учении. И оно вводит какого-то неумного Бога, как бы убоявшись, что ум вступит в противоборство с Богом. Но на таком основании убоялся бы я и телесной природы, потому что она еще гораздо дальше от Бога. **620**. Или, конечно, когда все имело нужду в спасении, определено было погибнуть совершенно уму, который преимущественно пред всем надлежало спасти моему Богу и который всего более погублен в первоизданном [Адаме], потому что умом и принял он закон, и изменил закону! **625**. Но что было оставлено в небрежении, то и надлежало воспринять, и потому да спасет Слово не половину меня, который весь пострадал! И да не бесчестится Бог тем, что будто бы воспринял не целого меня, но одно брение, душу неразумную, душу какого-то бессловесного животного, которое, **630**. конечно, и спасено, по твоему учению. Да удалит от себя подобные мысли всякий благочестивый! Ибо рассекающие дольное благорастворение, хотя противоположным образом, однако же в некотором отношении равно погрешают, как и те, которые необдуманно вводят двух сынов, одного от Бога, а другого от Девы. **635**. Одни худо обсекают, а другие худо удвояют¹¹⁴. Если два сына, боюсь, что выйдет одно из двух: или будем поклоняться двум Богам вместо одного, или, когда из благоговения не захотим потерпеть сего, **640**. Совокупленное¹¹⁵ поставим вне Божества. Хотя Бог не может потерпеть ничего такого, что терпит плоть, однако же естество человеческое приобщилось всецелого Бога, приобщилось не так, как пророк или кто другой из людей богодухновенных, приобщающийся не Бога, но Божиих даров, **645**. напротив того – приобщилось так, что Бог в естестве человеческом пребывает Своей сущностью, как солнце в лучах. Поэтому да не будет у нас о них слова, если не хотите поклоняться Богочеловеку, как единому и воспринявшему и вместе воспринятому, безлетному и подчинившемуся времени, **650**. существу от единого Отца и от единой Матери, – двум естествам, сочетавшимся во единого Христа!

¹¹³ Учения Аполлинария. – *Ред.*

¹¹⁴ Очевидно, речь идет об ошибках христологии богословов Антиохийской школы IV века, приведших впоследствии к развитию осужденной на III Вселенском Соборе ереси несторианства. – *Ред.*

¹¹⁵ Το σύνθετον, букв. «сложное», «составное», то есть Иисуса Христа, в Котором совокуплены Божество и человечество.

Но в каком положении были мои дела? Пришедши туда, встретил я множество бедствий. Сначала город пришел в волнение и восстал против меня, **655.** будто бы вместо единого Бога ввожу многих богов. И это было не удивительно. Так их учили, что вовсе не знали они благочестивого учения, не знали, как Единица умопредставляется троично и Троица – единично, если в обоих случаях умопредставлять благочестно. **660.** А простой народ увлекается в пользу страждущих. Так, ощутив жалость к тогдашнему своему предстоятелю и пастырю, стоял за бедствующего и этот многочисленный народ, исполненный высокого о себе мнения, почитавший для себя крайним позором не одержать в чем-нибудь верха. **665.** Умолчу о камнях – этом угощении, какое сделали они мне, и укорю разве за то, что были неудачны в выборе цели и метили в тех, в кого попасть было напрасным убийством. А потом меня, как убийцу, представили правителям города, которые смотрели как-то свысока и надменно **670.** и у которых один был закон – домогаться народной к себе благосклонности. Им представили меня, который, как ученик Слова, никогда не сделал и не помыслил ничего зловредного. И защитником мне в слове предстал Христос, вспомогав моему защитительному слову. **675.** Он спасал и отданных в сожительство львам; Он оросил огонь в прохладение юношам (Дан. 3:50); Он из кита соделал молитвенный дом благочестивых (Иона. 2:2–3); Он и меня прославил на чуждом суде.

Потом обнаружилось ужасное ревнование среди моих; **680.** они влекут меня к какому-то Павлу и Аполлосу¹¹⁶, которые никогда за нас не воплощались и не проливали крови в драгоценном страдании, между тем как именуемся их именем, а не именем Спасшего нас (см.: 1 Кор. 1:12–13). С ними все приводится в движение; все потрясено, **685.** как будто Церковь благоденствует в других отношениях. Но как устоят корабль, или город, или воинство, или полнота хора, или дружелюбный дом, когда в них больше разрушающего, нежели скрепляющего? Это самое и было тогда с Христовым народом. **690.** Благородное порождение сие еще не окрепло, не приобрело смелости, не отрешилось от детских пелен, не оперлось еще нежной стопой на землю, как уже в глазах родителей было посечено, брошено наземь, **695.** истерзано волками, жаждавшими моего бесчадия.

Несносно им было, что человек самый бедный, сгорбленный, поникший в землю, одетый худо, обуздавший чрево слезами, страхом будущего и другими злостраданиями, странник, скиталец, **700.** не имеющий ничего привлекательного для взоров, скрытый во тьме земной, берет преимущество перед людьми, отличающимися силой и красотой. От них слышны были такие почти слова: «Мы льстим, а ты нет; мы чтим высокие седалища, **705.** а ты чтишь богобоязненность; мы любим дорогие яства, а ты любишь дешевую пищу, в которой вся приправа соль, и презираешь соленую горечь высокомерия. Мы рабы времени и народных прихотей, отдаем ладью свою всякому подувшему ветру, у нас учение, **710.** наподобие хамелеонов или полипов, принимает непрестанно новый цвет, а ты неподвижная наковальня. Какая надменность! Как будто всегда одна вера, что так слишком стесняешь догмат истины, **715.** ступая все по одной скучной стезе слова. Для чего же тебе, превосходнейший, и народ привлекать говорливым своим языком? Для чего с успехом низлагать предающихся худым мудрованиям в заблуждениях всякого рода? Для чего неодинаковым быть для друзей и для посторонних, **720.** но для одних камнем магнитом, а для других пращей?»

Но если это не худо (как и действительно не худо), для чего негодуешь, как будто встретив какую необразованность? Если же худо (как это тебе одному кажется), суди правдиво, как Божий предстоятель. **725.** Порази меня, который впал в погрешность, но не трогай народ, который не сделал никакой неправды, кроме того, что любит меня и покорился моим наставлениям.

¹¹⁶ Должно думать, что под Павлом и Анолосом разумеются здесь Мелетий и Павлин.

В состоянии еще был я сносить первые нападения. **730.** Хотя новость изумила меня ненадолго, подобно грому, внезапно поразившему слух, или быстроте молнии, облиставшей непривычные глаза, но на мне не было еще ран, и мог я все перенести. И надежда, что дела примут счастливый оборот и в другой раз не случится со мной того же, **735.** убеждала меня легко переносить несчастье. Но из этого самого вскоре произошли для меня новые беды. Как мне описать труды свои? Как мог привести в исполнение такое злое дело ты, изобретатель всякого зла, завистливый демон? **740.** Меня низложили не кровь, не жабы, не тучи скнипов, не песьи мухи, не истребление скотов, не струны, не град, не пруги, не тьма, не губительство первородных – это последнее из бедствий, какие, что всякому известно, **745.** были казнями для свирепых египтян, а наконец меня сокрушили и не волны Черного моря, потопившие народ. Что же поколебало меня? Легкомыслие египтян. А как поколебало? Это стоит того, чтобы рассказать о сем, ибо может послужить вечным памятником позора для злых.

750. У нас в городе был человек женоподобный, какое-то египетское привидение, злое до бешенства, пес, и пес из мелких, уличный прислужник, Арей, безгласное зло, китовидное чудовище, красный, черноволосый, курчавый, косматый. **755.** Курчавым был он издавна, а космы изобретены вновь, потому что искусство – второй творец. Всего чаще это бывает делом жен, а иногда и мужчины золотят и завивают волосы, обстриженные по-философски. Употребите же в дело, **760.** мудрецы, и те притирания, которые на лицах у женщин. Ибо для чего одним любомудрым женам пользоваться этим неприличным и худым благообразием, которое служит безмолвной вывеской нравов? Что Максим не принадлежит уже к числу мужчин, это таилось до времени, а теперь показала его прическа. **765.** Для нас удивительно в нынешних мудрецах, что природа и наружность у них двойственны и жалким образом принадлежат они обоим полам: по волосам походят на женщин, а по жезлу – на мужчин. Этим хвастался и Максим, как человек, значащий что-то в городе; **770.** у него плечи всегда осенялись золотыми кудрями; с волос, как из пращей, летали умствования, и всю ученость носил он на теле. Он, как слышно, прошел по многим лукавым путям; но об иных пусть разыскивают другие; **775.** у меня нет и времени входить в исследование всего; впрочем, это имеется во многих записях у градоправителей. Наконец, утверждает он в этом городе.

Здесь у него не доставало привычной ему пищи; но глаз был его зорек, и чутье у него было мудрое; **780.** потому что нельзя не назвать мудрым и этого горького для меня замысла – низложить с кафедры меня, который не имел ее и вообще не почтен был никаким титулом, а только охранял и примирял народ. Но еще премудрее то, что всю завязку дела, как опытный изобретатель и слагатель козней, ведет он не чрез посторонних, **785.** но чрез меня же самого, человека вовсе к тому не привычного, совершенно не знакомого с хитростями и привыкшего уважать другого рода хитрость, а именно чтобы сказать нечто мудрое, похвалить, когда скажет это другой, **790.** и из Божественных книг извлечь самое их сердце.

При описании такого бедствия хочу сказать одно новое слово. Надлежало бы всем быть одинакими по нравам, или неопытными, или преухищенными во зле; потому что меньше вреда терпели бы одни от других, **795.** когда бы нравы у всех были уравновешены или согласны. А теперь добрые делаются добычей злых. Что значит такое смешение твари? Как много неравенства в тех, которых Бог взаимно сопряг между собой. Кто из скромных в состоянии приметить, как человек злонравный **800.** хитрит, завязывает, приводит в исполнение свои козни, всегда умея закрыть себя тысячами уверток? И кто готов на негодный поступок, тот за всем наблюдает и высматривает удобное время. А кто расположен к добру, тот по природе медлителен **805.** и недеятелен в подозрении чего-либо худого, отчего добродушие и уловляется удобно.

Смотрите же, как и с каким искусством этот человек приводит в исполнение свой умысл. В нем увидишь какого-то нового египетского Протея. Он делается человеком благомыслящим **810.** и весьма верным. Кто был так расположен ко мне, как этот Максим? Он жил

со мной под одной кровлей, вкушал с одной трапезы, разделял мои мнения и предположения. И это нимало не удивительно. Как будто большой какой пес, он лаял тогда на людей зломудренных, а мои поучения хвалил усердно.

815. Но вместе с этим заимствовал он от служителей алтаря какую-то болезнь, останок первоначального недуга. А это было врожденное зло – не прекращающаяся зависть, потому что порок не без труда приводится в изнеможение. Над ними-то не правдивым, но своевольным судьей стал Максим и, **820.** приискав двух споспешников своей злобы, первого и второго человекоубийцу, едва наконец разрешился от своего бремени, породив аспида. Первый из сих споспешников был велиар, некогда Ангел, а второй – пресвитер сего народа, **825.** по уму еще более, нежели по телу, варвар. Он не был мною забыт, не видал от меня никакого пренебрежения, всегда пользовался первенством и в почестях, и в сопрестоллии (внемли, Христе, о непогрешительное в судах око, если только прилично призывать здесь Христа!) **830.** и вдруг забеременел лукавой и злонравной ненавистью. Увы! Как оплачу сие? Чистое небо покрылось тьмой; нашло на меня вдали скопившееся зло – египетская туча. Сперва появились соглядатаи, **835.** каких в избранную израильскую землю посылал некогда доблестный Моисей (Чис. 13:2–3). Но это были не Иисус и Халев – мудрецы, а нечто наглое из юношей и старцев – Аммон, Апаммон, Арпократ, Стип, Родон, Анувис, Ерманувис – египетские боги, **840.** в виде обезьян и псов представшие демоны, жалкие и буйные моряки, которые недорого себя продают – за небольшую монету охотно (только бы нашлись) предлагают многих богов. А вскоре потом прибыли и пославшие сих соглядатаев, **845.** достойные такого полчища вожди, или пастыри, если о псах приличнее сказать последнее. Но больше ничего не произнесу; хотя много у меня в готовности слов, и они приводят в трепетание мою внутренность, как завязанный мех, в котором бродит молодое вино, **850.** или как кузнечные мехи, которые наполнены воздухом. Впрочем, уважаю пославшего их, хотя он и легкомыслен, уважаю и их самих, как людей, которых, может быть, должно и извинить несколько, потому что увлеклись по грубости, действовали по наущению других, **855.** а именно тех, кого злыми на меня соделала здесь зависть.

Решите, мудрые, мою задачу. Для меня это не понятно, и разве растолкует какой мудрец. Отчего сам Петр ¹¹⁷, этот судия пастырей, сперва писанием своим, **860.** которое явным образом не заключает в себе никакого двусмыслия, как в этом уверит самое письмо его ко мне, признал меня возведенным на престол и почтил знаками своего утверждения, а теперь вместо девы оказался для меня ланью? Это дело темное, которое требует объяснения. **865.** Видали ли что более похожим на лицедейство, хотя на свете и много разыграно лукавых дел?

Но увидят и еще нечто более забавное. Один из пирующих говорил, что всеми владеет вино, **870.** другой утверждал, что всеми владеют женщины, а мудрый сказал, что владеет истина (2 Езд. 11:12). Но я присовокупил бы о золоте, что ему принадлежит владычество. Им без труда все приводится в движение; и нимало не странно, если одно только мирское превозмогает у нас над духом.

Но спросят: откуда золото у этого пса? **875.** Один пресвитер прибыл сюда из Фасса и привез золото тамошней церкви, чтобы купить на него проконнийского мрамора. Обласкав этого бедняка, при содействии других, связав его множеством надежд **880.** (ибо худые с худыми сходятся скоро), Максим добыл у него золото; приобрел этого на все пригодного слугителя, верного помощника, искреннего товарища. И вот доказательство! Те самые, которые прежде уважали меня, начинают теперь презирать, как бесполезного и безденежного друга, **885.** и, подобно стрелке в весах, легко склоняются на худшее.

Была ночь, а я лежал больной. Как хищные волки, явившиеся вдруг в загоне овец, с немалым числом наемных моряков **890.** (которыми легко приводится в воспламенение Алек-

¹¹⁷ Архиепископ Александрийский.

сандрия, потому что к этим морякам пристают и умные люди) они спешат обстричь этого пса и возвести на кафедру прежде, чем стало то известно народу, вождям Церкви, и даже мне, если не более, то, по крайней мере, псу этого стада. **895.** Они говорят, что так было им приказано. Вот как Александрия воздает за труды! Пусть судит об этом кто другой, к вам благорасположенный!

Настало утро. Клир (потому что клирики жили близко) приходит в негодование, **900.** молва быстро переходит от одного к другому, и разгорается самый сильный пожар. Сколько стекло людей чиновных; сколько – посторонних и даже сомнительной веры! Не было человека, который бы, видя такое вознаграждение трудов, не раздражился тогдашним поступком. **905.** Но к чему продолжать речь? Немедленно с гневом удаляются они из храма, скорбя о том, что не достигли цели. Но чтобы не пропадало понапрасну начатое зло, приводят к концу и остальную часть своего лицедейства. **910.** Почтенные и богоугодные эти люди, в сопровождении нескольких мирян из числа самых презренных, входят в бедное жилище свирельщика и там, остригши волосы самому злему из псов, впрочем не употребив ни уз, ни насилия, потому что этот пес готов был и на большее, назначают его пастырем. **915.** Свершилось посещение густых кудрей; без труда уничтожен этот долговременный труд рук, а сам он приобрел из сего то одно, что обнаружена тайна волос, в которых заключалась вся его сила, **920.** как повествуется сие и о судии Сампсоне, что остриженные волосы предали его врагам, которым в угодность обрезала их жена и произвела эту безвременную и губительную жатву (см.: Суд. 16:19). Но из псов сделанный пастырем **925.** опять из пастырей стал псом, и (какое бесчестие!) псом покинутым. Не носит уже он красивых волос, но не владеет и стадом, а бегаёт опять по мясным рынкам за костями. Что ж сделаешь с прекрасными своими волосами? **930.** Снова ли будешь тщательно их отращивать? Или останешься таким посмешищем, как теперь? То и другое срамно, а между этими двумя крайностями невозможно найти ничего среднего, кроме одной удавки. Но скажи также, где положишь или куда пошлешь эти остриженные волосы? К лицедеям ли на позорище или к девам, **935.** и к каким опять девам? Не к своим ли коринфским? Не к тем ли, с которыми некогда ты, о всемудрый, один на один упражнялся в богоугодных подвигах! За все это назову тебя лучше псом небесным.

После сего город столько скорбел **940.** о тогдашних происшествиях, что все были смущены, всякий рассевал о Максиме ненавистные слухи в оуждение его жизни, и что доселе таилось в мысли, то гнев вывел наружу. Каждый присовокуплял от себя что-нибудь новое; **945.** и из всего этого составлялось стройное изображение одного совершенного негодяя. Как в теле при больших недугах появляются и малые немощи, остававшиеся неприметными, пока человек был здоров, так и у Максима все прежние худые дела выставлены на позор **950.** последним возмутительным поступком. Но никогда не стану разглашать их я. Пусть знают о сем те, которые говорят. Я хотя и потерпел обиду, однако же из уважения к прежнему замыкаю уста.

«Итак, что же? Не вчера ли был он в числе твоих друзей? **955.** Не вчера ли достаивал ты его самых великих похвал?» Так, может быть, возразит мне иной, кто знает это дело и захочет обратить мне в вину тогдашнюю готовность, с какой уважал я даже худших из псов. **960.** Точно, я был в неведении, достойном порицания, как Адам обольщен был зловредным вкушением; горькое дерево прекрасно было на вид; меня обманула личина веры, какую видел я на его лице, обманули и притворные слова. **965.** А кто верен, тот всех веримчивее, легко привлекается благоговением другого, будет ли оно истинное или мнимое. Конечно, это добрая еще немощь. Ибо всякий то и думает, чего желает. И скажите, премудрые, что надлежало мне делать? Что иное, по вашему мнению, сделал бы кто из вас самих? **970.** Церковь находилась тогда в таком еще тесном положении, что немало для меня значило собирать и солому. Стесненные обстоятельства не дают такой свободы, какую можно иметь во времена изобилия. **975.** Для меня очень было важно, если и пес ходит на моем дворе и

читит Христа, а не Геракла. Но здесь было нечто и большее. О том изгнании, какому подвергся Максим за срамные дела, уверял он, что потерпел сие ради Бога. Он был наказан бичами, а мне казался победоносцем. Если это тяжкая вина, то знаю, что не один раз и во многом **980**. погрешал я подобным сему образом. Простите же меня, судии, в этом прекрасном прегрешении Максим был самый негодный человек, но я уважал его, как доброго. Или скажу нечто и более отважное. Вот отдаю мой говорливый, не умеющий соображаться со временем **985**. язык. Кто хочет, отсеки его без милосердия. И что ж? Разве он не отсечен уже? Если угодно, то действительно так. По крайней мере, давно он молчит, и дальше еще будет молчать, может быть, в наказание за неблаговременность и в изучение, что не всем он приятен. **990**. Но каково и это? Позвольте присовокупить еще одно. Лукавство, подлинно, идет вопреки здравому рассудку. Кого и доброта не сделала кротким, из того могло ли что сделать всякое другое средство? Вот и самая честь для него уже укоризна. Каким назовешь ты нрав этого человека? **995**. Весьма худым. И если это верно, не доискивайся большего. А если неправда, то не соглашайся и на прежнее. Что может быть неоспоримее этого?

Так бесчестно прогнан отсюда этот злой человек, **1000**. вернее же сказать, прогнан прекрасно, потому что был зол. Поскольку же царь Востока, готовя гибель варварским племенам, находился в фессалоникийской крепости, то смотри опять, что замышляет этот злейший пес. **1005**. Взяв с собой подлую толпу египтян (разумею тех, которые обстригли его так безобразно), направляет он путь в воинский стан, чтобы царским указом утвердить за собой кафедру. Но там еще ничей слух не был расположен ко мне худо и не внимал клевете; поэтому Максим и там **1010**. с великим гневом и страшными проклятиями отринут, как пес, и вскоре скрывается в Александрию, сделав это одно справедливое и умное дело. Ибо с наемной толпой бездомных людей нападает на Петра, **1015**. у которого было двойное перо и который без труда писал все, хотя бы это и противоречило одно другому. Сего-то старца теснит Максим, требуя себе престола, которого надеялся, а в противном случае грозя, что самого не оставит на престоле. **1020**. Наконец, градоправитель, опасаясь (как и справедливо было), чтобы раздуваемый пламень к старым бедствиям не присовокупил еще новых, выгоняет его вон. И теперь по видимому он спокоен. **1025**. Но боюсь, чтобы эта страшная, чреватая градом туча, надвинутая сильным ветром, не разразилась над теми, которые вовсе того не ожидают, потому что злонравие никогда спокойно быть не может; хотя теперь и связано, но не делается благоразумнее. **1030**. Таково-то любомудрие нынешних псов! Это псы лающие, чем единственно и похожи они на псов. Что же такое в сравнении с ними Диоген или Антисфен? Что перед ними и Кратес? Ни во что ставь Платоново любомудрие; ничего не значит портик. **1035**. Тебе, Сократ, доньше принадлежало первенство. Скажу нечто вернее самой Пифии. Всех премудрее Максим ¹¹⁸.

А я бедствую, как едва ли бедствовал какой смертный: так было со мною с самого начала; так и еще более продолжается и теперь. **1040**. И великое благодарение трудам на суше, опасностям на море и тем страхам, которыми я спасен! Они, поставив меня выше всего превратного, явным образом обратили к горнему. Однако же не перенес я тогдашнего бесчестия, **1045**. и с радостью ухватился за открывшийся предлог. Как скоро узнал, что этот негоднейший человек обстрижен, хотя окружили меня все друзья, составили около меня неприемную стражу, охраняя мои движения, выходы и возвращения, **1050**. однако же, поскольку все враги мои видели эту борьбу и происшедшее разделение почитали низложением самого учения, смотря на все это и не имея терпения перенести (не отрицаюсь в том), испытал я на себе нечто, свойственное человеку простому, а не мудрому. **1055**. Тотчас, как говорят, повернул я корму назад, и повернул не слишком искусной рукой. Никто бы, может быть, и не

¹¹⁸ По преданию, Сократ, обратившись к Пифии в прорицалище в храме в Дельфах с вопросом о том, кто мудрее всех, получил ответ, что Сократ. Свт. Григорий в этом высказывании иронично заменяет имя Сократа на Максима. – *Ред.*

догадался; но у меня вырвалось какое-то прощальное слово, которое изрек я в скорби отеческого сердца. «Блюдите, – сказал я, – всецелую Троицу, **1060.** как предал вам, возлюбленным чадам, самый щедрый отец; помните, любезнейшие, и мои труды». Едва народ услышал это слово, один нетерпеливый громко вскричал, и, **1065.** как рой пчел, выгнанный дымом из улья, вдруг поднимаются и оглушают криками и мужчины, и женщины, девы, юноши, дети, старики, благородные и неблагородные, начальники, воины, живущие на покое; все равно кипят гневом и любовью, **1070.** гневом на врагов, любовью к пастырю.

Но не в моих было правилах принужденно преклонить колена и обрадоваться утверждению на престоле, которое не было вполне законно, когда не могли меня принудить и к принятию законного престола. Чтобы достигнуть желаемого, избирают другой путь, **1075.** прибегают к сильным заклинаниям и молениям, просят, чтобы, по крайней мере, остался у них, помогал им и не предавал паствы на расхищение волкам. Можно ли было удержаться от слез? Анастасия, досточестнейший из храмов, **1080.** в котором воздвигнута вера, поверженная на землю, Ноев ковчег, который один избег всемирного потопления и сохранил в себе семена нового православного мира! К тебе отовсюду стекался многочисленный народ, **1085.** потому что приближалась самая опасная и решительная минута – одержать верх или мне, или народной любви. А я посреди них, безгласный, в каком-то омрачении, не в состоянии был ни остановить шума, ни обещать того, о чем просили. **1090.** Одно было невозможно, от другого удерживал страх. Задыхались от жара, все обливались потом. Женщины, особенно ставшие уже матерями, в страхе напрягали свой голос, дети плакали, а день клонился к вечеру. **1095.** Всякий клялся, что не отступится от своих домогательств, хотя бы храм сделался для него прекрасным гробом, пока не исторгнет у меня одного желанного слова. Некто (для чего ты, слух мой, не был загражден в то же самое мгновение), как бы вынужденный скорбью, сказал: **1100.** «Ты вместе с собой изводишь и Троицу». Тогда, убоявшись, чтобы не случилось какой беды, не клятвой обязался (похвалюсь в этом несколько о Боге, я никогда не произношу клятв с тех пор, как омыт по дарованию Духа), **1105.** но дал слово, за которое ручался мой нрав, что останусь у них, пока не явятся некоторые епископы, которых тогда ожидали. Тогда и я надеялся получить избавление от чуждых для меня забот. Так с трудом мы разошлись, **1110.** для той и другой стороны приобретя тень надежды. Они воображали, что теперь я уже их, а я рассуждал, что остаюсь у них не на долгое только время.

Так было дело. И опять воссияло Божие слово; **1115.** казалось, что разредевший несколько воинский строй снова сгущается от расторопных распоряжений военачальника или разрушенный по местам оплот быстро растет под множеством рук. Еще прежде принявшие на себя узы догматов и потому присоединившиеся ко мне, когда увидели, чему я подвергся, возлюбили меня крепче. **1120.** Одних приводила ко мне проповедуемая Троица, учение о Которой было изгнано на долгое время, но не скажу, чтоб оно издавна погребено было совершенно; нет, это была отечественная проповедь, и теперь она возвращалась в свое отечество. Она была здесь и прежде, потом прекратилась, но теперь явилась снова, **1125.** удостоверяя тем в воскресении из мертвых. А в других было уважение и к моим, может быть, словам. Иные же приходили ко мне, как к терпеливому подвижнику. Другим приятно было видеть меня, как дело собственных рук. И об этом пусть одни спросят у знающих, **1130.** а другие расскажут незнающим, если найдутся люди, которые были бы так удалены от нас и от преобладающего ныне владычества римлян, – пусть, говорю, расскажут, чтобы могло быть это пересказано и во времена последующие, пересказано, как одно из небывалых еще в свете бедствий, приносимых к нам непостоянным течением времени, **1135.** которое ко всему доброму примешивает в большей мере худое. Не говорю уже о правоверном народе, о сем благородном плоде моего чревоболения. О них можно сказать только, что **1140.** поскольку не было у них единомудренного с ними пастыря, то как при безволии бегут к первой показавшейся влаге и в совершенной тьме – к малому свету, так и они стекались ко мне, чтобы

в моем слове найти себе пособие от глада. **1145.** Но что сказал бы иной о людях, чуждых веры, припоминая, как и они восхищались словом?

Много путей, которые слишком уклонились от пути законного и непогрешительного. Много путей, которые ведут в бездну погибели. На сии-то пути растлитель увлекает образ Божий, **1150.** чтоб чрез это найти к нему какой-нибудь доступ, разделяя в нас мысли, а не языки, как древле разделил Бог (Быт. 11:7–9). Это было причиной нездравых учений; одни не знают иного Бога, кроме случайного стремления, каковым будто бы составила и управляется эта вселенная; **1155.** другие вместо единого Бога вводят множество богов и кланяются собственным своим произведениям; иные все земное лишают Промысла и ставят в зависимость от сопряжений звезд; другие, быв избранным Божиим народом, распяли на кресте Сына, **1160.** думая тем почтить Отца; иные поставляют благочестие в исполнении маловажных заповедей; иные отрицают Ангелов, духов и воскресение или отметаю пророческие Писания, другие в законных сенях чествуют Христа; **1165.** иные чтут Глубину, Молчание – довременные природы, и эонов-женомужей; это дети Симона волхва и их порождения, то слагающие Божество из букв, то Ветхий и Новый Завет **1170.** приписывающие двум богам – жестокому и всеблагому, то вводящие три неподвижные природы: духовную, перстную и среднюю между обеими, то с восторгом принимающие Манесову первобытную тьму, то нечестиво чествующие Монтанова духа, **1175.** или суетное превозношение Новата, наконец, совратители всецелой Троицы и разделители неделимого Естества. А от них, как от одной гидры, расплодилось многоглавое злочестие; от них и тот, **1180.** кто одного Духа называет тварью, и тот, кто к Духу прилагает и Сына; от них и те, которые вводят современного кесарю Бога, или ни с чем не сообразно приписывают Христу призрачный образ, или допускают другого Сына, земного, **1185.** или утверждают, что спасен человек не полный, не имеющий ума. Таковы, скажу кратко, сечения правой веры; таковы родоначальницы всех нелепых учений ¹¹⁹.

¹¹⁹ Речь идет о современных свт. Григорию еретиках: эпикурейцах, язычниках, астрологах, иудеях, иудеохристианах, гностиках, манихеях, монтанистах, новацианах, арианах, духоборах, аноллинаристах и других. – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.